
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1982

Азербайджанская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 86,6 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ — 6 миллионов 302,9 тысячи человек.
НАСЕЛЕНИЕ БАКУ — 1 миллион 615,7 тысячи человек.
В республике живут граждане
около 100 национальностей и народностей.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
за 1940—1981 годы увеличилось в 13 раз.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ —
в 6 раз.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 8 раз.

А ВЕЧНА ТОЛЬКО РОДИНА...

Мирза
ИБРАГИМОВ,
Герой
Социалистического
Труда

Некоторые историки утверждают, что название моей республики «Азербайджан» произошло от слова «азер», означающего «огонь, свет». Возможно, оно пошло от наших предков-огнепоклонников. Как бы то ни было, но огонь, свет — древние символы свободы и радости, всегда жили в душе моего народа, народа высоких нравственных идеалов и гуманистических чувств. Всю свою историю он тянулся к добру, к справедливости и счастью.

История Азербайджана насыщена богатейшими событиями. О нашем крае сообщали еще древние ученые Геродот и Страбон. Великий азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви в своих творениях воспевает государственный и хозяйственный уклад, прекрасные и благородные обычаи моего народа. Именами литераторов, музыкантов, ученых, философов, дошедших до нас сквозь толщу столетий, могла бы гордиться любая нация. Памятники материальной культуры в Кировабаде (Гяндже), Шеки, Шуше, Баку по сей день поражают воображение своей красотой, монументальностью, совершенством. Красочные ковры, вытканные руками азербайджанских девушек, издавна пользуются славой во многих странах мира.

По́том и кровью своих крестьян, умелыми руками мастеров и миниатюристов Азербайджан строил утопающие в зелени садов города и села, возводил прекрасные дворцы и медресе, обсерватории и кре-

Продолжение см. на стр. 13.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

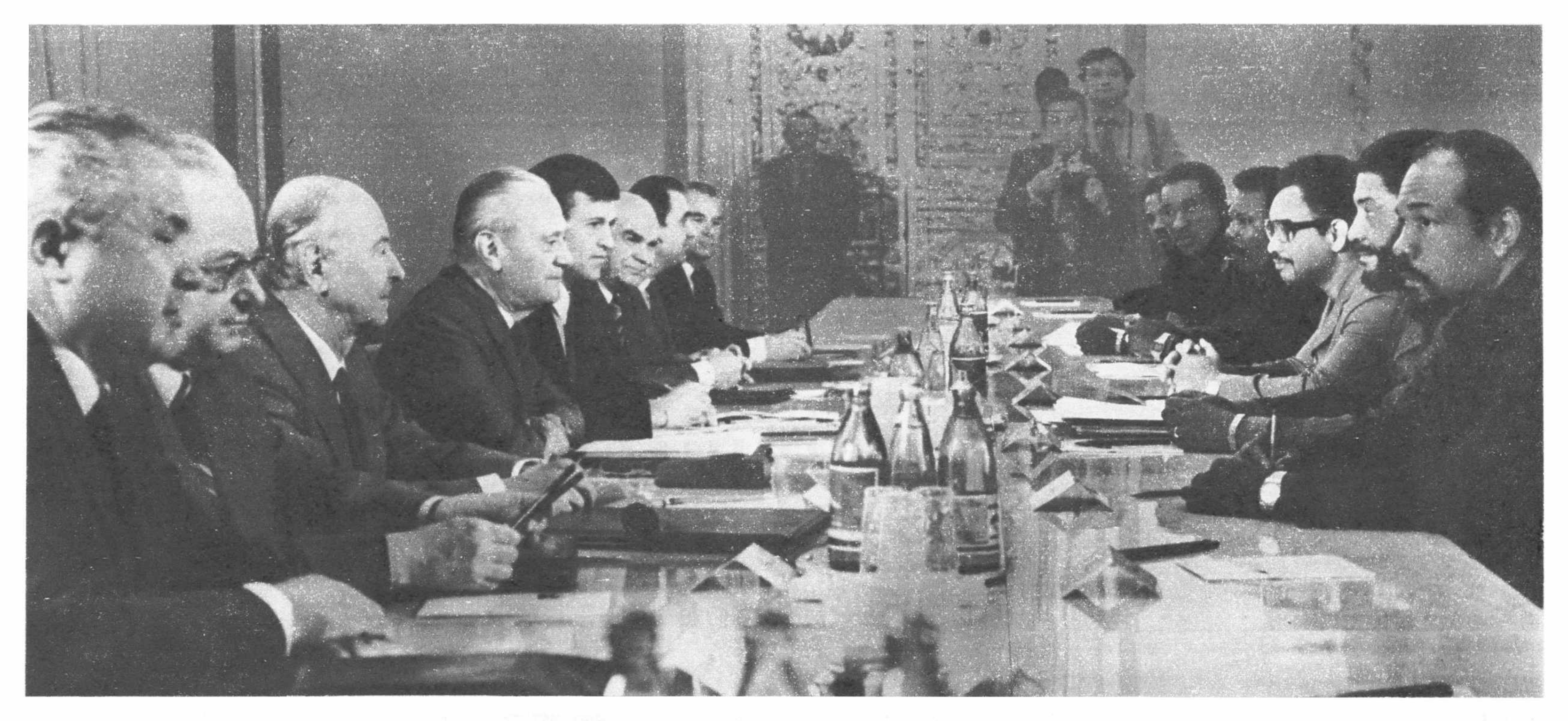

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 31 (2872)
31 ИЮЛЯ 1982

Во время переговоров. Фото А. ГОСТЕВА

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства 26 июля в Москву прибыла с официальным визитом партийно-правительственная делегация Гренады во главе с Председателем Политбюро ЦК партии Новое движение ДЖУЭЛ, Премьер-Министром Народного революционного правительства Морисом Рупертом Бишопом.

На Шереметьевском аэродроме М. Бишопа, членов делегации тепло встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

В числе встречавших были посол Гренады в Советском Союзе У. Р. Джэкобс, представители трудящихся Москвы.

27 июля в Москве состоялись советско-гренадские переговоры.

ПОСЕЩЕНИЕ ВЫСТАВКИ «ЭЛЕКТРО-82»

22 июля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих посетили международную выставку электротехнического оборудования и линий электропередачи — «Электро-82».

На выставке предприятиями, организациями и фирмами СССР и ряда зарубежных стран представлены новейшие образцы электротехнических изделий и комплексов современного технологического оборудования для их производства, последние достижения в области получения и преобразования электроэнергии и способов ее передачи.

Подробно была осмотрена экспозиция Советского Союза, развернутая под девизом «Электротехника — человеку».

В беседе, состоявшейся во время осмотра ряда павильонов выставки, большое внимание было уделено вопросам сотрудничества электротехников стран — членов СЭВ и СФРЮ в рамках международной организации «Интерэлектро».

Товарищи Н. А. Тихонов и В. И. Долгих дали высокую оценку достижениям электротехнической промышленности СССР.

На выставке также были заместители Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшиц, В. Н. Макеев, Н. В. Мартынов, И. Т. Новиков, З. Н. Нуриев, Л. В. Смирнов, Н. В. Талызин и первый заместитель министра внешней торговли Н. Д. Комаров.

Пояснения давал министр электротехнической промышленности А. И. Майорец.

На снимке: во время посещения выставки.

Фото А. ГОСТЕВА

ПОСТУПЬ ПЯТИЛЕТКИ

В печати опубликовано сообщение ЦСУ СССР об итогах выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в первом полугодии 1982 года.

Полугодовой план по общему объему промышленной продукции выполнен.

Прирост производства по сравнению с соответствующим периодом прошлого года составил 2,7 процента.

Производительность труда возросла на 2 процента. За счет этого получено 77 процентов прироста производства. Снижена себестоимость промышленной продукции, увеличилась прибыль.

Своевременно проведены весенние полевые работы. Посевные площади сельскохозяйственных культур под урожай 1982 года, по предварительным данным, составили 214,1 миллиона гектаров. По сравнению с прошлым годом расширились посевные площади ржи, проса, риса, кукурузы на зерно, сои, хлопчатника, льна-долгунца, овощей, кормовых культур.

Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве возросла на 2,7 процента и достигла 177 рублей.

Численность населения Советского Союза на 1 июля 1982 года составила 270 миллионов человек.

Первые десятки тысяч тонн угля отправили на Читинскую ТЭЦ горняки нового Татауровского разреза в Читинской области. Всего полтора месяца потребовалось коллективу для проведения вскрышных работ и начала эксплуатации мощного угольного пласта.

К концу пятилетки годовая добыча угля в разрезе будет доведена до полутора миллионов тонн.

На снимке: БелАЗы вывозят уголь.

Фото Л. Свердлова (ТАСС)

БОЛЬШОЙ СОВЕТ БРИГАДИРОВ

Во время совещания по низовому хозрасчету на строительстве (в нем участвовали руководители министерств и госкомитетов), состоявшегося в редакции журнала «Огонек» в мае 1981 года (см. «Подряд — дело государственное», № 28 за 1981 год), впервые был поставлен вопрос о создании постоянно действующего совета бригадиров. Речь о необходимости такого совета шла и на съезде профессионального союза рабочих строительства и промышленности строительных материалов. Президиум ЦК профсоюза принял соответствующее постановление, утвердил состав совета и его председателя — Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР В. П. Серикова.

На днях состоялось первое заседание совета бригадиров, утвердившее план его работы. Затем развернулись прения по докладу директора ВНИПИтруда в строительстве доктора экономических наук И. Сухачева о проекте «Положения о сквозном поточном бригадном подряде в строительстве». Начало сделано. Но в проекте недостаточно конкретно ставится вопрос о стимулировании инженерно-технических работников, а он стал одним из основных препятствий, мешающих массовому внедрению подряда. Об этом говорили бригадиры В. Сериков (Москва), В. Скачков (Череповец), А. Пронь (Одесса), А. Гадияк (Ворошиловградская область), И. Кибалюк (Петропавловск-Камчатский), Н. Ульянов (Московская область), А. Басов (Москва), В. Судаков (Горьковская область), Ф. Хаитов (Узбекистан), Н. Науменко (Омск).

К сожалению, на заседании не было ни одного бригадира — участника сквозного поточного подряда на строительстве крупных промышленных объектов. Не присутствовали здесь и представители таких строек, как БАМ, «Атоммаш», нефтяных и газовых магистралей, атомных электростанций, входящих в другие профессиональные союзы. Совету бригадиров предстоит преодолеть эти ведомственные барьеры.

Выступивший в заключение дискуссии председатель ЦК профсоюза И. А. Ланшин предложил разослать проект «Положения» для более широкого обсуждения.

Интересный обмен мнениями произошел также по вопросу организации учебы бригадиров хозрасчетных коллективов, а также по усилению режима экономии сырья, материалов, энергии.

Фото А. Бочинина

ОБУЗДАТЬ АГРЕССОРА!

Юрий КОРНИЛОВ

Вот уже около шестидесяти дней длится израильское вторжение в Ливан, и каждый из этих дней — кровавая страница в черной летописи преступлений сионизма. Превращены в руины многие города и села. Пылают под огнем израильской артиллерии жилые кварталы Бейрута. От рук тель-авивской военщины погибло более 40 тысяч мирных жителей Ливана, в том числе женщины, дети, старики, почти миллион человек лишились крова, оказались на положении беженцев. Агрессор осуществляет самый настоящий геноцид против арабского народа Палестины.

«Форма расизма и расовой дискриминации» — так охарактеризован сионизм в резолюции, принятой еще семь лет назад XXX сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Характеристика точная! Злодеяния израильского агрессора в Ливане до конца обнажили подлинное лицо современного сионизма, этого реакционнейшего идеологического течения, которое смыкается с самыми агрессивными кругами американского империализма. Сионистские мракобесы и террористы, находящиеся у власти в Израиле, возвели бандитизм и разбой в ранг государственной политики, и преступления, творимые по их указке на ливанской земле, по своей жестокости и варварству сравнимы лишь с кровавыми зверствами фашистских захватчиков в годы второй мировой войны.

Почему Израиль все еще продолжает свою разбойничью агрессию? Почему он нагло пренебрегает решениями Совета Безопасности ООН, требующими незамедлительного и безусловного вывода войск захватчиков из пределов Ливана? Все это происходит потому, что за спиной израильских головорезов стоят США. Именно Вашингтон вооружил и продолжает вооружать захватчиков. Именно Вашингтон поощряет их преступный экспансионистский курс, направленный на захват чужих земель, пытается создать им «политическое прикрытие» в стенах ООН. Трагедия Ливана — прямое следствие американо-израильского «стратегического сотрудничества», конкретный результат срастания империалистических интересов США и экспансионистских амбиций израильских сионистов. Активное участие США в разбое и геноциде в Ливане, грубое и беспардонное попрание ими общепризнанных норм международного права, Устава ООН — вот как выглядит на практике «борьба Вашингтона за уважение прав человека», о которой так любят разглагольствовать и президент США Р. Рейган и другие высокопоставленные американские деятели.

Действия Израиля и его покровителей в Ливане создают угрозу и другим арабским государствам: ведь налицо не только попытка расчленить Ливан и потопить в крови борьбу палестинского народа за свободу и независимость, но и линия на то, чтобы одну за другой подчинять арабские страны американскому диктату. В этой ситуации ключевое значение приобретает единство арабского мира, необходимость того, чтобы арабы сообща определили меры, нужные для обеспечения права палестинцев на жизнь, безопасность, независимое развитие и создание собственного государства.

Грохот снарядов и бомб, рвущихся на многострадальной ливанской земле, гневом и болью отдается в сердцах миллионов людей. «Руки прочь от Ливана!», «Положить конец злодеяниям сионистов и их заокеанских пособников и покровителей!» — под такими лозунгами проходят в разных странах мира массовые манифестации и митинги, участники которых требуют не только положить конец интервенции против суверенной арабской страны, но и создать международную комиссию, которая расследовала бы преступления Израиля, совершенные им в Ливане. Эту инициативу уже поддержали представители Всемирного Совета Мира, Организации солидарности народов Азии и Африки, Международной ассоциации юристов-демократов, Международной демократической федерации женщин, других массовых общественных организаций. Советские люди с удовлетворением встретили сообщение о создании в нашей стране представительной общественной комиссии для сбора и обнародования материалов о злодеяниях израильских агрессоров. Вандализм сионистов не может и не должен оставаться безнаказанным! Разумеется, ответственность за агрессию Израиля и ее последствия должны разделить с ним и его заокеанские опекуны.

Исключительно широкий международный резонанс вызвали в мире опубликованные 21 июля ответы Л. И. Брежнева на вопросы газеты «Правда». Комментируя их, видные политические и общественные деятели разных стран, печать отмечают, что Советский Союз, не на словах, а на деле поддерживающий правое дело арабов, вновь и вновь демонстрирует свою волю к миру, свою решимость и впредь твердо выступать на стороне тех, кто борется за свое национальное освобождение, за право на мирную и свободную жизнь, против империалистического диктата и шантажа.

Обуздать агрессора, повернуть развитие событий на Ближнем Востоке в сторону поисков всеобъемлющего и справедливого решения арабо-израильского конфликта — первоочередной долг всех, кому дороги идеалы мира и справедливости. Этого требуют интересы народов Ближнего Востока. Этого требует дело мира и безопасности народов всей земли.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЕРНЫЙ ПУТЬ К МИРУ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

— Масштабы разрушений и человеческих страданий, свидетелями которых мы были в осажденном Бейруте, неслыханны со времени второй мировой войны,— заявил видный деятель датского Красного Креста Торкил Хансен, только что вернувшийся из Ливана, где он пробыл десять дней с ознакомительной миссией.— Население Западного Бейрута — это более полумиллиона заложников, каждый день гибнущих под обстрелами, в пожарах и под обломками жилищ.

Торкил Хансен рассказывает о сотнях женщин, детей и стариков, доставляемых в больницы осажденного города после каждого обстрела или бомбардировки. Из-за катастрофической нехватки врачей, медсестер, а также медицинского оборудования и медикаментов много раненых гибнет.

— В Бейруте много людей с тяжелыми ожогами,—говорит Т. Хансен.— Судя по характеру ран, израильские войска применяют в Ливане фосфорные бомбы. Об этом я слышал и от встреченных в Бейруте американских журналистов. Прячась от обстрелов и бомбардировок, жители неделями находятся в подвалах больших зданий: крупных магазинов, кинотеатров и т. п. В результате скученности, нехватки воды и продуктов питания в городе замечены первые вспышки тифа.

Преступления израильской военщины на земле Ливана возмущают датскую общественность. В Копенгагене перед израильским и американским посольствами состоялись массовые демонстрации с требованием немедленно прекратить агрессию и вывести израильские войска.

В Дании развернулась кампания по сбору средств для оказания помощи ливанцам и палестинцам. Одна из активных участниц этой кампании, писательница Бригитта Рабек, автор книги о судьбе палестинского народа, заявила:

— Новые страдания, выпавшие на долю ливанцев и палестинцев,— прямое следствие попыток решить ближневосточную проблему за счет арабских народов, путем сепаратного сговора. Нынешние события в Ливане показывают всему миру, что такой способ решения проблемы окончательно зашел в тупик.

Тем более актуально звучат предложения по урегулированию кризиса, высказанные Л. И. Брежневым в ответах на вопросы газеты «Правда». Прежде всего нужно прекратить побоище в Ливане. И сделать это следует на основе решений Совета Безопасности. Думая о будущем, я, как и многие датчане, полностью поддерживаю советскую инициативу созыва международной конференции по Ближнему Востоку, призванной обеспечить в этом районе прочный и справедливый мир.

С. ВОЛОВЕЦ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

КОНКРЕТНЫЕ, СВОЕВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Большой интерес в политических кругах Италии вызвали ответы Л. И. Брежнева на вопросы газеты «Правда» по поводу событий в Ливане. Вот что заявил корреспонденту АПН в Риме сенатор Джанфилиппо Бенедетти:

— Своевременность и большое политическое значение этого интервью, в котором Л. И. Брежнев четко и недвусмысленно изложил советскую позицию относительно кризиса на Ближнем Востоке, трудно переоценить. Ответы советского руководителя проникнуты глубокой озабоченностью развитием событий в Ливане, чувством негодования и протеста против преступлений, совершаемых на ливанской земле Израилем при попустительстве Соединенных Штатов. Советский Союз еще раз доказал, что его подход к ближневосточным делам характеризуется ответственностью и реализмом.

Я хотел бы особо выделить конкретный характер этих предложений, разительно отличающий их от столь распространенного, к сожалению, сейчас на Западе пустословия вокруг ливанской и палестинской проблем. Советский план урегулирования включает ряд моментов, без которых прочного и стабильного мира в регионе достичь практически невозможно. Я имею в виду прежде всего предложение об использовании сил ООН для разъединения сил, защищающих Западный Бейрут, и израильских войск. Я имею в виду призыв к единению арабов, к тому, чтобы они «сообща определили меры, нужные для обеспечения права палестинцев на жизнь, безопасность, независимое развитие и создание собственного государства». Я имею в виду также предложение о созыве в самое кратчайшее время международной конференции с участием ООП как единственного законного представителя палестинского народа.

Устами своего лидера Советский Союз вновь заявил о готовности практически работать в этом направлении, сотрудничая со всеми, кто хотел бы внести свой вклад в установление прочного мира на Ближнем Востоке. Италия, как страна Средиземноморского бассейна, непосредственно заинтересованная в поддержании мира в этом регионе, должна откликнуться на этот призыв.

А. ХАЗОВ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

ПУСТЬ НЕБО БУДЕТ МИРНЫМ!

По утрам, отправляясь на работу, я прохожу мимо газетных киосков и вижу, как моментально расходятся по рукам стопки свежих газет. И здесь, прямо у киоска, и на остановках транспорта, и в вагонах метро москвичи торопливо читают газетные строчки — и я догадываюсь, какие из сообщений интересуют их сегодня в первую очередь. Ливан! Вот идешь по улице — вокруг тебя течет мирная жизнь, всюду смех, улыбки,— и трудно даже представить, что где-то сейчас в таком же вот голубом небе сбрасывают свой смертоносный груз бомбардировщики, что на глазах людей их дома превращаются в руины, что на улицах рвутся снаряды, гибнут люди, льется кровь — кровь ни в чем не повинных жителей. Вот когда начинаешь по-настоящему ценить мир! Слушаешь радио, смотришь по телевидению репортажи из Бейрута — все это вроде бы далеко от нас, за тысячи километров, в иной стране. Но вдруг начинаешь понимать, что и мы, советские люди, не можем считать себя в безопасности, когда существуют в мире агрессоры и их пособники. Наш земной шар не так уж велик. Сколько примеров знает история, когда огонь войны, как пожар, распространяется от страны к стране, от континента к континенту...

Как же вовремя, как верно прозвучали слова главы нашего государства Леонида Ильича Брежнева в его ответах на вопросы газеты «Правда» об обстановке в Ливане: «...Чем сплоченнее силы, противоборствующие военной авантюре Израиля, чем шире круг государств, требующих обуздания агрессии, тем скорее и надежнее будет положен ей конец». Четкая и определенная позиция Советского государства по отношению к ближневосточным проблемам вселяет в нас уверенность в том, что дело мира восторжествует, что агрессия в Ливане будет пресечена. И я, как и все советские люди, желаю палестинскому народу обрести государственную независимость, видеть над собой только мирное небо!

Тамара СУХОВА,
лауреат Государственной премии СССР, сборщица 2-го Московского часового завода

●

Ясир Арафат среди палестинских бойцов.

МЫ НЕ УЙДЕМ

Бейрутский стадион в эти дни.

ИЗ СВОИХ ДОМОВ

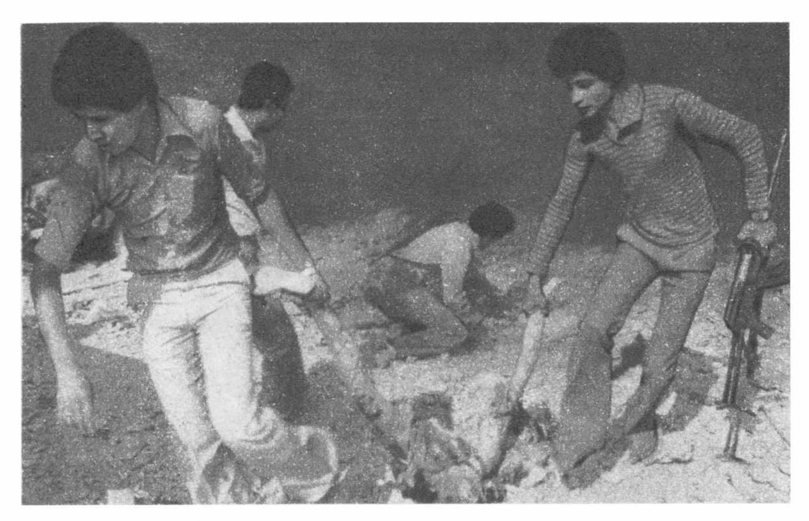
Пользуясь относительным затишьем в военных действиях, мы с коллегой решили совершить поездку по районам Западного Бейрута, прилегающим к линии фронта, и побывать, если удастся, на передовых позициях. Перед нами открылся изуродованный, искалеченный город.

Одну из красивейших улиц Бейрута — бульвар Мазраа — не узнать. Два года гражданской войны в Ливане не причинили столице и десятой доли тех разрушений, которые нанесли израильские бомбардировки и артобстрелы. По южной стороне улицы Абу Шакер снесены все дома. В воздухе стоит густой трупный запах.

Чем ближе к границам Западного Бейрута, тем чаще приходится объезжать бетонные надолбы, заграждения из металлических труб и баррикады. Машина поворачивает налево и въезжает в район Шиях, населенный преимущественно шиитской беднотой. Этот район на днях подвергся ожесточенному артобстрелу: стены скромных домиков зияют огромными черными дырами, на пустырях свалены остовы сожженных и исковерканных взрывами машин, у многих домов разрушены верхние этажи. На улицах пустынно, замерла торговая жизнь.

— В Шияхе жило более 200 тысяч человек. Сотни людей бежали сюда в последние годы с юга страны, спасаясь от бесконечных налетов и бомбежек израильской авиации,— рассказывает местный житель, журналист Хасан Хусейни.— Многие теперь опять вынуждены бежать. Немало мужчин, юношей и девушек нашего района обороняют Западный Бейрут. Наверное, поэтому интервенты так истерзали снарядами улицы Шияха.

В подвале крепкого здания, где раньше, судя по всему, располагался торговый склад, находится командный пункт обороны одного из секторов. Здесь мы встретились с палестинцем, подполковником Абу Аль-Абдом и его бой-

Очередная жертва.

цами — защитниками Западного Бейрута. Здесь фронт. Правда, бойцы не носят знаков различия.

— Мы ведем необычную, тяжелую войну,— говорит подполковник Абу Аль-Абд.— Мы сражаемся без самолетов, без танков. Силы у нас ограничены. Но мы не сдадимся и не поднимем белого флага. Основные военные успехи противника были достигнуты благодаря авиации. С первого дня агрессии нас засыпали тяжелыми ракетами, кассетными и фосфорными бомбами. Но наши части и боевые группы сумели остановить сионистские полчища в бейрутском предместье Хальде, вдоль магистрали приморского шоссе. Там мне довелось руководить обороной одного из участков.

Мы никогда не забудем героический подвиг нашего командира полковника Абдаллы Сияма. Он вернулся из госпиталя сразу после тяжелой операции и, лежа на боку, руководил боем, пока не был сражен разорвавшимся поблизости снарядом. В этом бою мы захватили два израильских бронетранспортера...

Впервые в истории войн против арабов израильская армия вынуждена была перейти к позиционной войне. С передовой палестинской позиции в районе Хай ас-Саллум хорошо видны земляные насыпи перед выдвинутыми вперед израильскими танками и бронетранспортерами, ходы сообщения. Долго разглядывать позиции интервентов нельзя без риска получить пулю. Один из израильских снайперов сегодня тяжело ранил таксиста, проезжавшего по переулку почти в четырехстах метрах за линией фронта. Мы быстро возвращаемся назад под прикрытие каменного забора, подпертого баррикадой из мешков с песком.

В подвале, куда мы спустились, устроен пункт отдыха для бойцов. Только что пришла очередная группа — шестеро бойцов. Младшему из них — шестнадцать лет. Абу Габаб уже отличился в боях, подбил из гранатомета израильский «Шерман».

— Я никогда так в жизни не радовался, как в тот день,— говорит он,— когда увидел, как израильские вояки, считающие себя непобедимыми, в страхе выскакивали из танка, убегали и прятались в камнях.

Покидая прифронтовой район Хай ас-Саллум, я еще раз бросаю взгляд на знакомые улицы, занятые оккупантами. В двух километрах отсюда высится новое здание факультета естественных наук ливанского университета. Оно обезображено снарядами. Правее протянулись взлетные полосы единственного в стране международного аэропорта с обгоревшими «боингами» ливанской авиакомпании.

Отъехав около трех километров от передовых позиций, мы посетили новый полевой госпиталь в квартале Харет Хреик. Здесь работают шесть ливанских врачей — выпускников советских вузов.

После получения дипломов они практиковали в квартале бедноты, где почти не было врачей. С началом агрессии вступили добровольцами в патриотическую организацию «Народная помощь». Вместе с группой французских медиков, приехавших в Ливан по зову совести, они в течение трех дней развернули в подземном гараже настоящий госпиталь.

Доктор Ахмед Садек рассказал, что им пришлось лечить людей со страшными ожогами от фосфорных снарядов и пораженных кассетными бомбами детей и женщин. Неоднократно персонал госпиталя сдавал свою кровь, когда кончались запасы консервированной. Сейчас, в период затишья, в госпитале осталось всего восемь раненых. Как только пострадавшим становится немного лучше, их увозят в оборудованные под больницу гостиницы в район Хамра, наиболее удаленный от фронта. Рядом с подземным госпиталем всегда опасно. Об этом свидетельствуют свежая воронка от снаряда у входа и пробитая осколками карета «Скорой помощи».

По дороге домой мы посетили центр для выздоравливающих раненых в районе Хамра. Работники общества палестинского Красного Полумесяца провели меня в палату, где лежит 40-летний палестинец Абдо Асмар — один из героев этой неравной и тяжелой войны.

Его недавно доставили тайными тропами из занятого оккупантами горного района Шув. Абдо Асмар сражался на передовом опорном пункте, который обошли вражеские танки. Выстрелом из гранатомета он поджег одну из израильских машин, но второй танк прямым попаданием разрушил его окоп. Абдо Асмар был ранен в обе ноги и контужен. Очнулся он ночью. Перевязал раны и переполз в кустарник. Там в полузабытьи он пролежал еще сутки, пока его не обнаружил местный крестьянин.

Ливанский патриот оказал раненому помощь и укрыл его в своем доме. Через два дня крестьянин переправил Абдо Асмара в горы в машине для перевозки мусора, на которой работал знакомый шофер. Ливанские патриоты поместили палестинского бойца в маленькую частную клинику, выдав его за раненого местного жителя. Там Асмар немного пришел в себя, и вот он в борющемся Бейруте. Через два-три дня Асмар собирается вернуться в строй.

— Израильская пропаганда твердит, что ливанцы отвернулись от палестинцев и якобы желают их немедленного ухода,— говорит он.— На моем примере видно, чего стоит эта ложь.

...Мы возвращаемся домой вечером. Поднимаемся по лестнице с фонариками — опять нет электроэнергии. Тяжелый запах идет от неубранного мусора, под ногами хрустят осколки выбитых стекол. Неуютно и трудно жить в осажденном городе, но многие десятки тысяч его жителей отказались покинуть его, несмотря на все угрозы захватчиков. Из открытых дверей квартир меня приветствуют соседи, приглашают на скромный ужин.

— Напишите в Москву, что израильская армия не пропускает в город даже молоко для детей,— просит молодая ливанка с малышом на руках.— Нам дали немного сухого молока работники ливанского Красного Креста, но его хватит ненадолго. Сионисты хотят выжить нас из Бейрута, как они выжили и выгнали палестинцев с родной земли. Но мы не уйдем из своих домов!

Александр СМИРНОВ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»
Фото ВАФА—АПН

Бейрут.

ТВ

КОГО НЕ УЧИТ ИСТОРИЯ

Восемнадцать тысяч сотрудников, не считая вспомогательного персонала...

Тысячи агентов внутри страны и за ее рубежами...

Почти два десятка тысяч агентов под видом дипломатов, бизнесменов, журналистов...

Свыше ста резидентур и опорных баз...

Миллиардный, практически бесконтрольный бюджет...

Все вышеперечисленные «достоинства» принадлежат одному учреждению — Центральному разведывательному управлению США.

Именно деятельности ЦРУ посвящены подготовленные главной редакцией кинопрограмм Центрального телевидения три передачи из цикла «Кинокамера смотрит в мир». Их автор — Генрих Боровик. Эти передачи — исследование, конкретное и четкое. Оно производится на основе большого количества документального материала, часть которого была представлена американским кинорежиссером Алленом Франковицем в трехсерийном телевизионном фильме «По делам фирмы». Другая часть материала была собрана советскими кинорежиссерами Екатериной Вермишевой и Леонидом Махначем для фильма «Тихие американцы». А кино- и телевизионная хроника последнего времени иллюстрирует деятельность «невидимого правительства» США сегодня.

Тридцать пять лет назад было создано Центральное разведывательное управление. И на протяжении этих тридцати пяти лет его рекламная пресса и рекламные фильмы настойчиво внушают всем мысль, будто ЦРУ — это вовсе не сборище шпионов и убийц, а скорее научно-исследовательский институт, в котором работают высокого класса ученые-аналитики, их занятие — читать, анализировать, делать выводы... Не более...

Но что-то не очень это похоже на деятельность научного учреждения — изрешеченные пулями трупы людей и сгоревшие, искореженные остовы боевой техники. Даже отдаленно не напоминают ученых-аналитиков головорезы с автоматами в руках. И уж никак не назовешь лабораторными инструментами бомбы замедленного действия и шприцы со смертельными ядами.

Но именно такова история и современная практика одного из крупнейших шпионских ведомств США. Такой она предстает перед нами в документальных кинокадрах, словах очевидцев и участников целого ряда трагических событий.

Ложь в столкновении с жизнью смехотворна и саморазоблачительна. Именно поэтому значительное место в этой серии передач отводится высказываниям ряда руководящих деятелей ЦРУ. Давая интервью в разное время и по разным вопросам, они, конечно же, не могли предположить, что их заявления будут сопоставлены в документальном кинофильме с фактами реальной действительности. Иначе они, как замечает автор передач, лгали бы осторожнее.

В телевизионном цикле рассматривается широкий круг вопросов, связанных с деятельностью ЦРУ. В них, в частности, внимательно изучается та роль, которую играет сегодня разведка во внешней политике США. ЦРУ давно превратилось в аппарат, от заключений которого зависят как решения правительства США, так и осуществления их на реализацию этих решений. Разветвленный механизм разведки, пронизывая всю государственную структуру, активно воздействует на политический курс правящих кругов.

В трех телепередачах наглядно показано, что американская разведка, являясь одним из наиболее реакционных отрядов современного империализма, пытается, в сущности, бороться с объективными историческими закономерностями. И чем больше трудности, с которыми сталкивается империализм США при осуществлении своих целей, тем большую роль в достижении этих целей приобретают методы тайной войны. Каких-либо ограничений на эти методы — будь они морального или правового порядка — не существует.

...Трудно сказать, насколько верят сами себе составители рекламных книг о ЦРУ. Но вот то, что сегодня им не верит большинство людей на планете,— факт.

А. СОКОЛОВ

Не ограничившись идеей
Об ограниченной войне,
Он в космос
не для мирных целей
Стремится на «своем коне».

Дм. Демин

Рис. КУКРЫНИКСЫ

ЦЕНА «БЕСПЛАТНЫХ» ПОТЕРЬ

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
Александр МАЛИНОВ

К сотворению полезных ископаемых человек непричастен. Поэтому формально они ничего не стоят. Стоят их потери. И очень дорого.

Как же геологически щедр наш Кольский полуостров! В россыпи его минералов будто вся фантазия природы. Во всей громадной и такой геологически разной нашей стране за годы Советской власти найдено 150 новых видов минералов, и почти половина приходится на кольский Север.

Некогда дикий край, «гроб природы», по выражению русского историка Карамзина, трудом и стараниями советских людей превращен в мощный экономический район страны. Апатит, главное богатство края перерабатывается и непрерывным потоком многими сотнями вагонов ежедневно используется для удобрения полей. С маркой лучшего апатитового концентрата он поставляется в десятки стран. Нелишне напомнить, что чуть ли не каждая десятая булка хлеба на нашем столе целиком выпечена за счет «апатитовой прибавки» урожая. Весом вклад кольского никеля, меди, железа в народное хозяйство страны.

Все это достаточно известно. Куда менее «популярны» сведения о том, что около сорока процентов добываемой на Кольском полуострове продукции не используется. Всевозможные отвалы комбината «Апатит» содержат ценнейшее сырье: нефелин, сфен, титаномагнетит, эгирин. С неиспользованием сырья связаны и острейшие вопросы сохранения природы. Поднимется ветер, и с отвалов идет пыльная буря. Ничего не видно, дышать трудно, загрязняются леса, крупнейший водоем Кольского полуострова озеро Имандра.

БУКВАЛЬНО — НА ВЕТЕР!

Едем на отвалы вместе с В. И. Захаровым, заведующим лабораторией комплексной переработки нефелинсодержащего сырья Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья Кольского филиала АН СССР. По пути за город Виктор Иванович рассказывает о том, что это рукотворное месторождение апатито-нефелиновой обогатительной фабрики номер два (АНОФ-2) действует давно, с начала ее работы, но лишь в последние 4—5 лет стали возникать пыльные бури. Почему раньше этого не было? Сейчас высота оградительных дамб превысила 40 метров, а там слой более интенсивных воздушных потоков, что усилило пыление. К тому же городу Апатиты не повезло в том, что он находится на преобладающем направлении ветров, дующих со стороны отвалов.

Сейчас мы увидим само хвостохранилище, его заполнение.

Пока едем, Виктор Иванович, взяв бумагу и ручку, поясняет:

— Все выглядит довольно нехитро. По трубопроводу сюда, в овальный резервуар, поступают отходы — непереработанная пульпообразная масса, содержащая нефелин. Для равномерного заполнения пространства трубопровод опоясывает его по всему периметру, сейчас мы по этому периметру и поедем. Слив идет из разных точек трубопровода.

Вот и отвалы, поехали вокруг них. Наметил для себя точку отсчета. Делаем полный круг, смотрю на спидометр. Вышло 13,5 километра. Таковы размеры. И все заполняется не безвредным для людей и природы и ценным для промышленных продуктом, в котором одного только алюминия множество несметное.

Схема, технология комплексной переработки «хвостов» есть. Причем создана она не только-только, а пять лет назад. За это время была усовершенствована, но до промышленных испытаний дело пока не дошло.

— В чем причина, Виктор Иванович?

— Вопрос сложнейший. И методически и организационно. Нам с комбинатом «Апатиты» самим его не решить. Нужна помощь других научных организаций, и прежде всего институтов отрасли химического машиностроения. Однако заинтересовать их нам не удалось. На производственном объединении «Апатит» сейчас полностью выделяется апатит, но лишь около 15 процентов нефелина. Площадь отвалов, в которые идут неиспользованные полезные ископаемые, на сегодня превышает две тысячи гектаров. И в ближайшее время эти показатели не улучшатся.

УКРОЩЕНИЕ «ХВОСТОВ»

На заседании постоянной комиссии по охране природы Апатитского городского Совета народных депутатов обсуждаются два вопроса: о ходе внедрения оборотного водоснабжения на фабрике АНОФ-2 и о состоянии работ по закреплению пылящих нефелиновых песков — отвалов этой же фабрики. Выступают А. П. Смирнов, заведующий отделом охраны природы комбината «Апатит», Г. Н. Смирнов, главный инженер АНОФ-2, В. В. Крючков, заведующий лабораторией охраны природы Кольского филиала АН СССР, доктор биологических наук.

Сначала А. П. Смирнов говорит о том, что за последний год содержание взвешенных веществ в озере Имандра, близ хвостохранилища, снизилось в восемь раз, причем все за счет внедрения «оборотного водоснабжения». Терминология, думается, вполне выразительна: вода, используемая при обогащении руды, сделав свое дело, очищается и возвращается на обогатительную фабрику, что предполагает чистоту производства. Но если б все было так!

Во-первых, оборотным водоснабжением охвачено пока лишь 80 процентов производства обогатительной фабрики. Полный оборот ожидается только в 1983 году.

Во-вторых, как здесь сказано одним из членов комиссии, озеру Имандра уже нанесен такой ущерб, что, наверное, его придется лечить.

А. П. Смирнов настроен на этот счет более оптимистично: «Озеро справится само». Однако этого оптимизма никто из присутствующих явно не разделяет.

Другой Смирнов, главный инженер обогатительной фабрики, с горечью говорит о том, что всерьез, фундаментально вопросами природоохраны они стали заниматься лишь несколько лет назад, а до 1963 года, когда было построено первое хвостохранилище, отходы напрямую шли по реке Белой в Имандру. Правда, и объемы добычи руды были иными.

Теперь спохватились. Несомненно, проблемой занялись всерьез и производственники и ученые. Выступает В. В. Крючков.

Прежде всего он напоминает о том, что работа по оборотному водоснабжению, которая выполняется на комбинате «Апатит», беспрецедентна в мировой практике, сложна, недешева, что важно не снижать темпы. Однако и не уповать только на этот метод борьбы за сохранение среды нашей жизни.

Разговор переходит к теме борьбы с пылением отвалов. Василий Васильевич рассказывает о закрытии пылящих поверхностей жидким стеклом, хлористым калием, латексом. Особый вред приносят откосы — более всего пылят именно они. Немало средств и методов испытали за последние годы ученые. Вот по рукам пошли цветные фотографии: откосы засеяны растением под названием волоснец песчаный, который растет в этих краях. Прошлым летом ученые ездили на побережье Белого моря и, набрав 65 мешков, засеяли волоснецом десять гектаров, причем практически вручную. Результаты хорошие.

Но это опыт. А что дальше? Расчеты показывают: нужно ежегодно засевать 186 гектаров. С этой задачей сам комбинат справиться пока не в состоянии. Требуется специальная техника, люди. Требуется организация специальной службы. Все это внесено в протокол решения комиссии. Комбинату «Апатиты» нужна помощь.

И РОДИТСЯ ИСТИНА

В чем главный корень проблемы комплексного использования сырья, безотходной технологии? Только ли в несовершенстве научно-технологических решений? Не доверяя собственным выводам, мы дотошно расспрашивали самых заинтересованных лиц — ученых, хозяйственников, партийных руководителей области.

В. Т. Калинников, доктор химических наук, директор Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья Кольского филиала АН СССР:

— Научно-технологические решения есть. Мы имеем разработанные технологии переработки всех минералов, причем в разных вариантах, но внедрение...

Как известно, необходимым этапом внедрения разработанных технологических схем является их опытно-промышленная проверка, значит, для этого нужен специальный цех. При долевом участии в его строительстве заинтересованных министерств вопрос промышленного освоения комплексного сырья получил бы практическое разрешение.

Т. Федотова. Род. 1952. ГОСТИ В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА. 1981

А. Петров. Род. 1947. МОСКВА. КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ. 1981

Г. А. Голованов, Герой Социалистического Труда, доктор технических наук, директор производственного объединения «Апатит»:

— Как вы уже знаете, для получения нефелинового концентрата нами используется лишь незначительная часть «хвостов», остальной продукт идет в отвал. Дальнейшее использование нефелинового концентрата требует его спекания с известняком, что позволяет в дальнейшем получать глинозем, соду, поташ, цемент. Такое производство налажено на Пикалевском и Волховском заводах, расположенных неподалеку от Ленинграда.

Несколько лет назад мы построили крупный цех по дополнительному производству нефелинового концентрата. Расчет был на Министерство цветной металлургии, которое в соответствии с постановлением должно было построить в средней полосе (где есть известняк) два новых завода по переработке нашего нефелинового концентрата. Но Минцветмет свое решение изменил и от строительства заводов отказался. В результате построенный нами цех пришлось срочно переоборудовать для других целей, а в отвал продолжают идти все те же несметные объемы ценного материала. Таковы издержки несовпадения интересов нашего Министерства по производству минеральных удобрений и Минцветмета.

И вот парадоксальная ситуация: везут наш концентрат на заводы в Пикалево или Волхов, что почти за полторы тысячи километров. А оттуда полученный глинозем направляется обратно к нам — в Кандалакшу, где и получают из него алюминий. Спрашивается: зачем же везти снова на Север?

Вся беда в том, что в продуктах, получаемых из нефелинового концентрата, заинтересованы четыре министерства: цветной металлургии, химической промышленности, строительных материалов и, наконец, минеральных удобрений. Столкновение интересов неизбежно. Здесь нужен один хозяин, один главный заинтересованный орган. Только тогда может быть решен вопрос о полном использовании сырья, о безотходной технологии, о действенной защите природы.

Одним из кардинальных путей решения этого вопроса, на наш взгляд, может быть организация в Мурманской области территориально-промышленного комплекса. В этом случае все продукты, полученные из нефелина, нашли бы применение в нашем регионе. Тем более что тогда можно было бы использовать «безызвестняковую» технологию, разработанную учеными Кольского филиала Академии наук СССР, и решить вопрос о строительстве завода по переработке нефелинового концентрата в наших краях.

Вот решение вопроса, которое и делает экономику экономной.

После беседы с Г. А. Головановым нас посетила странная на первый взгляд мысль: главным тормозом комплексного использования кольских месторождений является... их комплексный характер. В апатито-нефелиновой руде такой сгусток интересов. Фосфор идет в сельское хозяйство. Редкие элементы нужны цветной металлургии. Алюминий из нефелина также нужен Минцветмету, а сода и поташ — химикам. Железо из титаномагнетита тоже могло бы заинтересовать черную металлургию, а титан и его соединения — химиков и металлургов по цветным металлам. Вот и получается известная ситуация с семью няньками. Точнее, пока апатито-нефелиновые месторождения опекает одно ведомство, то и интересы у него свои, ведомственные. Однако здесь необходимы существенные дополнения.

И. В. Бельков, доктор геолого-минералогических наук, директор Геологического института Кольского филиала АН СССР.

— Руды месторождений Кольского полуострова нередко сложны по своему минеральному составу. В каждом минерале, в свою очередь, могут находиться одновременно и в необычных сочетаниях несколько химических элементов. Такие комплексные руды весьма ценны, но крайне сложны для переработки технологически.

Комплексное минеральное сырье осваивается промышленностью с трудом. Однако с суждениями о том, что ведомственный подход к оценке комплексного минерального сырья служит основным препятствием его рациональному использованию, созданию в конечном счете безотходных производств, соглашаться безоговорочно нельзя. Нередко именно технологические трудности и экономические показатели переработки затрудняют решение проблем полной утилизации всех содержащихся в нем полезных компонентов. Для их одновременного использования преодолеть все технологические трудности крайне тяжело! Во всяком случае, на сегодняшний день технологическая проблема комплексного использования апатито-нефелиновых руд полностью не решена, хотя и далеко продвинулась.

В. Н. Птицын, первый секретарь Мурманского обкома КПСС:

— Решение проблемы комплексного использования сырья тормозится не только «ведомственностью». Велики сложности чисто технологического характера, о которых говорит Игорь Владимирович Бельков. И еще заметим, что только изменение технологий и создание безотходного производства потребовали бы затрат в миллиард рублей — для одной лишь нашей Мурманской области. Согласитесь, что это многовато.

Рассказанная вам Георгием Александровичем Головановым история разногласий комбината «Апатит» с Министерством цветной металлургии в связи с построенным цехом по производству нефелинового концентрата нам, конечно, хорошо известна. Министерство не должно было так поступать ни в каком случае. Несмотря даже на то, что главное для всякого министерства — выполнение своих плановых заданий.

Не следует думать, что создание территориально-промышленного комплекса исключило бы возможность такой ситуации и что вообще ТПК — основное решение проблемы комплексного использования сырья и гарантия сохранения природной среды. Вот вам первый мой вопрос в этой связи. У нас сейчас практически нет претензий к министерствам по вопросам финансирования. Взять тот же Минцветмет СССР. Нет финансовых претензий ни по производству, ни по соцкультбыту. К слову же будет сказано, что это министерство за минувшую пятилетку сделало огромный скачок по комплексному использованию сырья на предприятиях отрасли, расположенных на Кольском полуострове.

А кем и как будет финансироваться ТПК? Создать такой комплекс и не подкрепить дело гарантией четкого и полноценного финансирования — значит провалить дело.

Как быть с подчиненностью? Отобрать у Министерства по производству минеральных удобрений производственное объединение «Апатит» и передать его полностью в ведение ТПК? Не укладывается как-то в голове. Может быть, здесь нужно двойное подчинение? Но в таком случае нетрудно предвидеть междуведомственные трения. Как их избежать?

Короче говоря, созданию ТПК необходимо тщательное экономическое обоснование, нужно отработать взаимосвязи, структуру управления на всех уровнях. Может быть, потребуется создать несколько моделей управления и выбрать из них оптимальную.

Мы не против создания у нас территориально - промышленного комплекса. Но здесь недопустимы эксперименты, слишком дорого они обходятся государству. Необходимо иметь научное обоснование, использовать имеющийся опыт.

А пока нужно развивать передовую технологию, добиваться внедрения в производство передовых достижений науки и техники, повышать эффективность производства, о чем сказано в решениях ноябрьского Пленума ЦК нашей партии. Над этим мы сейчас и работаем.

В заключение мы решили обратиться... к академику А. Е. Ферсману. Пять десятилетий назад под его руководством приступила к систематической работе первая научная станция в Хибинах. Именно в ту пору начиналась большая наука на Кольском полуострове, закладывался фундамент нынешнего интенсивного хозяйственного освоения его природных богатств.

Вот что писал Александр Евгеньевич в своей книге:

«Овладение богатствами Кольского полуострова, несмотря на их значительность, ни в коем случае не должно привести к хищническому расточению и неполному использованию горной массы...

Комбинирование отдельных отраслей хозяйства друг с другом на Кольском полуострове имеет совершенно исключительное значение.

...Оно должно врастать во всю хозяйственную жизнь края, являясь частью, и притом очень важной, общехозяйственного плана, органически сочетаясь со всеми его отраслями в целом. При этом необходимо подчеркнуть роль и значение самой организации хозяйства, которое должно быть подчинено единой организационной воле на принципах территориального использования всего природного сырьевого комплекса и всей хозяйственной структуры данного края. География промышленности является в значительной степени и географией комбинированного использования местного сырья».

Этим строкам почти полвека.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ОГОНЬКА»

КАК ВЫЖИВАЛИ СОЛОВЬЯ

Отклики на напечатанную в № 11 «Огонька» за этот год статью «Пожалуйста, тише!» заставляют снова вернуться к вопросу шумовой «агрессии».

Московский микрорайон, в который входит Светлый проезд, состоит из пятнадцати корпусов. В нем тысячи жителей, двадцать из которых поставили подписи под этим письмом, полученным редакцией.

Границы микрорайона проходят по трем действующим железным дорогам, которые образуют собой вечно гремящий треугольник. Однако до поры до времени мысль сетовать на судьбу жителям не приходила. Они терпеливо высаживали вдоль железных дорог кустарники и деревья, которые более или менее спасали не только от неутомимых путей сообщения, но и от прачечной-комбината, выстроенного неподалеку. Посреди этой урбанистической идиллии вдруг даже... запел соловей; соловей в шумном месте петь не может.

Тем временем кто-то решает выстроить кафе «Олимпиада-80». Строительство кафе, которое так до сих пор не начало функционировать, смело скамейки, дорожки и часть из посаженных деревьев. Сейчас здесь склад, куда часто приезжают машины. Причем дорога идет едва ли не по трем детским площадкам.

В прошлом году внутри треугольного двора была устроена автостоянка для автовладельцев, живущих... в других местах. В считанные недели к стоянке было проведено круглосуточное освещение, ее территория ограждена, поставлены четверо ворот, а также будка-вышка для сторожа. Оставшаяся зелень была, естественно, сметена.

Во дворе есть два дома, которые «по шуму» признаны непригодными для жилья. Из них уже начали переселять отдельные семьи.

Таким образом, получается, что ненужное кафе, гаражи, принадлежащие кому-то, и несколько складов стоят здоровья тысяч людей да еще и тысяч квадратных метров жилья? Ведь если не остановить этот процесс вульгарной урбанизации, в конечном итоге дома будут пустовать...

Автор статьи «Пожалуйста, тише!» обратился за советом к заведующему лабораторией по борьбе с шумом московского НИИ строительной физики Г. Л. Осипову.

— В разных городах многие жители микрорайонов, построенных ранее,— сказал Георгий Львович,— с завистью смотрят на жилые архитектурные комплексы, возводимые сейчас: ныне вопросы шумозащиты стараются решать еще на стадии проектирования. Но как быть там, где ошибки в этом плане сделаны давно, и больше того, приняли застарелые формы? Как быть жителям дворов насквозь пронзаемых самыми разными звуками и круглосуточно?

В нашей стране существуют санитарно-эпидемиологические станции, соответствующие каждой административной единице — от республик до городов. Оснащенные шумомерной аппаратурой, они являются прямыми исполнителями законов о шумозащите, которые упоминались в статье «Пожалуйста, тише!». Они наделены правом воздействовать на виновных в нарушении этих законов.

Кроме того, при исполкомах есть постоянно действующие комиссии по борьбе с шумом. Все это — государственные полномочные органы, призванные защищать нас от нашествия лишних децибел, о них должно быть известно широкой общественности.

Что же касается письма наших читателей, живущих на Светлом проезде, то мы обратили на него внимание сотрудников городской санитарно-эпидемиологической станции. Однако, думается, этим должны заинтересоваться и в исполкоме Ленинградского района.

И. ДЬЯКОВ

ИХ ОБЪЕДИНЯЛ

Евгения ДЫМИНСКАЯ,
Олекса НОВИЦКИЙ

На встречу шепетовских подпольщиков и партизан соединения Героя Советского Союза Антона Захаровича Одухи пришла и Елена Антоновна Стоян. Это уже пожилая женщина. Глаза ее задумчивы и полны печали, они много-много видели в жизни. И сейчас, вспоминая пережитое, она неторопливо рассказывала о нем.

— Я знала, что где-то недалеко от нашего села Полонное идет бой с гитлеровцами, неуловимые народные мстители наносят удар за ударом. И не удивилась, когда вечером зашел ко мне директор полонской школы Романюк и сказал: «Опять я к вам, Елена Антоновна. Надо спрятать четырех партизан». «Хорошо, Филипп Мефодиевич...»

Вскоре скрипнула дверь, и в дом зашли четыре парня; измученные, почерневшие от копоти. Я указала им на чердак.

Шли дни за днями. Партизан навещал Романюк, и на чердаке они о чем-то совещались. А однажды ночью мои хлопцы спустились вниз и сказали мне: «Будьте здоровы, мама. Спасибо за хлеб-соль и за все доброе. Вы нас выручили в такое тяжкое время». И каждый поцеловал мне руку. Я подала им сумки со скудной едой.

Один за другим вышли они из дома. А я еще долго стояла у окна, прислушиваясь, не прогремит ли выстрел.

Ночью послышался топот и сильный стук в дверь. Ворвались гитлеровцы и полицейский. Перевернув в доме все вверх дном, они полезли на чердак и начали перетряхивать сено. Где-то в углу полицейский нашел порванную рубашку и ткнул мне в лицо: «А это что? Отвечай! Чья?» «Сына». «А сын где?» «А где же ему быть, на работе... Для вашего рейха старается...» «Что мелешь?— крикнул полицай.— Для какого рейха? Может, партизанского?..» «Да нет,— говорю,— партизанского рейха нет. О таком я и не слыхала...»

Гитлеровцы толкнули меня в спину и прикрикнули: «В гестапо! там расскажешь, какие рейхи бывают у партизан».

Били меня, долго допрашивали: «Где сын? Где партизаны?» Я молчала. Бросили в камеру. Тело ныло от побоев. Ко мне подошла женщина, стала меня успокаивать, вытерла кровь с лица. Наклонились надо мной еще две женщины. Смотрю на них: односельчане — Феодосия Дехтярук, Наталия Синица и Екатерина Шкуран.

Утром нас отвезли в Шепетовку. И снова темная, холодная тюремная камера. Из угла донесся стон. Там лежала окровавленная девушка. Ее притащили с допроса: требовали назвать имена шепетовских подпольщиков. Она не назвала.

Порвав рубашку на лоскуты, мы перевязали ей раны. Наконец девушка, приоткрыв глаза, спросила: «Где я?» «Ты с нами, Тамарочка»,— ответила ей подруга Лида Баранова. «Ты не одна здесь, будем теперь вместе бороться»,— сказала я. «Бороться, тетя, наверно, уже нам не придется,— вздохнула Тамара Крамаренко,— это же камера смертников...»

Тамара рассказала, как она, работая на станции переводчицей, помогала партизанам. Офицер, отвечавший за отправку эшелонов, считал, что девушка преданно служит рейху, и при ней отдавал распоряжения, когда и куда должен отправиться эшелон. «Все эти сведения я передавала шепетовским подпольщикам. Пока не выдал меня полицейский... Но там остались такие, что дадут еще прикурить не одному эшелону и не одному предателю! Гестаповцы расстреляют меня. Но кто-то из вас останется в живых. Расскажите о мертвых, о шепетовских подпольщиках».

Две недели нас допрашивали. И ничего не добились.

Однажды вечером в камеру вошли эсэсовцы, вывели нас на улицу и посадили в машину. Здесь уже сидело несколько девушек. Они были раздеты, а на дворе лютовал февраль. Тогда мы сели между ними, чтобы им было потеплее. Сняли платки и отдали им. Прижавшись ко мне, одна из них сквозь слезы прошептала:

— Спасибо, тетенька... Скоро, наверно, не будем чувствовать ни холода, ни тепла... Нас ведь на расстрел везут... Но вы девушкам не говорите. Пусть пока этого не знают...

В Славуте нас погрузили в поезд. Эшелон прибыл в Холм. Здесь был лагерь военнопленных. За колючей проволокой — бараки, тысячи изможденных людей.

Вскоре нас погнали в канцелярию — регистрироваться. Мне трудно описать наше состояние, когда мы увидели тут человека из родного села Полонного: он сидел за столом и вел регистрацию. Я внимательно посмотрела на него — может быть, только похожий?.. Нет, наш он, наш Константин Степанович Ильичев. Припомнила, что работал он инструктором Осовиахима... Коммунист... Я заведовала детскими яслями и виделась с ним на заседаниях городского актива. Переглянулась с односельчанками. Они тоже узнали Ильичева. И сразу подумала: теперь конец! Ведь он знал нас как советских активисток. Феодосия Дехтярук работала бухгалтером в райкоме партии, была кандидатом в члены партии; коммунистка Екатерина Шкуран — в Доме культуры.

В тревоге, с трудом сдерживая волнение, смотрю на него. А он — незаметно на нас. Мы поняли: узнал! Но вида не подал. Что бы это значило?

Когда вернулись в блок, кто-то из женщин шепнул мне на ухо: «Все честные мужчины наши на фронте. А он видишь, где пристроился. Переводчиком! Добра не жди, выдаст...» «А может, и не выдаст. Он был неплохим человеком»,— говорю ей.

Когда стемнело, вдруг в блоке появился Ильичев. Глазам своим не поверила! Он приблизился к нам и, оглядываясь по сторонам, негромко сказал: «Говорите одно: вас ошибочно схватили во время комендантского часа». И тут же быстро выбежал из блока.

Верить ему или нет? Я ходила из угла в угол, одолевали сомнения, тревога. А тут подходит ко мне девочка лет тринадцати и шепотом, задыхаясь от страха и волнения, сообщает, что слышала разговор коменданта с блоковой. «Они говорили о вас, прибывших с Украины... Только вы никому не рассказывайте, иначе меня засекут... Вас, политических, говорили, расстреляют...»

Представляете мое состояние? Я никому не сказала о том страшном, что узнала от девочки. Но теперь каждый день ждала неотвратимого. Хотя сама себя успокаивала: авось, все пройдет стороной. Не прошло!

Никогда не забыть, как двери с грохотом открылись и на пороге остановились два автоматчика и немецкий офицер. Вслед за ними появился Ильичев. Держа какую-то папку, он выкрикнул: «Стройтесь!» И стал вызывать нас по фамилиям. Все ясно. К нам бросились женщины, старожилы блока. Плачут, прощаются. А офицер зло кричит: «Шнель, шнель!» Уже не помню, как мы выстроились друг дружке в затылок и вышли во двор. Долетели до нас слова Ильичева. Он убеждал офицера, что нас задержали по ошибке, что мы не политические. Но тот решительно отмахивался от него.

Лагерь остался позади; впереди длинный ров. Трудно передать состояние человека, увидевшего ров, наполненный мертвецами. Они лежали, раскинув руки, с широко раскрытыми глазами, в которых навеки застыл ужас. К нам подошли автоматчики и стали подталкивать поближе ко рву. А Ильичев все твердит офицеру, что мы не виновны, что нас зря числят политическими, что мы простые украинские женщины. А тот и слышать не хочет.

Прошла минута, другая. Оглянулась. Ильичев рядом стоит. Толкнул меня в плечо и зло говорит: «Да объясните же вы, наконец, пану офицеру, за что вас забрали!» Я выкрикнула подсказанные слова, а за мной наперебой стали твердить и девушки: «Нас забрали по ошибке!»

И вдруг раздалась команда офицера: «На блок — ма-арш!» Мы остолбенели, не могли двинуться с места. «Вы что, оглохли? Стоите, как вкопанные! — рычит Ильичев, делая вид, что он страшно разгневан.— На блок — была команда пана офицера. Слыхали?!»

Протягивая друг другу закоченевшие руки, мы потянулись к блоку. Ноги посинели от холода, больно ступать, но старались идти как можно быстрее, подальше от этого мрачного рва.

Легко представить радость, с какой встретили нас женщины в блоке. Обнимали, целовали, старались своим дыханием согреть наши посиневшие от мороза пальцы, оттирали окоченевшие ноги. Мы долго не могли прийти в себя от нервного потрясения.

Дня через три забежал к нам Ильичев, подошел к нарам, где мы сидели, и шепотом сообщил: «Завтра утром вас отправят в Люблинский концлагерь. Там, конечно, будет нелегко, но это все же жизнь, а не смерть. Держитесь. Красная Армия наступает».

Как хотелось от всей души поблагодарить его, но мы уже никогда не встречали этого человека. Только позже узнали от военнопленных, что нашему Ильичеву гитлеровские врачи привили какую-то страшную, неизлечимую болезнь, от которой он и умер в концлагере. Многие пленные, которых спас Ильичев, хранят светлую память о нем.

Ирма Тельман в Киеве со своими друзьями, бывшими узниками Равенсбрюка и Нойбранденбурга.

...Люблинский концлагерь. Сразу же нас закрыли в холодной бане, отобрали теплую одежду, а вместо нее дали летнюю, полосатую. С левой стороны на груди нашит красный треугольник, так называемый венкель, означавший, что пленный — политический. У каждого из нас был свой номер. На голове — кусок тряпки, на ногах — какие-то деревяшки. Еда, как везде,— баланда.

Днем и ночью над лагерем стелился дым из четырех труб крематория. Удушающий, он сжимал горло. Многие не выдерживали и как подкошенные падали на землю, усыпанную золой. Тогда звучала зловещая команда: «В крематорий!»

Почти каждый день прибывали транспорты с женщинами. Украинки, польки, русские, чешки, итальянки, француженки, бельгийки. Сортировали их, как скот. Здоровых отправляли на каторжные работы: корчевать деревья, копать ямы, рвы, перевозить камень, кирпич. Красивым молодым женщи-

А ОДНА СУДЬБА

нам предлагали идти в увеселительные дома, ублажать эсэсовцев, а кто не согласен — в крематорий или же туда, где «экспериментировали» гитлеровские врачи.

Мне приказали работать уборщицей в нашем блоке. Сюда прислали пятьсот женщин разных национальностей. Чем только могла, я помогала тяжело больным. Знала — иначе их отправят в крематорий. Они ласково называли меня «тетя Лена». А когда я заболела, то отламывали мне кусочки от своей пайки.

Утром на аппеле раздалась команда коменданта: «Русских и украинок на транспорт!»

Нас привезли в Равенсбрюк. Это был страшный лагерь. Доктора шприцами брали у нас кровь. Многие теряли сознание, их отбрасывали в сторону, а затем приказывали раздеться донага и ходить вокруг стола, за которым сидели фашисты и выкрикивали: «Шнель, шнель, руссише швайн! Еще раз шагай вокруг стола. Посмотрим, на что ты пригодна...»

В глубине лагеря находился замаскированный тайный блок. Оттуда доносились душераздирающие крики. Фашистские врачи продолжали там свои «эксперименты»: без наркоза вырезали у живых людей части тела, чтобы затем бросить несчастных в печи крематория.

Однажды в этот страшный лагерь-ад привезли Ирму Тельман, дочь вождя Коммунистической партии Германии. Я слышала, что и мать ее, Роза Тельман, также была брошена в концлагерь. Дочь и мать умышленно разлучили.

Е. А. Стоян.

...Тельман! Я вспомнила, как в минувшие годы советские люди боролись за освобождение Эрнста Тельмана. Перед моими глазами прошло то время, плакаты, которые несли демонстранты: «Свободу Тельману!..» Вспомнила и мою улицу, что носит дорогое имя Тельмана. И вот теперь я оказалась в одном лагере с его дочерью. Чем я смогу помочь ей, облегчить ее страдания? Хоть бы удалось увидеться! И вдруг узнаю: нас отправляют в Нойбранденбургский лагерь. И Ирму тоже.

Это был такой же ад, как и Равенсбрюк. Всех выгоняли на каторжные работы. Запрягали вместо лошадей, чтобы вывозить бревна и камни. Некоторые в отчаянии бросались на электрическую проволоку, чтобы покончить со всеми страданиями.

Как-то ко мне подошла немка — из числа пленных,— она была назначена надсмотрщицей — и доверительно сказала: «Тетя Лена, к нам в лагерь привезли Ирму Тельман». А через несколько дней, когда мы стояли на аппеле, та же немка указала мне на худенькую светловолосую девушку: «Это Ирма Тельман». На ней была такая же, как и на нас, потрепанная полосатая лагерная форма. Голубые ее глаза смотрели смело, открыто, решительно, она напоминала отца. К Ирме подошла надсмотрщица из числа фашисток. Она размахивала плеткой и, смерив Ирму злобным взглядом, сердито спросила: «Почему ты в этой красной косынке?» Ирма вызывающе бросила: «Я люблю красный цвет, это цвет крови замученных...» «Вот ка-ак! Так я сорву с головы твою красную тряпку!»—закричала надсмотрщица. Ирма решительно ответила: «Снимешь красную косынку только с моей головой!» «Смотри какая! Ты запомнишь этот день на всю жизнь! Сама попросишь у меня разрешения снять эту тряпку...»

С болью в сердце я наблюдала, как эта же надсмотрщица заставляла Ирму выполнять самые трудные работы. Кирпичи женщины перевозили, а Ирму она заставляла носить их на руках. Ирма носила по два кирпича. Фашистка подошла к ней, крикнула: «Я тебя научу, как работать для рейха!»— и, схватив еще два кирпича, положила ей на руки. Ирма бросила на землю эти два кирпича. Надсмотрщица снова положила их ей на руки. Ирма опять бросила их на землю. Тогда эсэсовка набросилась на Ирму с кулаками и стала избивать ее. Ирма схватила кусок кирпича и бросила фашистке в лицо. Надсмотрщица побежала к коменданту. Через несколько минут прибежали гитлеровцы и потащили Ирму на расправу.

Мы все пережили тревожную ночь, думая о судьбе Ирмы. А утром блоковая сказала: «Есть решение коменданта Ирму повесить. В воскресенье придет палач...»

Я не находила себе места. Что делать, как спасти Ирму?

Ирму водили на допрос, от нее требовали одного — сознаться, что она хотела убить надсмотрщицу. Ирма отвечала: «Я только защищалась от побоев!» Не добившись признания, эсэсовцы в воскресенье раздетую и босую Ирму потащили к бункеру. Все это произошло на наших глазах. Мы слышали, как комендант кричал: «Ты пошла в своего отца». И как гордо отвечала Ирма: «Я счастлива, что похожа на отца!»

Комендант запер ее в каменный мешок и, обращаясь к нам, пригрозил: «Кто подойдет к этому бункеру — будет расстрелян».

Вечером мы собрались в своем блоке — я, Ядзя из Познани, Зоя Окулович из Минска, Аня Сукonченко из Бобруйска и еще несколько женщин, которым можно было довериться. Мы обсуждали: как спасти Ирму, как передать ей еду?..

Я была уборщицей, и мне не раз приходилось бывать возле этого бункера, отгороженного от нашего блока проволочной сеткой метра в три вышиной. И у меня сразу созрел план: достать ножницы, вырезать в сетке треугольник и, отогнув его, подавать еду через эту дыру.

Мы раздобыли литровую жестянку, и во время обеда каждая из нас отливала туда часть своей порции баланды. Оставляли и по кусочку хлеба. Все остальное было делом техники и... смелости. Пакет с хлебом я привязывала к метле, а на забитый в метлу гвоздь нацепляла жестянку. И еще свое одеяло.

Теперь ежедневно, утром и вечером, когда все были на аппеле, я, пользуясь тем, что меня как уборщицу отпускали на двадцать минут раньше, тайком передавала Ирме еду и одеяло. И тайком же забирала у нее освободившуюся жестянку и одеяло.

Уже не один день Ирма сидела скрюченная в этом каменном мешке. Легко представить, каково ей было там, как страдала от холода (ведь на ней была лишь лагерная форма, а на каменном полу она стояла босая), каких ей стоило неимоверных усилий, чтобы принять мою передачу и вовремя возвратить жестянку. Но она прошла школу революционной борьбы, жизнь закалила ее.

Воспоминания о прошлом помогали ей сейчас. Она вспоминала, как издевались над ней, над ее матерью после ареста отца. Обыски, угрозы, запугивания. В школе ее принуждали отдавать честь ненавистному фашистскому флагу, а она гордо заявляла: «Я не буду кланяться фашистскому флагу!»

Весной, во время фашистского праздника, пионеры и члены организации «Красных соколов» сели в последнем ряду. Ирма вместе с ними не поднялась, когда исполнялся фашистский гимн. Учителя, подталкивая ее в спину, велели встать. Но Ирма не подчинилась. На учительском совете ее спросили: «Почему ты не встала?» Она громко ответила: «Моего отца без всяких на то оснований бросили в тюрьму. Я никогда не буду петь ваших песен и не буду вставать во время исполнения вашего гимна!»

...Ирма открыла отяжелевшие веки и услышала знакомый шорох над головой. Невидимая рука снова подавала ей еду все в той же теплой жестянке. Обхватив ее коченеющими руками, девушка с жадностью пила горячую жидкость. И на душе сразу становилось тепло: о ней не забыли!

Ей казалось, что она просидела в бункере целую вечность. И вот как-то утром она вдруг услыхала громкие голоса. Железные двери неожиданно открылись. Негодующий комендант кричал: «Смотрите, она еще жива!» Да, она была жива, но не могла даже пошевелиться. На распухших ногах открылись раны, выступила кровь... Комендант приказал вытащить ее из бункера.

Позже мы узнали, что первую помощь ей оказала военнопленная — врач по имени Антонина. А после освобождения из концлагеря ее вылечили советские врачи.

...С Ирмой Тельман, с бывшими узниками Равенсбрюка и Нойбранденбурга я встретилась в Киеве уже после войны.

* * *

Когда этот очерк готовился к печати, в газетах была опубликована заметка корреспондента ТАСС В. Виноградова.

«Ирма Габель-Тельман, дочь выдающегося деятеля германского и международного рабочего движения Эрнста Тельмана, вновь возбудила судебное дело против убийц своего отца. Об этом сообщил на пресс-конференции в Бремене адвокат Г. Ханновер, представляющий интересы И. Габель-Тельман. Дело будет рассматриваться в суде Кёльна.

Органы прокуратуры Кёльна до сих пор упорно уклонялись от привлечения к ответственности эсэсовских преступников, принимавших личное участие в расправе с Э. Тельманом... Известный юрист из ГДР профессор Ф.-К. Кауль еще в апреле 1962 года обратился в западногерманские судебные инстанции с требованием привлечь к ответственности бывших эсэсовских надсмотрщиков концлагеря Бухенвальд В. Отто и В. Бергера, принимавших участие в убийстве Э. Тельмана. Оба палача в то время безнаказанно проживали в ФРГ.

Но под различными предлогами кёльнская прокуратура всячески противилась подлинному разбирательству дела... прибегала даже, как отметил адвокат Г. Ханновер, к использованию аргументации нацистских судов.

Между тем, как подчеркнул адвокат, имеющиеся многочисленные документы, а также свидетельские показания бывших узников концлагеря Бухенвальд неопровержимо доказывают, что Э. Тельман погиб в результате жестокого и коварного преступного акта, организованного по инициативе главарей фашистского рейха. Как отметил Г. Ханновер, даже сама кёльнская прокуратура не в состоянии подвергнуть сомнению все эти документы и свидетельские показания.

Тем временем из двух непосредственных участников преступной операции в живых остался лишь В. Отто. В 1962 году, когда против него в первый раз было возбуждено судебное дело, бывший эсэсовец преспокойно учительствовал в одной из католических гимназий. Сейчас этот преступник получает государственную пенсию, ибо власти квалифицируют его всего лишь как «бывшего чиновника».

БЕРЕЧЬ БУМАГУ

Сейчас, когда в стране стало очень трудно приобрести нужную книгу, особенно обидно бывает сталкиваться с фактами расточительства бумаги. В кинотеатре «Улан-Батор» (Москва, улица Гримау) очень часто вместо того, чтобы выдать два билета на двухсерийный фильм, дают пять десятикопеечных.

А поскольку сейчас по всей стране двухсерийных фильмов демонстрируется очень много, то, по-моему, на них надо продавать один билет, на котором и следует указывать стоимость. Какая большая экономия бумаги будет в масштабах страны.

Б. ЕФЕТОВ, журналист

Москва.

Я УЗНАЛА ВАС, ПОДРУГИ!

Радистки 3-го берегового радиоотряда Черноморского флота.

В журнале «Огонек» № 25 помещена фотография девушек-радисток 3-го берегового радиоотряда Черноморского флота. Ее прислала в журнал Нина Коршунова из Новосибирска. Она обращается с просьбой отозваться и участвовать во встрече в Киеве. У меня тоже сохранилась фотография наших девушек радисток. Но это было уже позже, в Кабардинке.

Сама я пришла служить во флот добровольно в мае 1942 года. Сначала служила на Краснознаменной Каспийской флотилии в 6-м береговом радиоотряде, где я приобрела специальность радиста, а в конце 1943 года была переведена в действующий Черноморский флот в 3-й БРО, вместе со мной была переведена Рая Симонова. Часть в то время стояла под Новороссийском. Здесь мы и познакомились с Н. Коршуновой и ее подругами.

В мае 1944 года нас, трех радистов: меня, Лешу Чурсинова и Дусю Шиманову — направили в распоряжение начальника разведотдела Черноморского флота полковника Намгаладзе, но по-прежнему мы относились к 3-му береговому радиоотряду.

Демобилизовалась я в марте 1946 года. Очень бы хотелось вновь увидеть своих боевых подруг.

Знаю, что Рая Симонова (ныне Бондарь) живет в Ленинграде.

Со мной в одном городе живет ветеран 3-го БРО Евгения Брагинская (ныне Наровлянская).

Н. ВЕНДЕРЕВСКАЯ

Кривой Рог.

ГДЕ АЛЬПИНИСТЫ ИЗ СВАНЕТИИ?

Известно, что Верхняя Сванетия расположена в высокой части Большого Кавказского хребта. Все здесь располагает к тому, чтобы жители Верхней Сванетии давали стране талантливых восходителей на снежные пики. Так и было до недавних пор. Не будем называть всех имен, напомним лишь о звезде советского альпинизма — Михаиле Хергиани. Теперь о нем пишутся книги, выпускаются фильмы. В центре Верхней Сванетии, в поселке Местиа, создается его мемориальный Дом-музей. А ведь наш Миша вынужден был работать не у себя дома, потому что на его родине не было и до сих пор нет альпинистского лагеря, о котором он лишь мечтал всю жизнь и даже облюбовал для него замечательное место в Местийском ущелье, недалеко от аэропорта.

Какой может быть альпинизм без лагеря, без технической базы, без учителей и творчества? И вот постепенно молодежь Верхней Сванетии перестает заниматься альпинизмом. А если кто и занимается, то в других горах, хотя свои под боком. Настолько оскудел альпинистскими силами этот край, что когда понадобилось срочно собрать две спасательные команды, то вторую команду среди местных жителей еле наскребли.

В Сванетии появились хорошие дороги, регулярные авиарейсы связали этот горный уголок со всей страной. В селениях появился электрический свет, телевидение, все это, конечно, очень облегчило жизнь горного жителя, но разве сванетская молодежь должна поэтому отворачиваться от гор?

Нет, то, что дано этому краю самой природой — ледники и суровые вершины, неприступные скалы и глубокие пропасти,— все это по-прежнему должно закалять людей. Нам нужен альпинистский лагерь в Местиа.

Ну разве не странно, что до сих пор нет такого лагеря на родине Михаила Хергиани?

Любовь НИЖАРАДЗЕ, замглавврача Местийской больницы, депутат Верховного Совета Грузинской ССР, Герой Социалистического Труда;
Маро ТКАВАДЗЕ, заслуженный мастер спорта, участница массового восхождения на вершину Казбека в 1925 году;
Бекно ХЕРГИАНИ, заслуженный мастер спорта, участник экспедиции по снятию фашистского флага с вершины Эльбруса в годы войны.

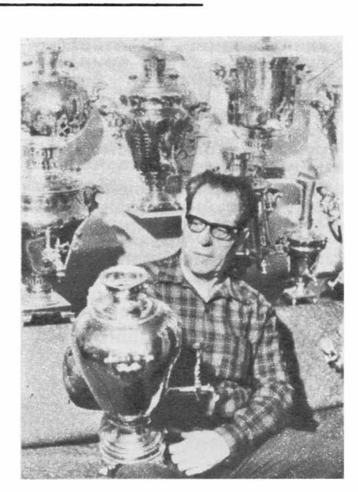
•

Разные бывают увлечения: одни собирают марки, другие — репродукции картин, третьи разводят аквариумных рыбок. А вот Иван Алексеевич Дончаков собирает самовары.

В прошлом медник и слесарь, он сам реставрирует старые, гнутые, пригодные лишь для металлолома самовары. Под его золотыми руками самовары обретают вторую жизнь.

Сейчас в коллекции И. А. Дончакова 42 самовара, и в любом из них можно приготовить ароматный чай.

Есть здесь самовары, изготовленные в начале XIX века фабрикой Баташёвых, есть и один из первых советских самоваров, сделанный на Тульском патронном заводе. Многие из них отмечены медалями на различных международных выставках. Еще около двух десятков самоваров ждут реставрации, чтобы засверкать своими блестящими боками в квартире Ивана Алексеевича Дончакова.

В. КЛЮШКИН. Фото автора

Сочи.

НА ВЕЛОСИПЕДЕ К МОРЮ

В Шяуляе любят велосипед и дети и взрослые. Недавно в городе прошел праздник велосипедиста и республиканские соревнования школьников. Победители получили в награду прекрасные подарки — велосипеды нового образца «Дубиса» и «Орленок».

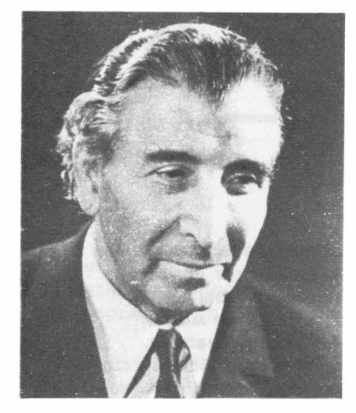
Известные слова, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения, в равной степени можно отнести и к велосипеду. Шяуляйцы именно так его и воспринимают. Добавим только, что он, велосипед, помогает, как говорят, совместить приятное с полезным, являясь еще источником здоровья. Большое удовольствие проехать десять километров по новой велосипедной дорожке Шяуляй — Бубяй. В погожие денечки мамы и папы с ребятишками отправляются по ней на Шяуляйское море, ведь велосипед в городе — «болезнь» семейная.

А. ОСТАШЕНКОВ

Шяуляй
Литовской ССР.

На старте самые маленькие. Фото автора

Мирза Ибрагимов.

А ВЕЧНА ТОЛЬКО РОДИНА...

Начало см. на стр. 1.

пости, являющиеся уникальными образцами зодчества. Но все эти богатства, созданные трудом народа, гением лучших его сынов, веками находились в руках кучки паразитов. Сеятель и жнец помирали с голоду, губы строителей колодцев высыхали от жажды, зодчие, возводящие дворцы, не имели собственного угла.

Несмотря на талант и трудолюбие народа, Азербайджан встретил XX век в нищете и забитости. Это был один из самых отсталых уголков царской России.

Подлинный свет и свободу принесла азербайджанскому народу Советская власть, жизнь в единой многонациональной семье советских народов-братьев. Сколько света было в простых словах телеграммы, подписанной В. И. Лениным и полученной 5 мая 1920 года Азревкомом: «Да здравствуют рабочие и крестьяне Азербайджана! Да здравствует союз рабочих и крестьян Азербайджана и России!» С этого момента все перевернулось в судьбе моего родного народа. Собственно, история его началась как бы заново.

Мне было тогда девять лет, но я помню, какими светлыми улыбками расцветали лица людей. Будто солнце опустилось на землю.

Да, моя судьба сложилась так, что я оказался живым свидетелем пробуждения моего народа от беспросветной жизни к вершине человеческого счастья. И это не абстрактные слова. Каждое слово, каждое понятие о моей родине, о моих земляках я пережил, перечувствовал.

Иной скептик скажет, что я пристрастен и говорю это, увлекаемый чувством любви к землякам, зачарованный ими. Иной скажет и так: «Своя рубашка ближе к телу». Что же, в чем-то я соглашусь и с тем и с этим. Но только хочу привести другую пословицу: «Ашуг поет о том, что видел сам».

Я принадлежу к числу тех писателей, которые больше доверяют глазам, чем слуху. Вот почему эти слова диктуют мои личные наблюдения в течение семидесяти лет жизни, увиденное мною на дорогах судьбы. А дорог этих было много, ох как много! Мне повезло: я исколесил вдоль и поперек не только родную республику, но и весь мир. Первые дороги своей жизни, по которым я ступил из младенческой колыбели, были истоптаны караванами верблюдов, исполосованы колесами арб, запряженных волами. Это были дороги темного прошлого моего народа... Одна из последних дорог — воздушная трасса в многострадальный Ливан. Эта дорога, эта поездка, в которой я еще раз увидел звериный оскал империализма, дают мне право говорить о счастливой доле моего Азербайджана, не знающего ни национальной розни, ни вражды.

Да, годы летят, как птицы, но вместе с опытом, с пережитым, с сединами на голове чувствуешь, что молодеешь.

Не говори, что молодость прошла,
Она — в огнях, сверкающих над нами,
Она садами новыми взошла
И новыми в пустыне городами...

Это возвращение в молодость связано только с одним — с радостью видеть, как счастлив мой народ. И об этом я неустанно твержу повсюду, куда бы ни забросила меня судьба.

Однажды после встречи с одним западным журналистом, после того, как я рассказал о достижениях Советского Азербайджана, он вдруг ввернул каверзный, с его точки зрения, вопрос: «А недостатков у вас совсем нет?» И я ответил прямо и откровенно: «Сколько угодно! Общество, считающее себя совершенным, — это общество без идеалов, без будущего. У него нет цели, нет точки приложения сил. Мы не закрываем глаза на недостатки,— сказал я ему.— Но между тем, с чего мы начали, и тем, чего достигли, расстояние настолько огромно, так велик прогресс, что не радоваться столь существенным успехам может только безнадежный скептик и пессимист».

И я рассказал ему о своей жизни. Рассказал, как от голода в восемнадцатом году умерла на глазах у детей моя мать. Как вынуждены мы были с отцом и братом уйти с насиженного места в Баку, где отец рассчитывал найти работу. Шесть месяцев он искал любого, самого дешевого рабочего места. Ведь здесь было несчетное число таких же безработных и бездомных, как отец, азербайджанцев и людей других национальностей, приехавших из России. Я никогда не забуду его тоскливых глаз, устремленных в последнюю минуту перед смертью на нас, детей. Его взгляд вопрошал: «На кого я вас оставляю?» Спустя неделю после кончины отца также от голода и истощения умер брат Рза. Я остался один и много дней провел на улице. Потом стал батрачить в одной богатой семье под Баку. Несмотря на достаток, глава семьи и хозяйка были постоянно угрюмы и печальны. Нет, они не думали, подобно многим, о куске хлеба. Они имели все. Но счастья не было и у них. Единственный их сын прожигал жизнь за картами и кутежами в Баку. Как только у него кончались деньги, а это бывало раз в неделю, он приезжал и силой брал их у родителей.

Старшей дочери исполнилось сорок, но семьи она не построила. Не потому, что была неказиста или тяжела характером. Нет, она была красивая, трудолюбивая девушка. Но к ней сватались парни из трех состоятельных семей, и каждая семья предупреждала отца: «Выдашь дочь за другого — убьем твоего сына!» Девушка знала, что это не пустые угрозы. Все это сломило отца, он умер молодым от разрыва сердца. Будущее не сулило ничего хорошего и младшей — улыбчивой и приветливой девушке Гызлар; к ней, несмотря на ранний возраст, тоже сватались несколько человек.

Вот почему, когда в Азербайджане установилась Советская власть, в этой семье был праздник. Принципы свободы и равенства женщин, провозглашенные новым строем, вызвали у дочерей слезы. «А как же богатство, достаток?» — спросите вы. На этот вопрос одна из дочерей ответила: «К чему мне золотое блюдо, если в нем кровь?»

Несколько лет назад я был приглашен в это селение, где когда-то батрачил, на встречу с читателями. Здесь в девятнадцатом году не было ни одного образованного человека. Сейчас в поселке работают десятки инженеров, врачей, педагогов. После встречи ко мне подвели пожилую женщину.

— Вы меня не узнаете? — спросила она.
— Извините, нет.
— Я Гызлар-агасы...

Памятник 26 бакинским комиссарам в столице Азербайджана.

Город Баку. Музей В. И. Ленина. Фото А. ГОСТЕВА

В это время к ней подошла девочка лет двенадцати. Лучистыми черными глазами она в точности напоминала бабушку такой, какой я знал ее много лет назад. Только в этих глазах было счастье и безмятежность.

— Дочь моей старшей! — похвалилась Гызлар-агасы. — Мать у нее педагог, сама же мечтает стать инженером-нефтяником...

В этом рассказе и судьба одного человека и судьба всего народа, поднявшегося из нищеты и бесправия к вершинам человеческого духа. Иной после революции стала не только судьба азербайджанской женщины. Изменился весь образ жизни, изменились понятия о цене человеческого труда, о возможностях людей, свободных и никем не угнетаемых. Новый общественный строй, высвободив гигантскую созидательную энергию трудящихся масс, чудесным образом преобразил всю республику. Под руководством партии, в дружной семье советских народов, при помощи и поддержке великого русского народа моя республика расцвела и преобразилась. Размах и масштабы наших достижений поистине неизмеримы. От примитивной желонки до нефтеграда в море, от кустарных малосильных мастерских — к гиганту современной электротехники — Бакинскому заводу бытовых кондиционеров, от деревянной мотыги — к крупным агропромышленным комплексам, от убогой конки — к подземным дворцам бакинского метрополитена, от керосинового светильника — к Мингечаурской ГЭС и Али-Байрамлинской ГРЭС... Край, куда до Советской власти завозилось все, кроме нефти, а сегодня отсюда экспортируется 350 видов промышленных изделий в 80 стран мира.

Путеводитель по Баку, изданный в 1914 году, гласил: «Неприглядная окружающая природа, полное отсутствие зелени, вечная пыль и копоть, чуть ли не тропическая жара заставляют бежать отсюда всякого, кто не связан с нефтью...» Ныне Баку — один из самых зеленых городов страны. А вот другой факт. Летом 1923 года в газетах появилось сообщение о том, что после прорыва нашей страной экономической блокады Советский Азербайджан будет впервые участвовать в международной выставке. И далее приводился перечень изделий: два вида нефти, серный колчедан, ковры. Спустя шестнадцать лет на выставке в Нью-Йорке были представлены иные экспонаты: макеты Мингечаурской ГЭС, оросительной системы Талыша. Экспонаты говорили о том, что промышленность республики набирает темпы. Посетив павильон Азербайджанской ССР на ярмарке в Лейпциге, Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Эрик Хонеккер воскликнул: «Прекрасный технический уровень!» А нынешнему руководителю ГДР было с чем сравнивать. Ведь девятнадцатилетним юношей он общался с инженерами-азербайджанцами на строительстве Магнитки.

Вот какие ассоциации рождают конкретные факты!

А вот наоборот — факт будоражит память, заставляет вспомнить былое. Сегодня Азербайджан — республика сплошной электрификации. Ежегодно здесь вырабатывается столько электроэнергии, сколько в Турции, Иране, Пакистане, вместе взятых. А я вспоминаю лачугу отца-крестьянина. Как только смеркалось, вся семья ложилась спать. Потому что в Азербайджане, в недрах которого залегает нефть, трудно было достать не только керосин, но даже обыкновенные свечи. Во всем селе только в двух-трех домах тускло светила керосиновая лампа. Часто мы одалживали у соседей спички, чтобы разжечь печь.

О нелегкой доле азербайджанской женщины я уже говорил. Но не могу не вспомнить о судьбе Иззет Оруджевой. Тем более, что ее имя связано с расцветом нашего национального искусства. Великий азербайджанский поэт и публицист Джабарлы в 1926 году создал пьесу «Севиль» — о борьбе женщины за равноправие. Посмотрев пьесу, зрительницы выходили на улицу и срывали с себя чадру. Через несколько лет решено было поставить по сценарию Джабарлы кинофильм «Севиль». Долго не могли найти кандидатуру на главную роль. Но вот однажды Джабарлы встретил на улице красивую девушку. Он попросил ее участвовать в фильме. Она не согласилась, но после разговора с родителями решила сниматься. Сыграла она прекрасно. Правда, театр не стал ее стихией. Сегодня имя Иззет Оруджевой известно повсюду — ведь она действительный член Академии наук Азербайджана.

Я мог бы привести массу красноречивых цифр, говорящих о достижениях моей республики в самых разных областях жизни, звучащих, как стихи, музыка, наполняющих сердце радостью, обостряющих чувства и мысли. Это цифры и факты успехов Азербайджана в последние десять лет, то есть за годы девятой—десятой пятилеток. Это годы наиболее плодотворные в летописи республики. Никогда прежде не было таким интенсивным, уверенным и мощным ее экономическое и культурное развитие. За это время вдвое увеличился экономический потенциал Азербайджанской ССР.

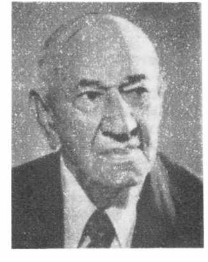
О достижениях моего народа, о его радостной жизни пишут романы, слагают оды, воспевают людские подвиги языком музыки и живописи. Когда за границей заходит речь о новом Советском Азербайджане, о гигантских его достижениях за исторически короткий срок, о превращении его из края с полуфеодальным укладом жизни и экономики в республику передовой социалистической индустрии и культуры, даже объективные и честные люди пораженно спрашивают о секрете такого стремительного прогресса, скачка в будущее. Нам-то, конечно, «секрет» этот известен: народ обрел подлинную свободу, ничто не мешает каждой личности, каждому человеку отдавать свое умение, талант, свой вдохновенный труд светлому завтра нашей жизни — коммунизму. В преддверии 60-летия создания Советского государства, объединения в одну братскую семью свободных и равных эта устремленность вперед особенно радует и волнует. Мы думаем, мечтаем, заглядываем в будущее. И думы наши всегда с партией, с Родиной! Вот почему еще и еще раз хочется сказать:

А вечна только Родина одна
Да ей навеки отданное сердце.

СТИХИ АЗЕР

Сулейман
РУСТАМ

Все звончее, все слышней
В листьях свищет соловей,
Величавые чинары —
Вечность Родины моей.
Никаких не жду наград,
Мне не нужен райский сад,
Подари мне жизнь чинары,—
Жизнь продлится во сто крат.
Как светлы они, чинары,
Озарили дни чинары,
Опускайся ниже, солнце,
Отдохни в тени чинары!

●

По берегу Аракса вновь брожу,
Опять слова переполняют сердце.
О братьях обездоленных тужу,
От горьких дум мне никуда
не деться.
Живу в достатке, бедность мне
чужда,
Но тяготит подспудная беда:
Царят в саду разлуки холода,
И нечем мне, садовнику,
согреться.
Нужды мне в славословье
пышном нет,
Я — смертный человек,
простой поэт,
И все же на земле оставлю след,
Которому, надеюсь, не стереться.
Священную печаль мне жизнь
дала,
Судьба моя правдива и светла.
Два берега Аракса — два крыла,
Мой стих сумел на оба опереться.

Где своекорыстье, там любви
Или единства быть не может,
Там же, где согласье меж
людьми,
Зла и спеси черствой быть
не может.
Тот, кто щеголяет тут и там,
В светлый день глаза мозолит нам,
В трудный день уйдет подальше
сам —
Чести у прохвоста быть не может.
Отчий край сынами знаменит,
Знает каждый истинный джигит:
Кто, бахвалясь, загодя кричит,
У того геройства быть не может.
Преданность Отчизне мы не раз
Подтверждали делом, и у нас
Никаких сомнений в трудный час
Или вероломства быть не может.

Перевел Вл. Кафаров.

МОРЕ БЕЗ МЕНЯ...

Я имя свое рано начертал
На берегах его и на просторе,
Я с морем жил,
я вместе с ним мечтал,
И были все мечты мои,
как море!
Без моря я не прожил бы и дня...
Как море
в мире
будет без меня?
Быть может,
бушевать,
как жизнь моя,
И то смеяться будет,
то рыдать
в немолчном хоре...
Судьба моя,
История моя,
Родное море!
В глубинах
память обо мне храня,
Кипи и пенься,
Море, без меня,
Звени, как песня,
Море, без меня...
У берегов звени
И на просторе.
Море...
Море...
Мо-ре!

Перевел А. Передреев.

Наби
ХАЗРИ

БАЯТЫ ЧИНАР

Ветви серьгами горят,
В синеве весны парят,
Небо и земля притихли —
Тайна с тайной говорят...
Вот, зеленым-зелены,
Ветви шелестов полны,
Дни проходят—песня к песне,
Тихо-тихо длятся сны...

Нариман
ГАСАНЗАДЕ

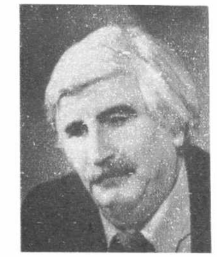
ДЕВУШКЕ ИЗ ГРУЗИИ

В тот вечер шумный пили мы
и пели,
В окно светила желтая луна.
Вы танцевать ни с кем не захотели,
Стояли одиноко у окна.
— Какая вы суровая, однако...—
Я вымолвил, улыбку затая.—
Как вас зовут?
Вы отвечали: «Мака».
— Откуда вы?
В ответ: «Грузинка я»...
Лицом прямым и чистым
заворожен,
Я, удивляясь сам себе, сказал:
— Вы мне милы...
В ответ:
— И вы мне тоже.
И пристально взглянули мне
в глаза.

БАЙДЖАНСКИХ ПОЭТОВ

Я уезжал.
Мы расставались чинно.
Слова прощанья сдержанно просты.
Я помню, Мака, ваши георгины,
Горящие осенние цветы.
Я помню, как глядел на них под вечер...
Шумел вокзальных голосов прибой.
Я память сохраню о нашей встрече
На той земле, грузинской, дорогой.

Перевел Г. Александров.

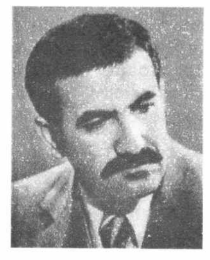

Фикрет
САДЫГ

БАКУ

Дома поднимаются вверх по ступеням,
А улицы к морю текут,
Под вечер спускается небо на землю
И Млечным Путем разливается тут.
Ну, солнце, свети!
А не хочешь — не надо,
Взовьется огонь из подземного клада.
Каспийские волны, и те, огневые,
И днем бы и ночью блистать.
А девушки, даже не скажешь какие,
А парни — Хазару под стать.
Закат непечален на бронзовом взгорье,
А утро — слияние Солнца и Моря.
Мечтаний моих голубиную стаю,
Баку, приютил ты в дали голубой.
Сижу молчаливо и память листаю—
Где город, что мог бы сравниться с тобой?

Перевел В. Кафаров.

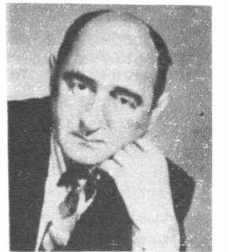

Мамед
ИСМАИЛ

ЭТУ РЕКУ МЫ НЕ ПЕРЕШЛИ

Кто птицей взмыл, тому грозит паденье,
Уже натянут круглый лук земли.
Разливы рек подобны вдохновенью...
Но эту реку мы не перешли.
Доносит ветер мирный скрип подводы,
И гул потока слышится вдали,
От горных ливней грозно вздулись воды...
Но эту реку мы не перешли.
Мутнеет быстро зеркало речное,
Не отражая неба и земли.
Ни брода, ни моста... Само собою,
Что эту реку мы не перешли.
Река бушует, ей покой неведом.
Те перешли, а эти не смогли.
Два края разошлись, как свет со светом.
Одни на том, а мы стоим на этом,
Поскольку реку мы не перешли.
Шумит воды глубокая дорога,
Крутые волны жизнь пересекли.
Отрезан путь до милого порога...
И эту реку мы не перешли.
Когда река в своем уединенье
Легко-легко касается души,
Она уносит чистое мгновенье...
Но эту реку мы не перешли.
Река забвенья, а быть может, славы.
Сквозь пальцы годы наши утекли.
А мы стоим, и нет нам переправы,
Ах, эту реку мы не перешли,
Нет, нет, не перешли...

Перевел Ю. Кузнецов.

Гусейн
АРИФ

РАЗГОВОР

— Куда ты вытянулся, мак?
— К весне скорее,— был ответ.
— Что, солнце, светишь жарко так?
— Я землю грею,—был ответ.
— Зачем ты, яблоня, цветешь?
— Плоды созреют,—был ответ.
— Ты долго, крепкий дуб, растешь?
— Я не старею,—был ответ.
— Где, соловей, берешь слова?
— Из радости, из сердца мук.
— А ты чего молчишь, сова?
— Боюсь, беду накличу вдруг...

Фамиль
МЕХТИ

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВУ НА СВЕТЕ?

Для чего живу на белом свете?
И услышал я души ответ:
— Ты, как сына,
Сироту приветил,
Стал на радость выше
Белый свет!..
— Для чего живу на свете белом?
Не вздохнуть порой от суеты...
— Ты сады на пустошах возделал,
Мир цветами украшаешь ты!..
— Для чего живу на белом свете,
Коли смертный час неумолим?
— Дело рук твоих—
Заводы эти
И дома
Останутся живым!..
— Для чего живу на свете белом?
Без того он перенаселен...
— Новый мост возвел ты над ущельем,
Сблизил и людей
И горы он!..
— Для чего живу на белом свете?
Долетело эхом до меня:
— Родину свою
И всю планету
Спас ты от фашистского огня!..
— Для чего живу на белом свете?
И вопрос нелегок
И ответ:
— Знать, чтоб счастье
На планете этой
Было общим,
Точно солнца свет.

Перевел С. Поликарпов.

Чингиз
АЛИОГЛЫ

●

В памяти этого леса остаться бы мне,
в памяти этого леса,
в самой ее глубине,
чтобы мой след хранил он
среди многих следов,
чтобы слова мои помнил
среди всех услышанных слов.
О лес, не считай меня пришлым,
прими, как свою родню.
Я каждую твою ветку
заботливо сохраню.
Тебя одного не оставлю,
буду всегда с тобой,
пусть не пугаются птицы,
голос услышав мой.
Ни паутинки не трону
в мире твоих чащоб.
О лес,
ведь и сам я тоже
плету паутинки троп...
Ты не считай меня пришлым,
прими, как свою родню,
я жизни, однажды данной,
и в мыслях не изменю,
все, что имею в мире,—
все без остатка отдам
тебе,
земле,
человеку,
селам и городам,
и если однажды умолкну,
уйду в вечернюю грусть,
о лес,
твоею сосною
я стану,
в тебя вернусь...

Перевел П. Серебряков.

Бахтияр
ВАГАБЗАДЕ

ТЫ В СУТЬ ВГЛЯДИСЬ

Раскрой глаза, и оглянись,
и как ребенок подивись:
вот это луг, вот степь, вот сад.
Вот роза, мята, виноград.
Но как во мне увидишь ты
мои заветные мечты?
Узришь ли ненависть мою,
когда с улыбкою стою?
Вот если б разглядеть ты смог
мою тревогу и восторг
и все, что видеть не дано...
Тогда бы истине в окно
ты заглянул... Узрел себя,
как в голых рощах сентября
вдруг открывается просвет,
и виденью предела нет!
Вот я перед тобой возник.
Но видеть ты меня привык.
Во всем ты ищешь стену, дно...
Ты их не смог преодолеть,
как зреет под землей зерно...
Ведь зренье — это лицезренье.
Что пожелать тебе? Прозренья!
Раскрой глаза и удивись.
Ты не в меня — ты в суть вглядись!

Перевел И. Шкляревский.

Джабир
НОВРУЗ

НЕФТЯНЫЕ КАМНИ

Бессмертье века —
Нефтяные Камни,
Грядущего набросок великанский,
Он в Каспий врос железными корнями,
Осыпал море смехом и огнями.
Конструкций сказочных сияние и скрип,
Жилища вышек, и людей, и рыб.
По городу летят грузовики,
Под городом—селедки косяки,
Кипящий край!
Здесь намертво схватились
Две гордости, две силы, две стихии,
И штормовая, грозная вода
Бессильна перед яростью труда!
Грядущего набросок великанский,
Он врос, он вжился, он вписался в Каспий!
И многим стали Нефтяные Камни
Родней селений, обжитых веками,
И многие от гор своих родных
Пришли к вершинам вышек буровых.
Он по ночам, как лучезарный храм,
Волшебный город — мужества плацдарм...

Перевел А. Передреев.

«ШИРОКО ШАГАЕТ АЗЕРБАЙДЖАН!»

Марк БАРИНОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Слова Леонида Ильича Брежнева, вынесенные в заголовок, стали в Азербайджане крылатыми.

Вот рассказ о двух «шагах» — на море и на суше.

ИСПЫТАТЕЛИ

...Вертолет идет невысоко над землей, потом — над морем. Едва взлетели — под нами, чуть в стороне, Сураханы, старейшее и некогда богатейшее нефтяное месторождение, боевой оплот революционного бакинского пролетариата. Дальше остров Артема — промыслы на Каспии. Еще несколько минут лёта — остров Жилой, первые стационарные платформы в море, первый широкий выход на шельф предвоенной поры. А потом под вертолетом потянулись стальные эстакады в открытом море. Они ветвились, разбегались в стороны, то тут, то там виднелись платформы — площади, на которых возвышались буровые вышки, хозяйственные постройки, гаражи, насосные, склады, мастерские или просто обыкновенные пяти- и девятиэтажные жилые дома, газоны, скверы, магазины... Это Нефтяные Камни. Слава и гордость Азербайджана послевоенных лет. Академия морской нефтедобычи. Меньше чем за час полета зримо прошли главные этапы истории нефтяной промышленности республики за 60 лет Советской власти.

Мы летим в будущее, в мечту. Есть такая большая красивая мечта у каспийских добытчиков нефти и газа: соединить нефтяным мостом дружбы два берега — азербайджанский и туркменский. Через острова Артема и Жилой, через Нефтяные Камни и дальше в море уже тянутся первые «пролеты» этого моста. И с туркменской стороны, с Челекена, шагают навстречу стальные эстакады.

Самое дальнее, самое новое, самое перспективное из месторождений «нефтяного моста» — месторождение имени 28-го апреля. Если на Нефтяных Камнях глубины исчисляются десятками метров, то тут отметка перевалила за полтораста. Здесь трудится родоначальник семейства «Шельфов» — ППБУ (полупогружная буровая установка) «Шельф-1». А вот и он — стальной рыже-белый квадратный остров с мощной решетчатой башней посередине, напомнившей мне фантастический гиперболоид из романа Алексея Толстого. Ростом с многоэтажный дом, возвышается над водой этот гибрид завода и лайнера — сочетание могущества и разнообразия технического оснащения с комфортом самого совершенного пассажирского судна — таких красавцев гигантов уже целую семейку выпустил и продолжает выпускать Астраханский судостроительный завод.

...Идем на посадку. Сегодня вертолет весь день будет работать на рейсе берег—«Шельф-1». Смена вахты. Половина экипажа круглосуточно трудится на установке, другая половина отдыхает дома. Раз в неделю — смена. Бурение должно вестись непрерывно, иначе «прихват» инструмента на глубине, авария, потеря больших средств.

...Главный пост жизнеобеспечения судна, как визитная карточка буровой установки: длинные ряды пультов, бесчисленные лампочки сигнализации, кнопки, тумблеры, напоминающие клавиатуру невиданного рояля. Все здесь говорит о том, что «Шельф» — самое последнее слово научно-технической мысли и практики нашего времени. Вахтенный — инженер Николай Павлушин. Молодой человек, выпускник одесского института. Видно, ему не впервой встречать гостей. «Шельф-1» — головной, флагман, и экскурсанты приезжают сюда со всех морей, со всех шельфов не ради праздного любопытства, а за опытом, за наукой.

Главная задача любого «нормального» судна — плыть по морям-океанам, несмотря ни на что. Главная задача ППБУ — приняв рабочую вахту, стоять в открытом море совершенно неподвижно, несмотря ни на что. Только при этом условии возможно то, для чего существует «Шельф»,— бурить разведочные скважины при глубинах моря до 200 метров. Этот плавучий завод стоит на гигантских понтонах, погруженных глубоко под воду, а понтоны, в свою очередь, намертво сцеплены с дном восемью якорями. Вес каждого из них — 18 тонн!

Прикоснувшись к нескольким кнопкам, вахтенный инженер может поднять или опустить, словно гигантский лифт, всю эту двадцатитысячетонную громаду, может в любой момент ослабить или усилить натяжение могучих якорьцепей.

— Николай, а если шторм?

Он отвечает вопросом:

— А вы знаете, что такое скорость ветра тридцать семь метров в секунду? Ураган — двадцать девять метров в секунду, а если тридцать семь, сами понимаете,— «сверхураган»! Так вот, едва мы в марте встали на точку, закрепились, начали бурение, тут как раз и угостил нас Каспий таким ветерком, но якоря стояли мертво, качка ощущалась самая незначительная. Бурили, будто на суше... В общем, полный порядок.

— И вы не волновались?

— Еще как! Рука так и тянулась поднять «Шельф» метра на два, повыше от волн... А они были, как горы...

Начальник ППБУ Октай Мухтарович Муршудли, молодой немногословный инженер, сообщил мне, что экипаж «Шельфа» — около 130 человек, и половина из них — люди с высшим и средним специальным образованием.

— И тем не менее подавляющее большинство впервые встретилось со своей нынешней специальностью.

— Как же так?

— Очень просто: все механизмы, все соединения, все системы, все сопряжения здесь настолько специфичны, что в любой близкой нам профессии требуется еще особая специализация для работы в море, на шельфе, на ППБУ.

— Иными словами, требуются кафедры, факультеты, а может быть, институты и техникумы для подготовки специалистов по морской нефтегазодобыче?

— Именно так. А пока их нет, осваиваем свою новую специальность, так сказать, на ходу, без отрыва от производства. Все — от кока до бурового мастера.

— Видимо, у вас работают будущие профессора и доценты будущих факультетов и кафедр? — пошутил я.

— А где же им еще быть? — всерьез отозвался Октай.— Именно здесь и трудятся будущие учителя специалистов новой отрасли народного хозяйства.

— Но надо учитывать еще одно важное обстоятельство,— вмешался старший электромеханик Геннадий Борисович Щетинкин. (Мы беседовали, продолжая импровизированную экскурсию по этому плавучему заводу.) — Техника, с которой мы здесь работаем, новая, не только для нас, это вообще вновь созданные машины, механизмы, системы. Мы еще и испытатели новейшей техники.

Мы шли через помещения, которые напомнили мне подводную лодку. Своей насыщенностью приборами и механизмами. Своей «трехмерностью»: здесь техника размещена не на площадях, как на обычных заводах, а в объемах пространства, на разных уровнях высот.

Мы шли через цеха, где жидкости бурлили и смешивались в строгих пропорциях, где порошкообразные вещества в точных дозировках перегонялись по пневмотрубам. И почти всюду здесь «в поте лица» трудилась автоматика. Лишь кое-где возле больших и малых пультов и табло стояли молодые парни в джинсах, в штормовках, просто в рубашках с закатанными рукавами, и трудно было сразу определить, кто они: инженеры, техники, рабочие?

— Именно на ППБУ особенно понятно значение среднего образования для современного рабочего,—заметил Октай.

— Физика, химия, математика? — спросил я.

Мой собеседник засмеялся в ответ и махнул рукой:

— О недостатках современного образования говорят и пишут достаточно. Но есть у средней школы неоспоримое достоинство: она систематически, настойчиво в течение десяти лет учит человека тому, как надо учиться новому. И вот когда салажонок, имея за спиной всего десять классов, сталкивается со всей этой электронной сложностью, он с первых же дней начинает вживаться в нашу технику и через два-три месяца — как рыба в воде...

— А те, кто не имеет среднего образования?

— Таких у нас немного. Кадровые рабочие с большим стажем. И тем не менее им приходится труднее в новых условиях.

...Сердце «Шельфа», его главный цех — вышка со всем сложнейшим комплексом бурильных механизмов, приборов, систем.

В те дни, когда мы тут были, ветер дул со скоростью 15 метров в секунду, как говорят, «в полшторма», но волны были вполне приличными, и тюлени прыгали среди пенных гребней неподалеку от камбуза, явно выпрашивая подачки. «Шельф» очень солидно, с большим достоинством покачивался из стороны в сторону.

Однако бурение не прекращается ни на час. Бурильщик на «Шельфе» в процессе своей работы мало чем отличается от специалиста на любом автоматизированном производстве. И только четырехгранная вращающаяся штанга, медленно уходящая в глубину под палубой, указывает на профессиональное назначение происходящего.

Начальник «Шельфа» приказывает включить установку подводного телевидения. Вспыхивает экран монитора, и я вижу идущую вверх трубу — это погружается в глубину телекамера. Через несколько минут на экране появляется изображение сложного устройства конической формы высотой метров в пять. Вот оно — устье скважины!

— «Шельф» может при необходимости прервать бурение, уйти, а потом вернуться и точно попасть инструментом в устье,— поясняет Октай.

— И не нужно людей на глубине?

— Если техника работает нормально, то не нужно. Но на случай каких-либо неожиданностей у нас предусмотрен глубоководный водолазный комплекс, и в его штате акваланглисты, водолазы-глубоководники и, наконец, акванавты — это «люди-рыбы», водолазы высочайшей квалификации.

И я опять столкнулся еще с одной проблемой на этой новейшей установке, работающей в новейшей отрасли народного хозяйства. Нет у нас пока в стране учебных заведений по массовой подготовке рабочих-глубоководников. Потому что до самого последнего времени деятельность

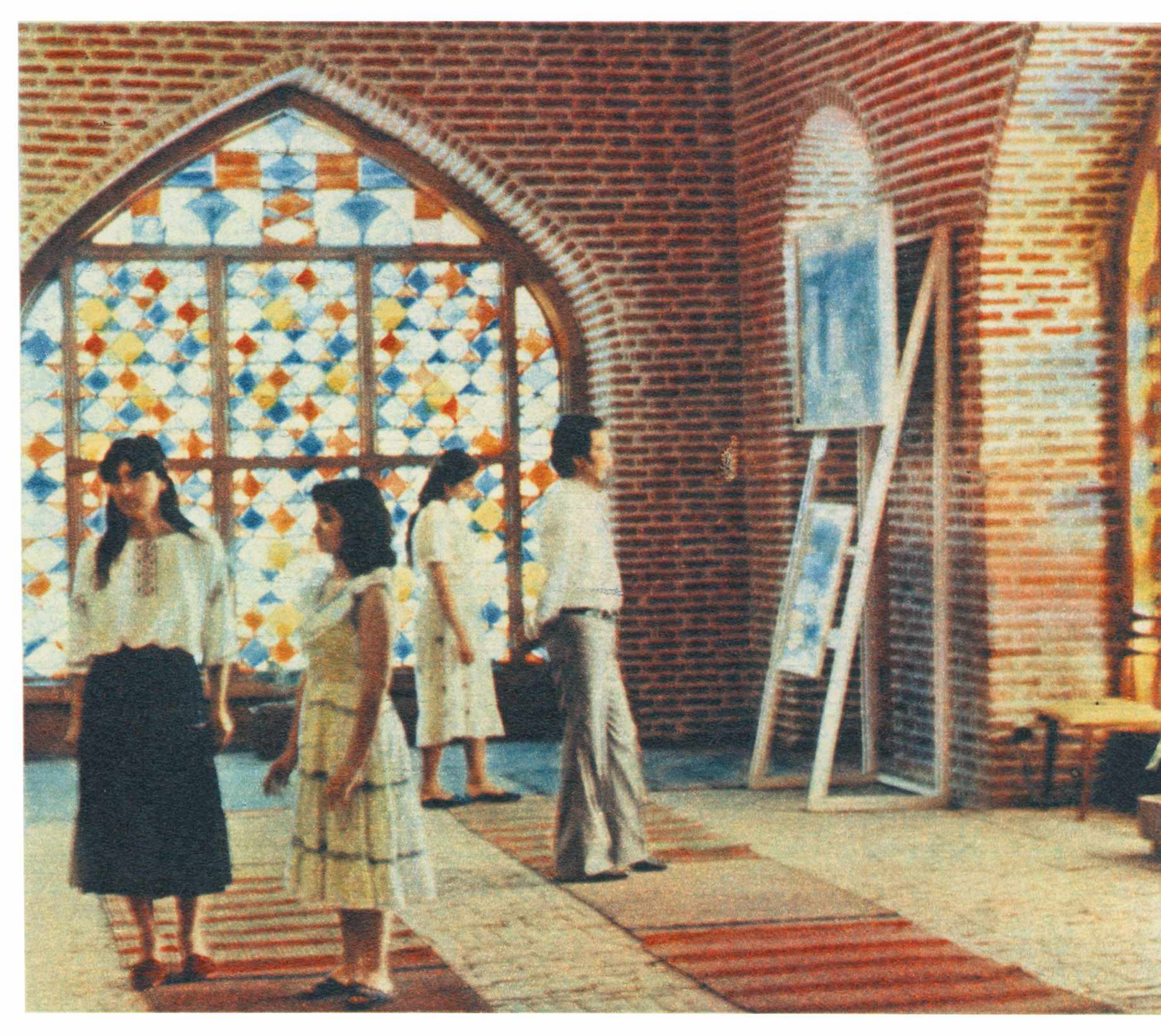
«Шельф-1». Главный пост его жизнеобеспечения * Идет смена вахты.

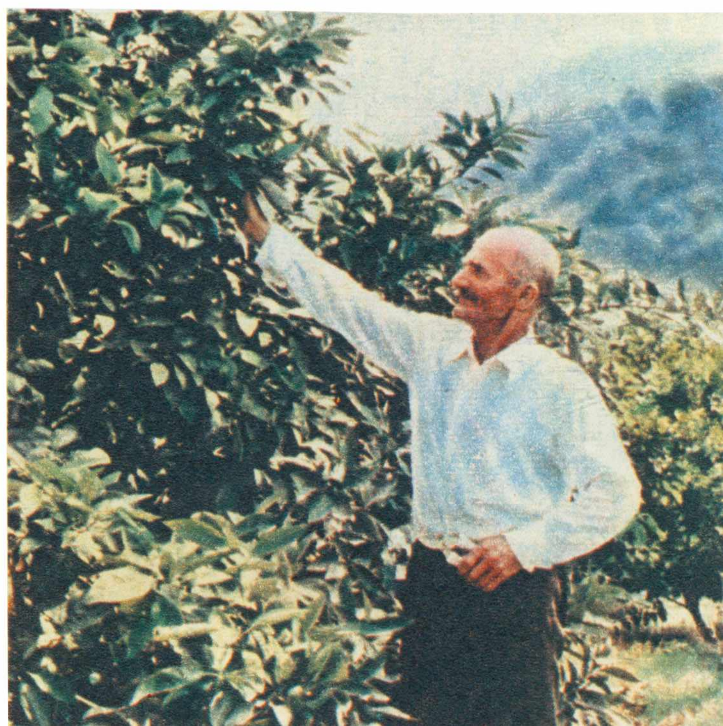
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Вышка — главный цех плавучей буровой установки * Бригадир чаеводов совхоза имени 50-летия ВЛКСМ депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР Шамама Алекберова (в середине) и ее подруги Севда Мамедова и Малека Мамедова * Последнее слово техники советской морской нефтегазодобычи — «Шельф-1».

АЭРОФЛОТ

ЕЛЬФ-1

человека на больших глубинах не была народнохозяйственной повседневностью.

И потому Намик Махмудович Исмаилов, начальник глубоководного комплекса на «Шельфе», самый несчастный из всех одержимых романтикой. Ради «голубого континента» он бросил аспирантуру на суше и пришел на море. В его руках великолепная техника для работы на больших глубинах, а людей, специалистов, нет. На этом участке техника явно опередила людей. И в этом диалектика НТР. Впрочем, ситуация не такая уж необычная: в нашей стране за 60 лет Советской власти много раз приходилось на ходу овладевать такой техникой, которая сначала казалась дерзкой фантазией...

— Мы ставим перед Москвой и перед правительством нашей республики вопрос о срочном открытии в азербайджанском нефтяном институте трех новых факультетов: гидротехнических сооружений, полупогружных буровых установок и факультета специалистов водолазного дела и водолазного оборудования,— это сказал мне спустя несколько дней, уже на суше, начальник Всесоюзного объединения «Каспморнефтегазпром» Герой Социалистического Труда Курбан Аббасович Аббасов.

...«Шельф» бурит земную кору до глубины в четыре с половиной километра. Именно там лежат нефтеносные пласты месторождения имени 28-го апреля, которое по прогнозам таит не меньше богатств, чем Нефтяные Камни. Две скважины платформы «28 апреля-1» уже более двух лет дают ежедневно 600 тонн нефти высшего качества. В стороне от «Первой» сооружается новая платформа. А дальше — полупогружная установка «Каспморнефть». Вся эта четверка — первопроходцы, испытатели. Только платформы останутся, а полупогружные корабли уйдут дальше в море, как только доберутся до нефти и передадут готовые к эксплуатации скважины «постоянным жителям».

Создание «нефтяного моста» через Каспий продолжается.

ИНТЕРВЬЮ В ЛЕНКОРАНИ

Южная окраина Азербайджана. Субтропики. Пальмы, фламинго, фейхоа... Синее море, зеленые горы... Экзотика.

А на самом деле «главная должность» Ленкоранского района — всесоюзный огород. Главная его профессия — овощевод. С полей тут снимают по нескольку урожаев, и потому почти круглый год работает сельскохозяйственный конвейер.

Всего один процент (или даже меньше) составляет здешний урожай от овощных богатств страны, но это очень желанный процент — ранние и сверхранние овощи шлет Ленкорань в сотни наших городов.

...В кабинете первого секретаря городского комитета партии Дильрубы Джебраиловны Джамаловой звонкие речитативы азербайджанского языка то и дело перебиваются очень знакомым русским словом «вагоны».

Перейдя на русский язык, Дильруба Джебраиловна пояснила, что вагоны сегодня — тема волнений, споров, разговоров всех ленкоранцев — от юного школьника до почтенного аксакала, от начинающего овощевода до первого секретаря горкома. Да и может ли быть иначе, если именно в эти короткие горячие дни вывоза урожая решается успех долгого и нелегкого трудового цикла овощеводов!

— Закончим с огурцами и капустой, чуть отдохнем, а там начнется еще более жесткий «помидорный аврал». Сейчас при вывозе продукции с полей у нас счет идет на дни, там пойдет на часы. Сами понимаете, помидоры — сверхскоропортящийся груз!

— Мы знаем, что ваш район переживает стремительный рост как по всем показателям производства, так и по жизненному уровню населения. В чем причины «ленкоранского чуда»?

— Человек, впервые попавший к нам, может подумать, мол, райская жизнь, все растет само собой, успевай только убирать... А ведь всего лишь двенадцать лет тому назад наш район слыл самым отстающим. Зарплата в совхозах была крайне низкой, люди стремились покидать наши «райские места», и само ничего не росло. А между тем и люди, и климат, и земля были те же, что и сегодня.

— Что же определило перелом в жизни района?

— Начало перемен было положено постановлением ЦК КП Азербайджана «О серьезных недостатках в деятельности партийных, советских и хозяйственных органов Ленкоранского района». На прошедших вслед за этим пленуме горкома и районной партийной конференции коммунисты детально, бескомпромиссно обсудили состояние аграрно-промышленного комплекса, подбор, расстановку и воспитание кадров. В это время перед началом больших событий, перед решением больших задач на пост первого секретаря был избран человек неуемной энергии, подходящий к любому делу творчески, новаторски,— Иса Алиевич Мамедов.

И начал с того, что основное внимание нашей партийной организации направил на работу с людьми. Помогать инициативным, возвышать достойных, сурово наказывать «паршивых овец», которые портили общее дело. Вот главные принципы, которые были положены в основу нашей практической работы.

Это было правильное, победное направление. Народ нас понял, активно, деятельно поддержал. И вот теперь, двенадцать лет спустя, подводя итоги, мы видим и результаты наших усилий. Девятая пятилетка была выполнена в три с половиной года! Десятая — за четыре года! В 1969 году наш район дал государству 60 тысяч тонн овощей. А в этом наше обязательство — 185 тысяч тонн, и мы уверены, что перевыполним его, как и во все предыдущие годы. В 1969 году зарплата совхозного рабочего составляла 60 рублей в месяц, в нынешнем еще не выводили средних цифр, но уже ясно — будет за 200. Вы говорите «ленкоранское чудо»? Могу на это сказать только одно: за эти годы мы поняли очень простую истину — все в наших руках. Правильное руководство и честный труд — вот и все «чудо». А пределы наши далеко еще не достигнуты. Это тоже ясно видно.

И еще хочу сказать: побеждая, мы обнаруживаем, что проблемы не уменьшаются, напротив, их становится все больше. Но они интересные, и решать их интересно. Взять, например, проблему молодых семей. Ведь у нас теперь вообще никто не уезжает из района. Напротив, от желающих приехать к нам работать отбоя нет. Так вот, детей у моих земляков, как правило, много, четверо-пятеро — это норма, десять—пятнадцать — не исключение. А время идет, образуются молодые семьи, хотят жить своим домом, и чтобы непременно дома эти были со всеми удобствами и, уж конечно, с хорошими приусадебными участками! Со строительством жилья (а дома у нас принято строить просторные, каменные, двухэтажные) для молодых семей мы поспеваем, а где брать землю для индивидуальных участков? Проблема трудная. Мы с ней, конечно, справляемся, но каких-нибудь десять—пятнадцать лет назад и думать о таком не думали!

— А где были вы, Дильруба Джебраиловна, когда в районе начинали все эти преобразования?

— Здесь, в Ленкорани. Работала в средней школе, преподавала физику и математику в старших классах и не предполагала, что десять лет спустя придется отвечать за партийную и хозяйственную работу, за жизнь людей нашего района. Смелое выдвижение молодых коммунистов на руководящую работу тоже стало нормой партийной жизни в Ленкорани. Так, наш второй секретарь, отвечающий за идеологическую работу, Гусейнага Арабович Ганиев — журналист, писатель. А наш третий секретарь — на него возложено руководство сельским хозяйством района—пришел в горком прямо из совхозных бригадиров. Конечно, он был не простым бригадиром. Агроном с высшим образованием, руководитель прославленной бригады, сын знаменитого на всю республику бригадира, Тахмасиб Асланович Ибрагимов, несмотря на свою молодость, пользуется большим уважением и авторитетом среди тружеников района.

Дальше нашу беседу вел второй секретарь горкома. И продолжалась она на улицах и площадях города, в совхозных библиотеках, клубах, домах быта.

— Вы опоздали всего лишь на день. Вчера мы отпраздновали наш второй День книги. Программа очень обширная и охватывает не только город, но и весь район: от конкурса книголюбов, организации больших театрализованных представлений и книжной ярмарки до торжественного открытия новых библиотек и клубов в селах. Мы ясно представляем, что если улучшение жизни людей понимать лишь с точки зрения повышения их заработков, то это может привести к развитию психологии мещанства, обывательства, эгоизма. Мы стараемся самыми различными способами и формами вести воспитательную работу, цель которой — гармоничное развитие личности.

Мы побывали в Доме интеллигенции, в Центре идеологической работы, в новом Ленкоранском театре, в Доме книги, в городском музее, в сельской библиотеке, в картинной галерее, на выставке детского рисунка, во многих других очагах культуры. Мы видели в полном смысле расцвет духовной жизни этого в общем-то небольшого района с населением в сто пятьдесят тысяч человек.

— Я очень благодарен судьбе,— говорил Гусейнага Арабович,— что мне посчастливилось стать участником больших, прекрасных и интересных дел. Не всякому писателю удается быть не просто свидетелем подобных событий. Обязательно напишу обо всем этом книгу!

— Когда?

Он рассмеялся:

— В том-то и вопрос: когда? Дел невпроворот! Мечтаем о фольклорном театре, о заповеднике народного зодчества, о новых традициях, праздниках, о многом, многом...

А с третьим секретарем мы ездили по совхозам, по чайным и цитрусовым плантациям, были на огромном искусственном озере в горах, обеспечивающем постоянное водоснабжение района.

Тахмасиб — человек молодой, но очень серьезный и, казалось, немногословный. Но когда заговорили о причинах «ленкоранского чуда», его неразговорчивость как рукой сняло.

— Конечно, справедливая оплата труда — большое дело, ответственный фактор, но есть и не менее, если не более важный. Внимание к людям. Ко всем сторонам их жизни. Вот, например, кто главный командир в сельскохозяйственном производстве? Бригадир. Может быть, не менее важный человек, чем сам директор совхоза. Горком внимательно следит за тем, чтобы в совхозах на посты бригадиров назначались люди грамотные и опытные, энергичные и авторитетные. Независимо от возраста. И еще о внимании: любому человеку очень приятно, когда его усилия и результаты бывают замечены и отмечены. Никогда наши труженики не получали прежде столько почетных грамот, премий, медалей, орденов за свой труд, как в эти двенадцать лет. Лучшим работникам — уважение, почет, награды — это главный принцип, традиция, партийный закон, если хотите.

— Как конкретно будет осуществляться в районе Продовольственная программа?

— Сейчас могу сказать только одно: нам всем предстоят большие усилия по выработке конкретных дел, направлений для реализации программы применительно к условиям нашей работы. А в целом для нас Продовольственная программа означает повышение урожаев, улучшение жизни наших людей. И для этого у нас есть все возможности. Это нас и радует и придает новые силы.

...Мы покидали Ленкорань, утопающую в лучах солнца. Пальмы, казалось, слали прощальный привет. Мы тоже прощались с городом, с районом, истинный облик которых нам был теперь хорошо знаком. Овощевод, чаевод, садовод, виноградарь, идущий по пути крутого подъема. Привет тебе, Ленкорань!

Зреет урожай * Первый секретарь Ленкоранского городского комитета КП Азербайджана Д. Д. Джамалова * Ленкорань. Памятник воинам-землякам, павшим в сражениях Великой Отечественной войны * Городская картинная галерея размещается в отреставрированном здании * Лауреат всесоюзного и международного конкурсов самодеятельный ансамбль песни и танца Ленкоранского района «Шенлик» * Бригадир цитрусовой плантации совхоза «Аврора» Р. Л. Абдинов.

К 40-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНОВ
СУВОРОВА, КУТУЗОВА И АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

ИМЕНИ ВЫДАЮЩИХСЯ ПОЛКОВОДЦЕВ

Россия никогда не была скудна талантами. Во все времена она рождала замечательных поэтов, художников, зодчих, произведениями которых и поныне восхищается человечество. И во все времена русский народ умел защищать Родину. Имена великих полководцев Суворова, Кутузова, Александра Невского, которые малыми силами громили превосходящего противника, знает весь мир.

Александр Васильевич Суворов, воюя не числом, а уменьем, победоносно завершил более шестидесяти сражений. Государственной мудростью и большим полководческим талантом отличалась деятельность Михаила Илларионовича Кутузова, заставившего «самого Бонапарта» постыдно бежать из непокоренной России. Предводитель русских дружин Александр Невский семьсот сорок лет тому назад на льду Чудского озера наголову разбил иноземных захватчиков.

Много лет и веков отделяло солдат Великой Отечественной войны от боевых дружин Александра Невского, от чудо-богатырей Александра Суворова и доблестных воинов Михаила Кутузова. Несоизмеримы масштабы и характер боевых действий на льду Чудского озера, при штурме Измаила или на Бородинском поле с событиями, развернувшимися на полях Великой Отечественной, и в частности летом 1942 года.

Но разве не донес народ через века до тех тревожных дней неугасимый огонь доблести и отваги, ненависти к иностранным захватчикам, что горел в глазах дружинников Александра Невского, солдат Суворова и Кутузова?!

Для награждения отличившихся в бою командиров Президиум Верховного Совета СССР учредил 29 июля 1942 года три полководческих ордена — Суворова, Кутузова и Александра Невского.

Орденом Суворова награждались командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники родов войск, фронтов и армий, командиры корпусов, дивизий, бригад, полков, батальонов и рот. Орденом Кутузова награждались офицеры и генералы за хорошо разработанный и проведенный план фронтовой, армейской операции или успешные боевые действия соединения, в результате чего противнику нанесено тяжелое поражение, а наши войска сохранили свою боеспособность. Орденом Александра Невского награждались, как записано в статуте, «командиры Красной Армии, проявившие в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечившие успешные действия своих частей».

Первые кавалеры новых орденов появились в январе 1943 года. Ими стали видные советские военачальники, имена которых хорошо знали и друзья и враги. Представителю Ставки Верховного Главнокомандования Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову был вручен орден Суворова первой степени № 1 за участие в планировании и организации разгрома немецких войск под Сталинградом. В годы войны широкой популярностью пользовались такие полководцы, как генерал армии К. А. Мерецков, генерал-полковники К. К. Рокоссовский и Р. Я. Малиновский, командармы П. И. Батов, Ф. И. Толбухин, В. И. Чуйков и другие, награжденные в числе первых двадцати трех военачальников орденами Суворова первой степени.

В Военно-Морском Флоте в числе первых орден Суворова первой степени получил бывший командир Новороссийской военно-морской базы, Герой Советского Союза вице-адмирал в отставке Г. Н. Холостяков, отличившийся при организации и проведении десантных операций в районе Новороссийска.

Некоторые военачальники орденом Суворова первой степени награждались дважды, а то и трижды. Тремя орденами награждены маршалы Советского Союза А. И. Еременко, В. Д. Соколовский, В. И. Чуйков, главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов, главный маршал авиации К. А. Вершинин и другие.

Свыше полутора тысяч воинских частей, соединений, а также военно-учебных заведений награждены орденами Суворова первой и второй степени. Одна из старейших академий Вооруженных Сил, Академия имени М. В. Фрунзе, тоже удостоена этой награды.

Кавалером ордена Суворова второй степени № 1 стал командир 24-го танкового корпуса генерал-лейтенант танковых войск В. М. Баданов. В декабре 1942 года, прорвав оборону врага, танкисты Баданова вышли к станице Тацинской и за десять дней боев уничтожили свыше 11 тысяч вражеских солдат и офицеров, 84 танка, 106 орудий, 431 самолет. Еще в ходе боев корпус был преобразован во 2-й гвардейский, а в январе 1943 года получил почетное наименование Тацинского.

В начале февраля 1943 года орденом Суворова второй степени был награжден командир 15-го танкового корпуса генерал-майор танковых войск В. А. Копцов. Это тот самый Василий Алексеевич Копцов, под началом которого служил Л. И. Брежнев на станции Песчанка близ Читы. «Он был для меня,— пишет Леонид Ильич в своих «Воспоминаниях»,— и наставником и примером настоящего командира, посвятившего свою жизнь воспитанию советских солдат, которые в любой момент могли стать на защиту нашей великой Родины».

Получив звание Героя Советского Союза за бои на Халхин-Голе, генерал Копцов мужественно сражался на фронтах Великой Отечественной войны и погиб смертью героя через месяц после награждения его орденом Суворова.

Храбростью и отвагой отличался в боях и кавалер двух орденов Кутузова первой степени, в том числе и ордена № 1, командующий 24-й армией Донского фронта И. В. Галанин.

В числе первых награжденных орденом Кутузова были командующие фронтами генерал армии И. В. Тюленев и генерал-полковник М. А. Пуркаев, командармы К. Н. Галицкий, А. С. Жадов, П. Л. Романенко и другие. Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский был единственным в стране человеком, награжденным, помимо трех орденов Суворова первой степени, тремя орденами Кутузова первой степени. Двумя орденами Кутузова первой степени награждены Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, генерал-полковник А. С. Желтов и другие.

1570 частей и соединений, отличившиеся в боях против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, также награждены орденом Кутузова.

Дорог сердцу советского офицера и орден Александра Невского, которым награждались командиры пехотных, танковых, артиллерийских, авиационных, десантных подразделений, проявившие в боях личную отвагу, мужество, храбрость и обеспечившие успех своих подразделений и частей.

Первый Указ о награждении этим орденом был опубликован 6 ноября 1942 года. Тогда два офицера были удостоены этой награды: старший лейтенант И. Н. Рубан и капитан С. П. Цыбулин. «Первые два командира Красной Армии, награжденные орденом Александра Невского,— писала тогда «Красная звезда»,— служат образцом для советских воинов, показывающим путь к победе над врагом».

Высокую награду комбаты получили за бои под Сталинградом. Батальон старшего лейтенанта Ивана Назаровича Рубана прикрывал переправу через Дон. На участке переправы одной из наших дивизий немецкие захватчики выдвинулись особенно близко к реке. Батальону Рубана было приказано любой ценой остановить врага. Бойцы зарылись в землю. Против них фашисты бросили целый полк. Батальон стоял насмерть! Враг ввел в действие авиацию и танки. Мотопехота снова и снова поднималась в атаку. Но советские воины удержали переправу.

Неувядаемой славой покрыли себя и бойцы батальона капитана С. П. Цыбулина. Имея почти семикратное превосходство в силах, враг не сумел принудить советских бойцов к отступлению, потерял убитыми четыреста солдат и офицеров.

В знак признания заслуг в совместных боевых действиях против общего врага полководческими орденами награждались и военнослужащие государств антигитлеровской коалиции. Более восьмидесяти офицеров и генералов награждены орденом Суворова, свыше ста — орденом Кутузова и около семидесяти — орденом Александра Невского.

Д. КОРОЛЕВ,
капитан 1 ранга

М. ЛЮБОМУДРОВ

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИКИ

Пришло очередное гастрольное лето. Та самая пора, когда театры всей страны как бы держат экзамен перед зрителем. И заставляют пристальнее вглядеться в репертуар. Во взаимоотношения театров и с нынешней драматургией и, конечно, с классикой.

Думается, здесь — в классике на сцене — много есть такого, что вызывает озабоченность. Это процесс развития, движения классики не только сегодняшнего дня, но и прошедших лет.

Для театра последнего десятилетия характерен новый прилив интереса к русскому классическому репертуару. Ширился круг привлекаемых на сцену произведений классической драматургии и прозы. Но одновременно росла и наша тревога — наряду с достижениями множились издержки, кривились подходы, удручали итоги. Становились заметными рецидивы болезней, казалось бы, давно распознанных, излеченных и преодоленных... В воплощении классики зачастую подхватывались нелучшие тенденции, проявившиеся ранее, когда молодая режиссура начала свои эксперименты по модернизации классической драматургии. Сценическая практика порой блуждала между безлико-иллюстративными и псевдосовременными, болезненно мизантропическими или балаганно-шутовскими трактовками (точнее, адаптациями и перелицовками), вызывающе полемическими по отношению к смыслу пьес, к тексту, а также обнаруживала эпигонское подражание модным в первое послереволюционное десятилетие авангардистским веяниям.

Процесс развития нашего театра на всех этапах был сложным. Он богат не только достижениями, но и контрастами, спорами, напряженными столкновениями. И в семидесятые годы в нем жили, соседствовали, боролись, подчас причудливо переплетаясь, талантливое и ординарное, современное и архаичное, самобытное и безликое, верность лучшим традициям и небрежение ими. Не могли не вызывать озабоченности участившиеся случаи субъективистского подхода, псевдоноваторских вторжений в пространства классики.

Русское классическое наследие стало предметом яростных споров уже в начале XX столетия, когда активизировались модернистские течения, прозвучали воинственные призывы футуристов сбросить классиков с «парохода современности». Полемика и в дальнейшем развивалась напряженно, что иногда приводило снова к огульному отрицанию наследства, а в иных случаях — к тенденциям противоположным: попыткам канонизировать не самые глубокие истолкования, законсервировать традицию восприятия, сложившуюся в определенных, связанных со злобой дня обстоятельствах.

Сильный и зачастую разрушительный натиск со стороны «левой» режиссуры испытала классическая драматургия в двадцатые годы. Одновременно это была атака на реализм, на духовные и этические ценности, которые за ним стояли. Ленинская политика в области культурного строительства взяла тогда под защиту классическое наследие.

Весьма красноречиво признание А. В. Луначарского, который в 1922 году писал: «Да, я протянул руку «левым», но пролетариат и крестьянство им руки не протянули. Наоборот, даже тогда, когда футуризм густо закроется революционностью, рабочий хватает революционность, но корчит гримасы от примеси футуризма. Футуристы говорят: пролетариат не дорос. Но бывает разный рост. Футуризм есть кривой рост искусства. Это продолжение буржуазного искусства с известным революционным «искривлением».

Выражением народного взгляда служили ленинские высказывания о наследии, критика произведений авангардистского уклона. Они, как нам кажется, не только не постарели, но в некоторых моментах приобрели новую злободневность.

Бездуховность, эклектика и дилетантизм авангардистских исканий тогда же получили жесткую оценку Станиславского и Немировича-Данченко.

К. С. Станиславский в последних главах книги «Моя жизнь в искусстве» (созданной в 1923 году) протестовал против увлечения новизной ради самой новизны, театральностью ради театральности, против пристрастия к тому, что «более доступно глазу и уху» в ущерб большим чувствам, жизни человеческого духа. Беда, по его мнению, заключалась в насилии над искусством: «В порыве увлечения новаторы приняли новую внешнюю форму за обновленную внутреннюю сущность». Резко выступил против профанации театра Немирович-Данченко в статье «Шарлатаны» (1923). Он критиковал «нагло самоуверенных», крикливых фальсификаторов, которые властно врываются в атмосферу современных искусств, «портят воздух удушливостью», обманывают зрителей «подменом», суррогатами, мнимой новизной, подчиненной постороннему, «коммерческому расчету», разрушающему чистоту и целомудренность художественной правды.

Станиславский тогда тревожился за классическое наследие и национальные традиции отечественного театра, за судьбу реалистического направления. Его беспокойство совпадало с тем протестом против «почтения к художественной моде, господствующей на Западе», который (по словам К. Цеткин) не раз выражал В. И. Ленин. Обращаясь к труппе МХАТа в 1922 году, Станиславский говорил о нелегком положении русского национального театра, в сферу которого он включал московские Малый, Театр б. Корша, МХАТ, петроградский б. Александринский, а также провинциальные театры. Указав на «огромное количество» возникших в Москве новых театров и направлений, основатель МХАТа предостерегал: «Далеко не все из них органичны и соответствуют природе русской творческой души артиста. Многие из новых театров Москвы относятся не к русской природе и никогда не свяжутся с нею, а останутся лишь наростом на теле». Он опасался театральных деятелей, не имеющих «в своей душе зерен русской творческой культуры»...

На разных этапах развития советского театра вновь и вновь совершались попытки «осовременивания» (точнее, «вздыбливания») классических произведений, иногда до их неузнаваемости. Не случайно, конечно, и в семидесятые годы участник одной из дискуссий о литературной классике с тревогой говорил о ее судьбе в сфере зрелищных искусств: «Классические литературные произведения, веками представлявшиеся венцом писательского труда, все очевидней наделяются презумпцией незавершенности». Некоторые деятели театра и литературы готовы были просто перешагнуть через проблему, считая ее надуманной. Вступив в полемику «Классика: границы и безграничность» (1976), драматург Виктор Розов утверждал: «...Вопрос, как надо ставить классическую пьесу, пустой. Никто не знает».

Едва ли не все важные аспекты взаимоотношений театра и классики сводятся в конечном счете к проблеме актуализации. В круг обсуждения неизбежно включаются проблемы театральной эстетики — мера жизнеподобия среды и характеров, трактовка быта, уместность стилизации, игровой инструментовки первоисточника, степень конкретности актерского творчества и т. п. Все это вопросы далеко не новые. Однако они не утратили своей остроты.

Где границы режиссерского переосмысления, какова мера неприкосновенности пьесы, в чем критерии новизны трактовки, за пределами которой начинает обедняться или искажаться смысл?

В борьбе, в полемике, в мучительных порой исканиях, проверяя теорию практикой, отечественный театр утверждался в насущности принципов реализма, идейности, народности. Критерии творческой содержательности, подлинной новизны заключены не столько в сфере стилистической, сколько духовной, нравственной, социально-исторической. Здесь, как и всюду, духовный свет и нравственный идеал — истинная мера вещей. В истолковании классической пьесы особенно заметной становилась исповедуемая режиссером концепция мира и человека, родины и народа. Ее характер, направленность — главный критерий оценки спектакля. Так складывалась отечественная театральная традиция: не виртуозность игры, не лицедейство и маскарадность, не блеск внешних форм, а обнаженность правды, человеколюбие и гражданственность художника (даже самая вдохновенная фантазия и талант не дают ему права оказаться по ту сторону добра и зла) — важнейшее мерило творчества.

«...Определение внутренних актерских задач диктуется автором, лицом автора, не только данным куском текста, но именно лицом автора»,— писал Вл. И. Немирович-Данченко. «Влюбись в пьесу — иначе не ставь»,— говорил Н. П. Охлопков. «Режиссерский замысел возникает на основе пьесы, ее содержания, ее идеи»,— настаивал А. Д. Попов.

Верность пьесе важна как залог целостности спектакля. Речь, конечно, не о верности букве, не о слепом копировании и повторении. Рабский педантизм как антипод свободы творчества враждебен настоящему искусству. Простая иллюстрация текста пьесы в лицах разрушительна для миссии театра. Иллюстративный, лишенный сценической образности спектакль обычно банален, холоден и не способен увлечь публику. Известный режиссер А. М. Лобанов утверждал: «Спектакль — равнодействующая, которая объединяет авторское, режиссерское, актерское понимание жизни».

Равнодействие, цельность в искусстве достигаются, по замечанию Л. Н. Толстого, прежде всего единством нравственного отношения творца к изображаемому предмету. В спек-

такле таким предметом является жизнь людей в определенной среде. В конечном счете не является ли основной, решающей предпосылкой гармонии режиссера, актеров и драматурга их изначальное единство в отношении к главному «предмету»: к родине, народу?

Современный театр, восстанавливая связи с традициями, борясь за обновление форм и стилей, нередко и в реализации классики апеллировал к опыту выдающихся деятелей прошлого, прежде всего Станиславского и Немировича-Данченко, а также Вахтангова, Таирова, Мейерхольда. Однако, как показывала практика, осмысление их подхода к классическим произведениям, кроме плодотворных результатов, принесло и свои издержки — порой терялась точность ориентировки, смещались критерии.

В борьбе за многообразие сценических течений, в полемике с театральным консерватизмом, с архаикой и рутиной, в пафосе экспериментаторства проявились и серьезные противоречия. Нетворческое, иждивенческое заимствование форм и приемов режиссерского театра экспериментальной его поры (в частности, периода 1920-х годов) таило, как показала практика, опасность вульгаризации. Предостерегая против поверхностного изучения прошлого, против одностороннего в подходе, например, к творчеству Мейерхольда и Вахтангова, к которым на рубеже 50—60-х годов возродился напряженный интерес, А. Д. Попов писал: «Сомнительно, чтобы этот интерес был более продуктивен (чем интерес к наследию Станиславского и Немировича-Данченко.— **М. Л.**)... Думаю, что вульгаризация Мейерхольда будет выглядеть куда хуже, чем вульгаризация Станиславского. Дурно понятый Станиславский может родить серый, бездушный спектакль. А вульгаризация Мейерхольда принесет нам кривлянье и пошлость. Может быть, молодежи это менее понятно, а людям старшего поколения еще памятна эта вульгарщина...» Для многих странной, ретроградной показалась тогда мысль А. Д. Попова о том, что современной на театре является антитеатральность, что необходимо воспитать в себе волю быть на сцене нетеатральным, все проверять жизнью... Актуальность этого призыва, как подтвердила практика, еще более возросла в последующие десятилетия.

Соприкосновение с опытом знаменитых мастеров оказывалось плодотворным тогда, когда возрожденные традиции, обновленные формы, стремление к публицистической заостренности возникали на основе гармонического единства драматургии, режиссерского и актерского творчества, опирались на правду актерских чувств, на достоверность живых, человеческих характеров.

В освоении наследия значительна и роль критики, искусствознания. Здесь важна непредвзятость оценок, проверка опыта эстетикой реализма, критериями народности, правды и нравственно-художественной завершенности. Однако всегда ли в сегодняшних трудах есть такое соответствие в анализе творчества классиков драматургии и театра?..

В недавно опубликованном сборнике «В поисках реалистической образности» (М., 1981) приведено свидетельство актера Михаила Чехова о «видении жизни и человека» одним из современных ему режиссеров: «Во всем он прежде всего видел зло. Все наши слабости и прегрешения разрастались в его глазах до неимоверных размеров... В людях и событиях он обнажал самое жестокое, темное, ужасающее, воплощая все это в сверхтипах, и выносил на сцену. Все его спектакли были поистине демоничны и в то же время чрезвычайно привлекательны».

Эта своеобразная установка, вероятно, может быть плодотворной в работе режиссуры над сатирическими произведениями. Но вряд ли нужно доказывать, что такой подход не может стать универсальным,— между тем он привлекал и, как кажется, продолжает гипнотизировать некоторых деятелей театра, которые, как уже бывало, следуя этой дорогой, попадают в лоно вульгарного социологизма. Под эгидой обновления беспощадно осмеивались и отрицались герои Островского, Гоголя, Достоевского. Пожалуй, особенно показательна в этом смысле судьба чеховской драматургии. Не случайно еще в двадцатые годы Станиславский удивлялся тому, что в Чехове иные постановщики устремляют внимание «только на мрачные стороны его души и творчества и так слабо отмечают светлые». Позднее А. Д. Попов энергично протестовал против того, чтобы в чеховских спектаклях выходило на первый план «сатирическое отношение к людям». Протест не утратил злободневности. И сегодня не переводятся нарочито обличительные трактовки, например: «Вишневый сад» и «Три сестры» в Театре на Таганке, «Иванов» в московском театре имени Ленкомсомола, «Вишневый сад» в «Современнике» и ряд других.

Вряд ли можно объяснить это непониманием или поверхностным отношением к Чехову. После спектаклей МХАТа, достигавших необычайной, бесспорной гармонии с драматургом, национальная сценическая традиция Чеховианы, пройдя теперь уже полувековую проверку, сложилась.

Усилиями Станиславского, Немировича-Данченко и плеяды руководимых ими артистов выработалось отчетливое понимание отношения к социально-нравственному и философскому содержанию произведений Чехова. Быть может, особенно глубоко это выразилось в предвоенном спектакле «Три сестры».

Зрители мхатовских «Трех сестер» (1940), потрясенные человечностью спектакля, ощутили его как очистительную купель, как духовную силу, помогающую жить. Вл. И. Немирович-Данченко искал сценическую трактовку в сопоставлении «тоски чеховского пера» и существующей рядом с нею устремленности к радости жизни. «Зерно», идею спектакля режиссер определял следующими словами: «Мечта, мечтатели, мечта и действительность; и — тоска: тоска по лучшей жизни. И еще нечто очень важное, что создает драматическую коллизию,— это чувство долга. Долга по отношению к себе и другим. Даже долга как необходимости жить». В прозрачной, возвышенной атмосфере спектакля, в подчеркнутом благородстве героев возникал характерный чеховский мотив — жажда пробуждения скрытых сил человека, мечта о людях-подвижниках, которые, по слову писателя, «нужны как солнце». МХАТ искал и воплотил в своих заново осмысленных «Трех сестрах» идею близости, родственности, братства и «сестринства» — как глубинной и определяющей связи людей. Немировичу-Данченко необычайно важным казалось передать, что действующие лица «очень любят друг друга, страшно родные». Спектакль был полон исторического смысла; предвоенная эпоха и вечные вопросы кристаллизовались в нем в напряженной гармонии: сознание противоречий времени, отрезвление и вера в грядущее, утверждение жизни, опирающееся на стоическое чувство необходимости «жить», исполняя долг и восстанавливая и оберегая любовь и братство. Считанные месяцы отделяли премьеру от трагических дней, когда на стенах запламенели плакаты «Родина-мать зовет» и непривычно прозвучало единственно возможное тогда обращение к народу: «Братья и сестры, друзья мои...»

Мы напомнили об этом спектакле, чтобы спросить: разве его опыт, традиция, сам этот сценический канон потеряли актуальность? Разве они не заслуживают продолжения и развития? И если так, то почему же снова распространяются и поддерживаются отдельными критиками концепции тех постановщиков, в чеховских трактовках которых, кроме беспощадного отрицания, просматриваются также и мотивы слепого рока, фатальной обреченности, безнадежной разобщенности людей, что характерно для некогда модного на Западе театра абсурда? Почему, скажем, постановщики «Чайки» в театре «Современник» увидели в ней не драму нереализованных духовных возможностей человека, не тему подвижничества, а «комедию нелепой человеческой жизни, в ней люди, искренне переживающие, искренне страдающие, в то же время кажутся нелепыми, жалкими, смешными»? Исходя из тезиса «любая традиция не бесспорна», режиссер А. Поламишев анализирует чеховского «Дядю Ваню» и стремится убедить читателя в том, что ранее бытовало недопонимание пьесы, а на самом деле это «трагикомедия о «мелких дрязгах». Опубликован этот разбор в сборнике «Сценическое действие», рекомендованном «в помощь художественной самодеятельности» (М., 1980)... Задаешься вопросом: кому же «в помощь» попытка возродить упадочнический, декадентский взгляд на Чехова (бытовавший еще в начале XX века) как якобы певца сумерек и беспочвенности, изображавшего жалких героев, погруженных в трясину житейских дрязг и суетности?

Раздаются призывы разрушить обретенные долгим и порой мучительным опытом «каноны». Режиссура готова подать пример на сцене, критики-единомышленники спешат дать обоснования этому в статьях и книгах. Как череду бесконечных «интерпретаций», «отменяющих друг друга», пыталась представить судьбу «Чайки» критик Т. К. Шах-Азизова. «...Театр отражает в «Чайке» и то, что видит вокруг, и то, что чувствует в себе самом — жестокость или милосердие, насмешливость или трагизм...» Пьеса — в роли зеркальца, отражающего капризные гримасы («жестокость» или «милосердие») кокетливой барышни (то бишь режиссера), а также и подобие некоего вакуума, который заполняется (хотя всегда здесь будет «неполнота») как кому заблагорассудится.

Только забыв объективный внутренний смысл произведений Чехова, забыв о вечном, незыблемом, не меняющемся, подобно моде,— о правде и духовно-нравственных идеалах драматурга, которые он искал и утверждал в своем творчестве,— и можно оказаться на таких, релятивистских, по сути, позициях. Проблему единства театра и драматургии Шах-Азизова подменила идеей режиссерской произвольности. Абсолютизируя «интерпретацию», оправдывая субъективизм как «новую правду о театре», критик вынесла за скобки первостепенной важности вопрос правды о жизни, о человеке.

Среди многих таких публикаций поразительна по откровенности статья-манифест М. И. Туровской: «Кино — Чехов-77 — театр». В ней уже в зачине решительно объявлялось, что «все закономерности отношений зрелищных искусств с классикой очевиднее всего именно на чеховских пьесах». Вероятно, стоит оговориться, что рассматриваются не «все» закономерности, а преимущественно одна — ревизия Чехова с точки зрения «интегрального модернизма»: отрицания, возведенного в идеологию.

Для Туровской само собой «разумелось» направление атаки: «отталкивание от сложившейся традиции, от канона», их «преодоление». Фразы звучали как ружейные залпы. «Канон должен был быть разрушен, и его разрушили, как некогда Карфаген»,— писала критик, излишне, пожалуй, торопясь и забегая вперед. Безошибочно указывалась мишень, одна из главных ценностей чеховского театрального наследия — мхатовские «Три сестры» 1940 года: «...Полнота и совершенство этого спектакля, вобравшего в себя всю традицию искусства МХАТа в ее главном русле, должны были быть преодолены не только ввиду обращения к иной театральной традиции, восходящей к условному театру».

Симптоматичны слова «не только». В самом деле, ссылки на «условный театр», призывы к его возрождению на равноправной с реализмом основе,— не пройденный ли это этап. «Разумеется, безбытность — удел всех современных постановок классики...»?

Маяком-ориентиром «нового» видения, достичь которого помогла «историческая перспектива», для Туровской явился «Вишневый сад» в Театре на Таганке в постановке А. В. Эфроса — спектакль, вызвавший мысль о «конце века... о свалке истории». Был отмечен его антиэстетизм, но тут же утверждалось, что суть в ином (и это центральная идея критика): «речь идет... не о «разоблачении» идеала вишневого сада — речь идет об его исторической исчерпанности»... Кто же не помнит, что понимал Чехов под идеалом «Вишневого сада». Устами Ани драматург говорил: «Вся Россия — наш сад».

Откуда же вывод критика об «исчерпанности»? Откуда оценка чеховских персонажей как носителей «остаточной, выморочной красоты»? Об этом сказано недвусмысленно: «...Исторический опыт, невольное сравнение нас с ними». После чего и следовал знакомый рефрен: «Вот почему Карфагену надлежало быть разрушенным».

Основоположники русской советской театральной культуры Станиславский и Немирович-Данченко, сравнивая себя с героями драматурга, видели в них родных и близких людей, чья жизнь полна глубокого смысла, благородных усилий и светлых надежд.

Что же, Аня и Петя, Вершинин и Тузенбах, Войницкий и Соня, Астров, Нина Заречная стали ископаемыми древностями? Нет, конечно! Просто для критика они чужие. Они — это «они»...

Призывы разрушить «Карфаген» (Карфаген сложившейся культурной традиции, скажем мы, поставив точки над i) не прошли даром для дальнейшего сценического освоения чеховской драматургии. Эхом отозвались они на трактовке многих других спектаклей по классическим пьесам.

Не становится ли в таких случаях русская классика просто объектом эксплуатации,— возможно, и соответствующей индивидуальным наклонностям художника, но не слишком ли далекой от главных задач отечественной культуры... Подмена подлинных ценностей мишурной, вычурной «новизной» проявляется порой в различных присоединительных формах: мимикрии или прямого «выедания» (когда пьеса рассматривается лишь как сырье на обеденном столе режиссера), сатирического снижения, иронии или патетической софистики, прикрывающей фальсификацию... Механизм таких подмен раскрыт в известной статье П. В. Палиевского «К понятию гения».

Среди толстовских спектаклей последних лет обратил на себя внимание спектакль «История лошади» по повести «Холстомер» в ленинградском Большом драматическом театре. Критики почему-то избегали говорить о его противоречиях. Например, М. И. Туровская увидела здесь «сплав» эстетики Брехта и «исконных традиций» русской сцены. Хвала «сплаву-синтезу», восторг перед «почти пародийным (! — **М. Л.**) по своей остроте замыслом» инсценировщика и режиссуры воздавались, однако, при умолчании того, что спектакль в ряде важных моментов исказил первоисточник, приписав Толстому чуждые и далекие ему идеи.

Театр с неотступной назойливостью стремится внушить мысль, будто главная беда Холстомера в том, что он «пегий». И текстом и режиссерским курсивом это обстоятельство подчеркнуто неоднократно. Из-за «пегости» на сцене табун энергично нападает на чужака. Но у Толстого прочтем признание Холстомера: «Пестрота моя, так не нравившаяся людям, чрезвычайно понравилась всем лошадям».

Табуну лошадей, которых играют актеры, отведено в сценическом действии большое место: он почти не покидает сцену. Табун прежде всего и олицетворяет силу, противостоящую Холстомеру, обреченному на одиночество и непонимание. Здесь-то явственнее всего происходит разрыв театра с автором. И более всего ощутимы духовные, моральные потери спектакля.

В повести молодые лошади «мучают» дряхлого и безобразного Холстомера. Делают они это от буйства забродивших весенних сил, от беззлобного озорства; но как же меняется табун у Толстого, когда кобыла Вязопуриха узнает старого мерина! Как сильно здесь проявляется лошадиное «братство» — в укор людям! Подтверждается добытая Холстомером из жизни истина, что лошади в лестнице живых существ стоят выше людей. Но хотя Холстомер—Лебедев и произносит эти слова, они повисают в воздухе. Более того, сценическая трактовка табуна их опровергает. Табун в спектакле напоминает злобную и мстительную шайку. С мерзким садизмом, глумливо и безжалостно избивает он хворого, беззащитного мерина.

То, что у Толстого братское, общее, коллективное,— в спектакле подменено табунным, стадным. Театру вовсе не важны различия в «лестнице живых существ». Толстовскую антитезу он замещает своим «синтезом». Снимается разница не просто между лошадьми и людьми: утрачиваются границы нравственного абсолюта, который так незыблем у Толстого. Писатель не сомневался в благородных основах той стихии, к которой всем своим естеством принадлежал Мужик-первый. Но у театра свой взгляд на мир: все мы немножко «лошади», да и с лошадьми тоже, мол, бывают превращения.

Низменно-физиологические мотивировки сценического действия сплетаются в достаточно плотную ткань. И это не может не накладывать отпечаток на восприятие судьбы Холстомера. Хотя исполнитель его роли Евг. Лебедев ищет (и обретает) для своей роли трагедийные краски, другими токами заряженное силовое поле спектакля приводит к жанровым и смысловым сдвигам. В иные моменты может показаться, что высокая драма жизни Холстомера сведена к животно-биологическим неудачам.

Некоторые критики пытались оправдать как раз плотское, чувственно-земное начало, определяющее ход вещей на сцене. «Вполне по-толстовски режиссер отказывается от моральных критериев даже тогда, когда Толстой-моралист, Толстой-проповедник их выдвигает»,— писал, например, К. Л. Рудницкий. Однако кокетство софизмами и игра словами не меняли сути идеала, заместившего «моральные критерии». Особенно удивителен восторг перед сценической интерпретацией жеребца Милого. Это, по словам критика, «наглый, самоуверенно гарцующий, жестокий, одно слово: «жеребец!» и в то же время он — «совершенное в своем роде, прекрасное создание природы, природа же — вне морали»... В нем «восхищает сила, которая... собой упивается»... Даже хруст сахара в зубах Милого — «смачный, бездумный, ко всему на свете равнодушный, даже циничный, однако же восхитительный!». И все это ошарашивающее умиление плотоядной свирепостью подается как протест против «ханжеского осуждения», против «морализаторства»! Ссылка на «внеморальность» природы также поражает уровнем восприятия: как будто Толстой и впрямь сочинил сказочку из жизни лошадей...

Не остался без внимания театральных «искателей» и Ф. М. Достоевский. В спектакле Рижского театра русской драмы «Убивец» (автор «пьесы» и постановщик М. Г. Розовский) сохранены основные персонажи и многие события романа «Преступление и наказание». Но мир идей Достоевского, его замысел предстали словно отраженными в кривом зеркале. Произвольный отбор и монтаж текста, стремление дописать и сценически «обновить» первооснову привели к ее разрушению. Не Раскольников и не главная для писателя идея разоблачения наполеонической идеи «разрешить себе кровь по совести» оказались в центре спектакля. На первом плане более чем односторонняя характеристика среды, атмосферы, разных персонажей. Их омерзительность подчеркнута всеми доступными сцене средствами. Театр верен себе и в декорациях: они напоминают беспорядочно сваленную груду мусора и хлама. На авансцену вынесены большие фановые трубы с кучами грязи и тряпья у зияющих отверстий.

Особый смысл вложен в образ введенного в «пьесу» шарманщика. «Темой» шарманки подкрепляется мысль об извечности, фатальной неизбывности того, что показано на сцене,— фантасмагории зла. Надо ли пояснять, что такой взгляд не имеет отношения к роману. Впрочем, романное «прикрытие» достаточно прозрачно. Красноречив в этом смысле один из монологов Свидригайлова. С высокой площадки, словно с трибуны, актер, выхваченный из тьмы прожектором, кричит в зал, как бы уже выходя за рамки роли: «Русские люди вообще широкие люди, широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному». А затем, после выразительной паузы, как нечто сокровенное изрекает: «Но беда быть широким без особенной гениальности». Так мировосприятие Свидригайлова подменяет авторскую позицию Достоевского.

Как известно, в «Преступлении и наказании» крайне важны отношения Раскольникова и Сони, Соня тоже «переступила». Но какая глубокая разница! Она жертвует собой ради других, Раскольников жертвует другими ради себя! В этом трагедийном сопоставлении огромный смысл. В спектакле же Соня невзрачна и бесцветна. В ней и намека нет на тот духовный свет, который помогал бы понять истоки ее жертвенного подвига. Но этого мало. Соня поставлена режиссером в один ряд с циничными жрицами порока; она участница общего «хора» блудниц. Вместе с ними и с теми же ужимками распевает куплеты, сочиненные Ю. Ряшенцевым:

Ох, не просто девушке
Достаются денежки...

Или:

Где духи, а где румяна,
Щечка бита, кофта рвана...

Каким же смыслом под таким углом зрения могут наполниться звучащие в спектакле знаменитые слова о «вечной Сонечке», вечной, «пока мир стоит»?!

Спектакль всюду выпячивает свинство и одичание. Однако болезненно-мизантропические устремления режиссера ни в малейшей степени не соответствуют гражданскому пафосу Достоевского, который и незадолго до своей кончины повторил дорогую ему мысль: «Самоуважение нам нужно, наконец, а не самооплевание».

Предвзятый подход, произвольные жанровые переключения (от исступленно-мрачной фантасмагории до эстетики эстрадно-цирковых аттракционов и бульварного фарса) были характерны для ряда постановок по произведениям Н. В. Гоголя. Художественный мир писателя, искривленный режиссерской нарочитостью, воспроизводился ради одной цели — обличить Россию как сплошное темное царство.

В «Ревизских сказках» в Театре на Таганке (1977) сценическая среда трактовалась как гигантская смирительная камера. Стены ее обтянуты наглухо серым шинельным сукном. Словно в саванах — спеленутые тем же сукном — фигуры действующих лиц. Различить их можно только по головным уборам — на них шляпы, треуголки, шутовские колпаки. Это мир Поприщина, коллежского асессора Ковалева, портретиста Чарткова, Акакия Акакиевича — мир петербургских повестей Гоголя. Театр развертывал фантасмагорию мертвых — или с поврежденным сознанием — душ, для которых, как говорится в «Записках сумасшедшего», «Китай и Испания совершенно одна и та же земля», а луна делается в Гамбурге... Возникал образ адского чрева, мрачного застенка, куда попадали жертвы петербургского казенно-бюрократического механизма, где властвовали прислужники бытия, управляемого демоническими законами. Кривлялись в хороводе обитатели сумасшедшего дома, лязгала железом и шуршала бумагой чиновничья машина, совершалась пьяная оргия... Один из персонажей запевал вдруг современную песню «Поле, русское поле, я твой тонкий колосок», с остервенением отплевываясь... А Чичиков тут же глубокомысленно и с намеком произносил фразу, обращая ее к зрителям: «Вы сейчас в целом свете не сыщете человека, который бы не плевался». Знаменитую «Тройку» читали загробным голосом в почти полной темноте, которую не в силах рассеять зажатый в ладони сальный огарок. Посреди этого кошмара, почти не выделяясь из массы персонажей-фантомов, бродили фигуры, изображавшие самого писателя в двух лицах...

Театр показывал тот полюс бытия, который противоположен его естественному ходу, живой органике свободного человека. Совершенно утрачивалась диалектика гоголевского взгляда на действительность. Не было и намека на вечные идеалы, на сокровища русского духа, которые так дороги писателю. Его художественный мир явился в кривом зеркале. Например, и предлагавшаяся в спектакле в качестве универсальной зловещая метафора шинели не могла быть исчерпана аналогиями со смирительной рубахой или мундирно-казарменной бездушностью. Шинель в известные моменты истории — одежда, в которой идут на подвиги, становятся героями.

Односторонность всегда есть односторонность. Как не вспомнить при этом размышления Гоголя из его замечательной статьи «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности»: «Друг мой, храни вас бог от односторонности: с нею всюду человек произведет зло... Глядите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна до времени вам не открыта».

Сегодня о мере точности в истолковании классики все чаще говорят в сфере филологической науки. И это не случайно. Ибо и здесь стали множиться родственные некоторым театральным истолкованиям странные концепции. Не остался без внимания «теоретиков-новаторов» и Н. В. Гоголь. Героя его «Записок сумасшедшего» Поприщина профессор Г. М. Макогоненко в одной из своих статей (1979) представил выразителем взглядов писателя на Россию и на участь живущих в ней людей. Для начала заявлялось, будто тема безумия и абсурдности современного Гоголю общественного строя являлась «генеральной» для него. Затем настойчиво муссировалась мысль о том, что Поприщин — вовсе не сумасшедший, а, напротив того, мудр и проницателен, он обновленная личность, говорящая свободным языком, безвинный страдалец, протестующий против рабства, неравенства, бесправия и произвола. В судьбе Поприщина, по утверждению Макогоненко, Гоголь «раскрывает трагизм и безвыходность жизни в русском обществе человека с просветленным сознанием», а в повести в целом «помогает постепенному рождению у читателя мысли о тождестве порядков в сумасшедшем доме, и в королевской Испании, и в царской России». В Поприщине якобы «окончательно пробудился человек», и писателю «в этой ситуации нужно было открыто провозгласить выстраданную мысль о трагической в России судьбе человека, осознавшего себя личностью, человека с пробудившимся сознанием».

Упомянутая в повести фантастическая история с «носами» под пером профессора разрос-

лась в самостоятельный «исследовательский» сюжет: на земле господствует «ад», «жить стало невозможно, и вот, не выдержав, носы с земли бегут на луну». Кроме того, выявляется, что именно «носы оказываются мерой равенства». Статья Макогоненко снова и снова напоминала читателю, что трагизм судьбы человека в творчестве Гоголя «прежде всего в том, что нет выхода, нет надежды вырваться из этого страшного сумасшедшего дома — России».

Выступление Макогоненко можно было бы счесть своеобразной режиссерской экспозицией «Ревизских сказок» Ю. П. Любимова. Оно так же далеко от реального содержания творчества Гоголя, как и этот спектакль...

«Мера точности» в изучении и истолковании классики — проблема, традиционно важная для театра,— оказалась столь же злободневной и для литературоведения. Это настораживающее обстоятельство тем более должно предостерегать режиссеров от легкомысленного панибратства с классиками. Взгляд на классическую пьесу как на «канву для сценических построений» (Мейерхольд) не может иметь иных последствий, кроме разрушительных.

Ревнители «обновленной» классики по странной закономерности, как правило, достигали одного бесспорного результата — «власть тьмы» в их спектаклях не имела берегов. О такого рода односторонних произведениях можно сказать словами Н. А. Некрасова:

...укажут они
Все недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,
Но не научат любить глубоко.

Такой подход, как сказано выше, имел предшественников.

Однако и новые попытки гальванизировать идеи и эстетику авангардистского театра 20-х годов обнаруживали свою нарочитость, претенциозность и антидуховную направленность. К тем же по смыслу итогам приводили и усилия гибридизировать разные направления, создать некое сценическое эсперанто (скрестить Станиславского с Брехтом и пр.).

Об опасности смешения методов творчества, против эклектики и неразборчивости в средствах и приемах предостерегали еще основатели МХАТа. Эту опасность и сегодня чувствуют наиболее дальновидные деятели не только театра, но и литературы, чуткие к народным основам и самобытности искусства. Рачительным отношением к «первоначальным истинам» сцены продиктованы, например, выступления писателя Василия Белова: «В том и беда, что границы между театром, эстрадой и цирком размываются, причем в достаточной степени искусственно, под флагом поиска новых путей и новых выразительных средств. Об этом многие из нас боятся не только говорить, но и думать, так как любой достаточно изворотливый демагог, опираясь на необходимость новизны, может легко приклеить тебе ярлык ретрограда и гонителя нового. Но я убежден, что мы не только можем, но и обязаны возвратить театру его первоначальную суть».

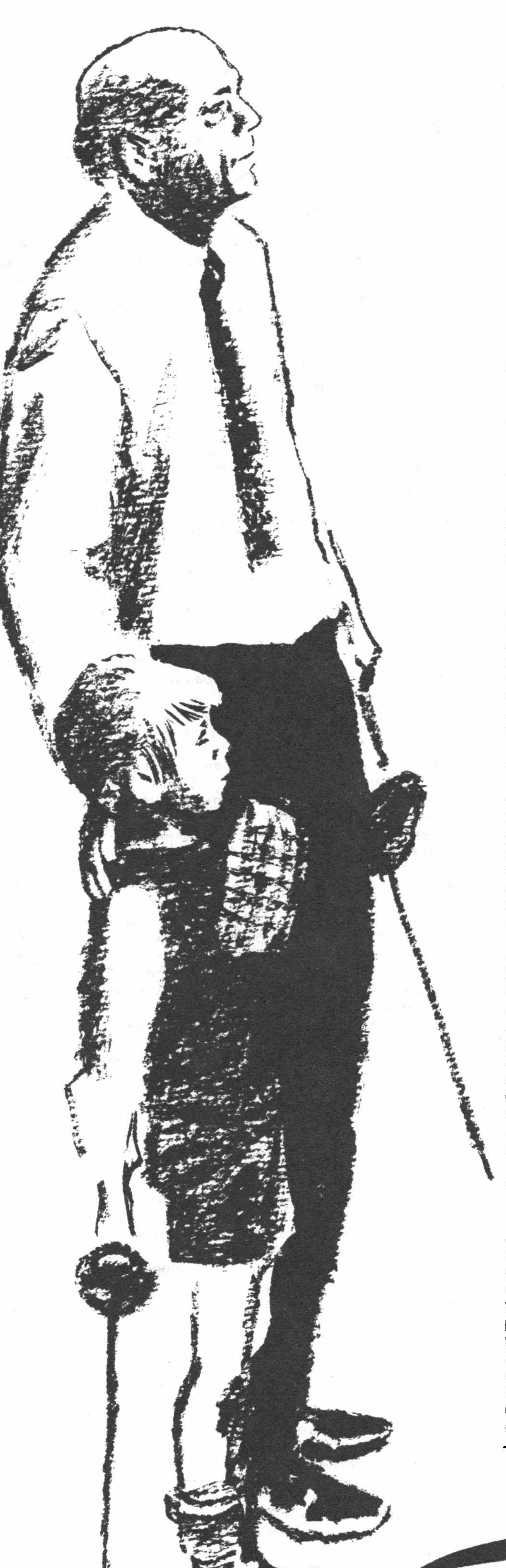
Произвольные эксперименты с классическим наследием не должны обескураживать. Но опасность начинает возрастать, когда им стремятся придать ореол образца. В ряде постановок классики на советской сцене 70-х годов (и в некоторых выступлениях критики) снова, как некогда в двадцатые годы, «горели «Вишневые сады» сценического реализма» (Э. М. Бескин). Но все с той же непреложностью мог бы прозвучать и тогдашний ответ Вл. И. Немировича-Данченко: «Сад сгореть может, но почва никогда...»

Великие сокровища заключены в классических произведениях — социальные, нравственные, эстетические. В классике мы ищем и находим ответы на основополагающие вопросы человеческого бытия, на ее уроках воспитываются разум, совесть, воля личности, крепнет мудрость в пользовании духовной свободой, направляемой в сферу добра и милосердия.

Классика все прочнее срастается с современностью, и это важное достижение нашей культуры. Быть может, как раз неотвратимая сила этого сближения и есть главная движущая сила процесса.

Классика — это живая история; и это идеология, один из ее важнейших участков.

«Велик тот народ,— говорит Л. И. Брежнев,— который постоянно ощущает живую связь со своей историей, может брать все лучшее из своих исторических традиций и делать это достоянием сегодняшнего дня».

Теодор ГЛАДКОВ,
Аполлинарий СЕРГЕЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

...Елизавета Аркадьевна очень естественно, по-дружески попросила Инну помочь ей в ознакомлении с научными работами брата в наиболее полном объеме, если возможно, с деятельностью его института — это так важно для нее. И вообще она была бы рада познакомиться с достижениями других наук в Советской России.

Видимо, это был самый важный разговор между Дальберг и Котельниковой, так как в конце его Инна ответила, что у нее есть возможность узнавать о некоторых научных открытиях и изобретениях до их официального опубликования. Они договорились, что Инна подготовит ряд интересных научных материалов и привезет их через неделю в Ленинград.

Котельникова не хвасталась, когда говорила о своих возможностях. Она действительно располагала таковыми. В редакцию «Вестника» поступало много интересных, иногда уникальных материалов, авторы которых не слишком утруждали себя размышлениями о том, что статьи, посланные ими в открытый журнал, могут содержать секретные сведения. Поступали они и в другие журналы, редакции коих располагались в том же здании. Там у Инны была не одна приятельница.

Несколько десятков рукописей, поступивших, что называется, самотеком, Инна без каких-либо затруднений вынесла из здания. Корицкий и она отобрали из них три-четыре статьи, представляющие настоящую ценность, в том числе о способе замораживания крови. Материал этот не подлежал опубликованию, но по просьбе автора перепечатывался машинисткой журнала за его счет.

Вот таким путем Котельникова сумела познакомиться с хозяйкой салона «Перфект». Инна явно понравилась мадам Дальберг. Вдвоем они совершали прогулки по Москве, делали покупки, болтали о всякой всячине. Дальберг проявила интерес к старому русскому искусству. Инна оказалась весьма полезной во всех отношениях. Она достала Елизавете Аркадьевне складень XVIII века, несколько старинных вышивок бисером, редкую гравюру с видом Петербурга. Довольная хозяйка «Перфекта» хотела подарить за услуги два коллекционных платья и кое-что из французской парфюмерии, но Котельникова отвергла щедрые дары.

«Горда»,— подумала Дальберг.

Во время прогулок по Москве госпожа Дальберг, тонкий психолог — не будь таковой, она прогорела бы со своим салоном дамского платья,— сумела достаточно точно определить главные черты своей московской знакомой: умна, организованна, не столь скупа, сколь расчетлива, эгоистична, индивидуалистка, не удовлетворена своим положением редактора в научном «Вестнике» (обмолвилась: могла бы быть директором Дома моделей, еще лучше — хозяйкой такого же салона, как у мадам Дальберг), осторожна в политических высказываниях, крайне честолюбива, гордится общени-

Окончание. См. «Огонек» №№ 24—30.

ем с учеными, в том числе с достаточно известными (фамилий не назвала).

Препарированные ею и переснятые на фотопленку материалы Котельникова передала Дальберг во время их «случайной» встречи через неделю в одном из переходов ленинградского Эрмитажа. В тот же день, не задерживаясь, Инна выехала обратно в Москву. На дне ее сумочки лежал первый полученный от Елизаветы Аркадьевны гонорар: две тысячи советских рублей и пятьсот американских долларов. Она везла с собой не только деньги, но и твердую договоренность об очередной встрече — уже в той стране, где постоянно жила госпожа Дальберг. Инна Александровна намеревалась летом приехать туда по туристской путевке. Прощаясь, Котельникова дала понять Елизавете Аркадьевне, что, может быть, рискнет привезти с собой материалы, относящиеся к важным советским исследованиям в области металлургии.

За границей Инна должна была встретиться непосредственно с представителем той иностранной разведки, на которую, по ее и Михаила Семеновича мнению, работала Дальберг, и передать ему пленку с первой половиной документации по разработанному Корицким технологическому процессу производства нового сплава. На этой встрече Инна должна была настоять на выполнении другой стороной (Корицкий так и выразился дипломатично — «другой стороной») определенных гарантий, а именно: открытии в одном из западных банков счета на предъявителя.

В мае, как и намечалось, Котельникова уехала за границу. Чтобы вернуться оттуда мертвой...

От двоюродной сестры Юлии, ничего не подозревавшей о подлинных намерениях Инны и его самого, Корицкий узнал очень немногое. Только то, что они вдвоем побывали в салоне «Перфект», с владелицей которого Инна, как она сказала Ларионовой, случайно познакомилась на международной выставке мод в Москве. В салоне обе женщины сшили себе по модному платью — ответная услуга за какие-то подарки, сделанные Инной госпоже Дальберг в СССР. В разговоре со следователем Ларионова об этом умолчала, видимо, полагала, что сделка носила противозаконный характер. Вот и все. Больше он, Корицкий, ничего о пребывании Котельниковой за рубежом не знает. Инна ему оттуда не писала и не телефонировала. Ермолин был уверен, что так оно и было все на самом деле.

— Что вам известно об отношениях вашей сестры с Осокиным?

Корицкий пожал плечами.

— Это их личное дело. Осокин — одинокий человек, как я теперь понимаю, очень доверчивый, даже наивный. Юлия — женщина интересная, способная зажечь кого угодно, хотя и в возрасте. Может быть, это ее последний шанс в жизни?

— Вы и Котельникова использовали какимлибо образом отношения между Ларионовой и Осокиным?

— Упаси боже! Юлия относится к нему очень серьезно и никогда не стала бы делать для нас ничего, что могло бы бросить тень на Сергея Аркадьевича. Зная, с какой неприязнью Инна относится к старику, я постарался скрыть от нее связь Юлии с Осокиным.

На сем беседу с Корицким можно было прекратить. Ничего больше он сообщить не мог. Решать дальнейшую гражданскую и личную судьбу Михаила Семеновича было не в компетенции Ермолина, но от него в этой судьбе зависело многое. Как, впрочем, и от самого Корицкого.

Что делать дальше? Как выиграть проигранное на первом этапе сражение у Лоренца — того, видимо, разведчика, который стоял за спиной госпожи Дальберг? Добраться до Лоренца можно только одним путем — с помощью этого самого гражданина Корицкого, который сидит сейчас перед ним и безучастным голосом отвечает на его, Ермолина, вопросы.

Корицкий подавлен и духовно опустошен. Совершенное преступление и потеря любимой женщины раздавили его. Можно ли этого человека заставить искупить свою вину? Необходимо! Но для этого нужно вывести Корицкого из того состояния полного безразличия даже к собственной участи, в котором он сейчас пребывал.

— Какой вы видите вашу дальнейшую жизнь?— прямо спросил Ермолин, нарушив затянувшуюся паузу.

— Я?!— Корицкий растерялся.— Я полагал, что это решат, не советуясь со мной.

— Советоваться с вами, конечно, не будут. Совершенное вами преступление предусмотрено статьей второй Закона об уголовной ответственности за государственные преступления. Но суд учтет вашу добровольную явку с повинной и оказание помощи следствию.

Корицкий молчал.

— Отвечайте же,— настаивал Ермолин.— Я интересуюсь вашей судьбой не только из вежливости.

— Буду работать,— не очень уверенно выдавил Корицкий.

— Где? Кем?

Корицкий вдруг разозлился. Что еще нужно от него этому комитетчику?

— Арбузы пойду разгружать в Южный порт!— почти грубо отрезал он.

Ермолин был доволен — Корицкий злится. Это уже лучше, чем апатия.

— Ну, это не выход,— миролюбиво и рассудительно сказал он.— Арбузы — дело сезонное. Август — сентябрь. В году же не два месяца, а двенадцать. Да и квалификации соответствующей у вас нет, возраст опять же не тот. Уж я-то знаю, сам арбузами пробавлялся, когда студентом был. А если серьезно?

— Не знаю,— вздохнул Корицкий.— В этом кабинете, надо полагать, не оставят.

— Надо полагать,— подтвердил Ермолин.

— А рядовым сотрудником?— В голосе Корицкого послышалось что-то похожее на слабый интерес.

— А вы бы этого хотели?

— Для меня это было бы, видимо, самое лучшее,— признался после минутного раздумья Корицкий.

— Для нас тоже,— сказал Ермолин.

— Почему?— удивился Михаил Семенович.

— Потому что вас можно лишить свободы, вашего нынешнего высокого поста, но нельзя лишить ваших знаний, вашего научного багажа, ваших способностей, наконец. Государству и народу совсем не безразлично, на что вы все это употребите, когда оставите сей кабинет. Могу привести прецедент. Свой знаменитый прямоточный котел профессор Рамзин изобрел именно тогда, когда тоже производил определенную переоценку ценностей.

Корицкий задумался.

— Вы это серьезно?— наконец спросил он в явном замешательстве.

— Да уж куда серьезнее! Вот только... Сможете ли вы сделать все, что потребуется для того, чтобы компенсировать, хотя бы в самой малости, тот ущерб, который нанесли Родине?— в упор спросил Ермолин.

— Но это, простите, общие слова.

— Вовсе нет. Это вполне конкретное и, признайте, справедливое предложение.

Корицкий посмотрел в глаза Ермолину.

— Я вас, кажется, понял.

Ермолин облегченно вздохнул. Турищев подался вперед со своего кресла.

— Рад, что вы это поняли,— сказал Влади-

акция Лоренца

мир Николаевич.— Могу я рассматривать эти ваши слова как добросердечное согласие встать на путь исправления?

— Да, можете. Более того, теперь я сам этого хочу.

— Что ж, гражданин Корицкий,— завершил беседу Ермолин.— Только не думайте, что сегодня кто-нибудь из нас кого-либо облагодетельствовал. Я всего лишь выполняю свой долг. Ну а вам предстоит выполнить ваш...

ГЛАВА 13

По пути ко Второй Градской, близ которой жил Осокин, Ермолин снова и снова возвращался мысленно к разговору, который после разбора дела возник на последнем оперативном совещании. Этот разговор, как и другие, ему предшествовавшие, был полезен для всех во многих отношениях. И очень хорошо, что они нашли наконец общий язык с Турищевым. Давно следовало вот так откровенно поговорить с Григорием Павловичем.

Пережитки капитализма в сознании и поведении людей сегодня... Партия постоянно напоминает о необходимости непримиримой борьбы с буржуазной идеологией во всех ее проявлениях, в том числе — и особенно! — весьма тонких. Принципиальных разногласий в этом вопросе у него с Турищевым не было и быть не могло. Оба они коммунисты и чекисты. Вот только нельзя понимать эти пережитки так узко и прямолинейно, как понимал до сих пор уважаемый Григорий Павлович.

Можно повседневно сталкиваться с самой изощренной буржуазной пропагандой и сохранять непоколебимую верность своим идеалам как в мыслях, так и в делах. Но малейшая трещина в убеждениях, червоточина в характере могут открыть дорогу прямому вражескому влиянию. Так именно произошло с Котельниковой и Корицким. Так могло произойти и с Ларионовой.

Котельниковой это стоило жизни. Корицкий нашел в себе силы удержаться у последней черты. Ларионовой помогли уже после явки с повинной брата они, чекисты.

Товарищи припомнили на совещании и другие дела за последние годы, еще и еще раз и очень строго взглянули на них с этой, идейной точки зрения. Это всегда необходимо, особенно в таком деле.

Сейчас Ермолину предстоял чрезвычайно важный, во многом определяющий его дальнейшие действия разговор с Сергеем Аркадьевичем.

...На звонок открыл сам Осокин. Кроме него, в просторной прихожей находился еще один человек: мальчуган лет шести с красной пластмассовой маской на лице. В руке он воинственно сжимал пластмассовую же шпагу. Точно такой шпагой был вооружен и Осокин. Убедившись, что сражение с дедом явно откладывается, мальчуган буркнул «драсьте» и с разочарованным видом удалился куда-то в глубь квартиры.

Осокин поздоровался с гостем и развел руками.

— Ничего не поделаешь, неосторожно позволил внуку посмотреть по телевизору французский фильм «Три мушкетера», теперь несу ответственность. Вы еще не дед?

Ермолин рассмеялся:

— Только кандидат. У сына, кажется, то есть у невестки, что-то намечается. Но для нас, родителей, это пока секрет.

— Вы хоть догадываетесь... А для меня в свое время явилось полной неожиданностью.— По лицу Осокина пробежала тень.— Проходите, Владимир Николаевич.

На пороге кабинета Осокин прокричал:

— Андрей!

Где-то во тьме коридора возник внук.

— Скажи маме, что у меня гость и я прошу устроить для нас чай.

Кабинет Осокина был именно тем профессорским кабинетом, какой ожидал увидеть Ермолин. Стеллажи с книгами до самого потолка, тяжелая кожаная мебель, огромный письменный стол под зеленым сукном. У окна застекленный шкаф, весь заставленный кусками металла. Красное пятно в позолоченной раме, висевшей в углу на стене, привлекло его внимание особо. Осокин перехватил взгляд Ермолина.

— Заинтересовались портретом, Владимир Николаевич?

— Очень... Никогда не видел эту вещь даже в репродукции.

— Это и есть репродукция на холсте. Фабиола, римлянка, которая построила первый в Европе госпиталь для калек и больных.

— Кажется, о ней упоминает в своем труде Феррар.

— Думаю, что это лучшая вещь Хеннера. Взгляните только на этот профиль красавицы, и этот красный платок, накинутый, как у монахини, и черный фон... Репродукцию привез мне племянник. Как-то я увидел эту вещь в иллюстрированном журнале, загорелся. И вот она у меня.

В комнату вошла высокая молодая женщина с заставленным подносом в руках. Быстро и ловко она сервировала журнальный столик у окна. Женщина была смугла, темноволоса и кареглаза, ничуть не похожа на Осокина, глаза которого, несмотря на возраст, оказались неожиданно ярко-голубыми.

— Это моя дочь Светлана и мать того д'Артаньяна, которого вы уже видели. А это, Ланочка...— тут Осокин замялся, Ермолин пришел ему на помощь.

— Меня зовут Владимир Николаевич.

Они пожали друг другу руки.

— Пейте чай,— приветливо сказала дочь Осокина.— Коньяк и ром на ваше усмотрение. Пирожки с мясом и капустой, сама пекла.

Улыбнувшись, Светлана вышла, Ермолин вспомнил слова Веры Эминовой о том, что у Осокина натянутые отношения с дочерью, и хмыкнул про себя: непохоже.

— Извините, что оторвал вас от работы, Сергей Аркадьевич,— сказал Ермолин, приметив на столе старинную раскрытую книгу.

— Весь в вашем распоряжении,—откликнулся ученый.— А книга сия для меня не работа, а отдых и удовольствие. Ломоносов, Михайло Васильевич. «Первые основания металлургии...», «О движении воздуха, наблюдаемом в рудниках», «О слоях земных». Классика наша! Я и своим докторантам рекомендую. Что же касается этой именно книги, то ее еще прадед мой штудировал и деду передал.

— Выходит, Сергей Аркадьевич, вы металлург потомственный.

— Вот именно,— с очевидной гордостью подтвердил ученый.— Было бы у нас время, рассказал бы вам свою родословную, начиная с Костромы и Урала.

— А у меня оно есть. И так как я сам уралец, то мне это вдвойне интересно.

— Знаете, сейчас редко встречаешь людей, которые интересуются генеалогией. Считается, что это пережиток, сомнительная, дескать, привилегия баронов и князей. А напрасно! Родословная трудящегося человека зачастую куда поучительнее, нежели история иного княжеского рода.

Сергей Аркадьевич наполнил рюмки коньяком, подлил в чашку гостя горячего чая и начал рассказывать:

— Наш род Осокиных идет от костромских каталей. Как сказывал прадед Игнатий, не мне, конечно, а отцу моему, лучшие катали валенок на всю Россию были костромские. Валенки у них получались теплые, легкие, в носке прочные. После крестьянской реформы многие костромские подались на восток, кто на Урал, кто в Сибирь.

Мои предки осели в Пермской губернии. Земли под поселение отвели им, конечно, не самые богатые. Урожаи зерновых были скудные, но травы в предгорьях Урала отличные. Коровы давали хорошие удои. Овчины, выделанные местными мастерами, не уступали знаменитым шуйским, угличским и пошехонским.

Прадед Игнатий поселился в поселке, который назывался Заводом, потому что был при медеплавильном заводе с карьером, откуда брали руду. Избы полурабочих, полукрестьян тянулись вдоль реки Северки и впадавшей в нее речушки с татарским названием Сулак. У жителей были наделы земли, так что они и сельским хозяйством занимались и работали на заводе или в карьере.

Завод пришелся Игнатию по душе. Работы было много, платили, по его понятиям, не скупо. Потом случилась у него горе: от тяжелых родов умерла, так и не разрешившись вторым ребенком, жена. Остался Игнатий вдовцом с пятнадцатилетним сыном Кириллом, моим дедом. Хотел Кирьку приучить к своему ремеслу, но тот тянулся к заводским подросткам и пошел на завод учеником.

Кирька быстро встал на ноги. Помогал рабочим при плавке медной руды в шахтной печи, во все вникал, обо всем расспрашивал. На смышленого парня обратил внимание мастер. Когда завод посетил управляющий, мастер показал ему как диковину толкового и смышленого к медеплавильному делу подростка. Кончилось это тем, что управляющий дал Кириллу денег до Петербурга и рекомендательное письмо к знакомому профессору Института корпуса горных инженеров, который как раз в тот год был преобразован в горный институт.

По новому уставу институт становился открытым учебным заведением. Специальные предметы делились на два разряда: горный и заводский. Во время каникул учащиеся обязаны были выполнять практические работы на рудниках и заводах... Вам не скучно, Владимир Николаевич?

— Наоборот, очень интересно. Вы ведь почти о наших местах рассказываете.

— Так вот, управляющий, судя по всему, был человеком умным и дальновидным. Он учел реформу в подготовке горных инженеров и хотел, видно, иметь на одном из медеплавильных заводов не случайного, а своего человека. Конечно, не могло быть и речи, чтобы сразу зачислить Кирилла в институт. По совету профессора он год, как проклятый, готовился к вступительным экзаменам. Выдержал, поступил, а потом пять лет учился. С остервенением, на хлеб зарабатывал погрузкой на невских пристанях, а затем и репетиторством, благо бестолковых сынков у петербургских бар и купцов было предостаточно. Каждое лето ездил к себе в Завод, где выполнял практические работы.

Закончив курс с отличием, дед, напутствуемый добрым словом профессора (тот даже денег ему дал без расписки на обзаведение), вернулся на уральские заводы. Было то ровно сто лет назад. Вырос впоследствии дед до управляющего заводом. Умер незадолго до революции. Отец мой, Аркадий Кириллович, естественно, тоже закончил горный институт. Служил на заводах. Его приметили и как опытного специалиста-организатора пригласили в Петербург. Здесь он дослужился до штатского генерала — вышел в действительные статские советники.

Мы, сестра моя Лиза и я, воспитывались уже в Петербурге, жили на Каменноостровском. Но почти каждое лето ездили в Завод, там у нас был небольшой дом.

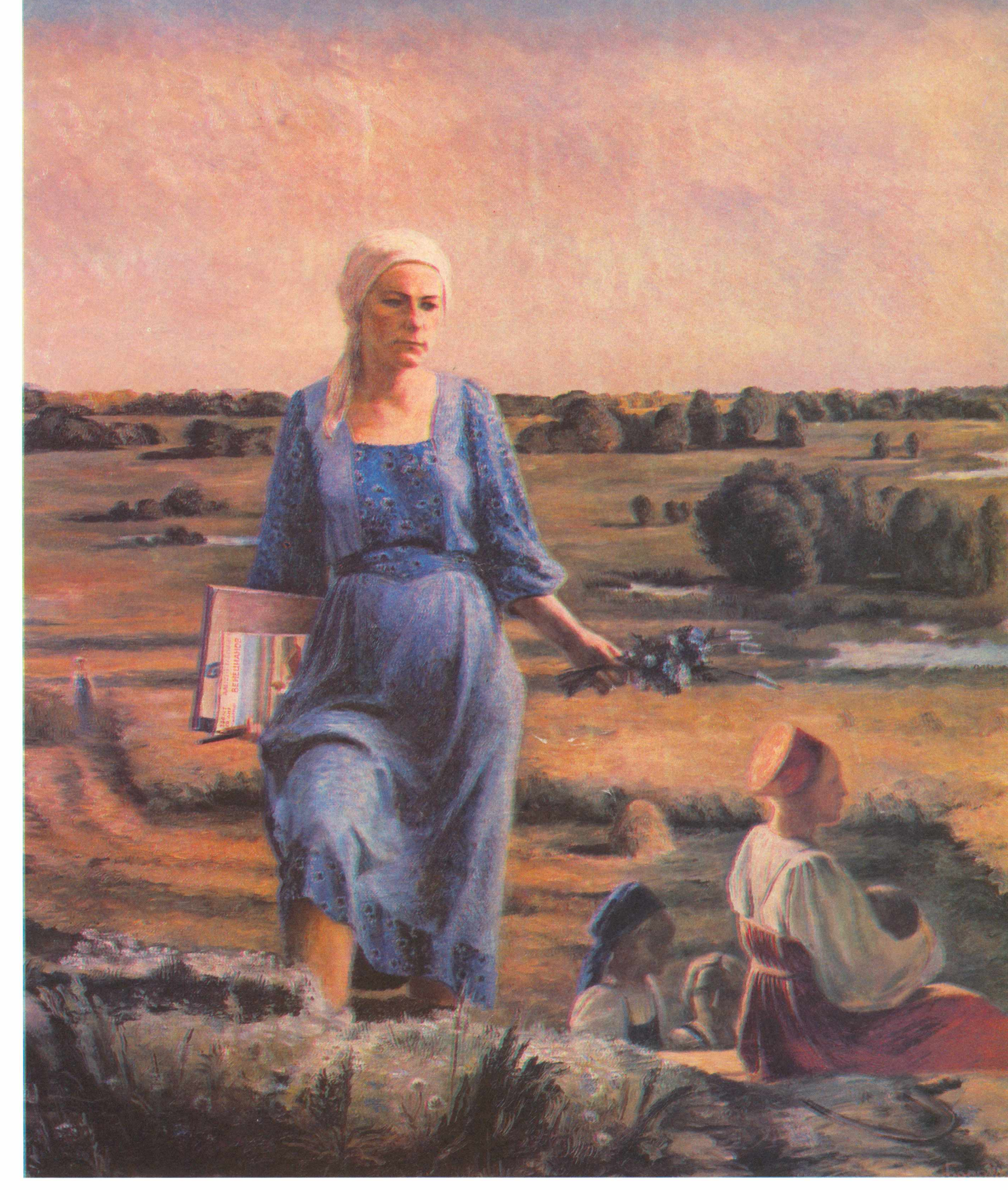
Перед Февральской революцией Лиза вышла замуж за обрусевшего шведа. Он был богат. На Карельском перешейке имел довольно крупные лесные угодья. Муж Лизы, его фамилия Дальберг, окончил Петербургский лесной институт, теперь это, вы знаете, Лесотехническая академия. Когда Свен еще ходил в женихах, я, тогда мальчишка, гостил у него в Териоках. В сороковом году Дальберг умер. После финской войны Лиза потеряла свое состояние и переехала в Хельсинки, а оттуда в другую страну. К счастью, родители наши до этого уже не дожили. Отцу и так трудно пришлось — сначала отвечал за свое генеральское звание, а потом за дочь, оказавшуюся за границей... А знаете, какие слова были всю жизнь девизом отца? Из первого устава горного института: «Усердие к услуге отечеству и к пользе оного любовь».

— Умели пращуры одной фразой все сказать,— заметил Ермолин, а про себя повторил слова девиза, чтобы потом, уже дома, записать их на память в специальную тетрадь.

— Умели...

— А как ваша жизнь сложилась, Сергей Аркадьевич?

— Ничего особенного. Семью нашу уплотнили, было в те годы такое понятие. Отец работал как специалист на заводе. Я учился в школе, не закончил, пошел на Путиловский. Потом рабфак, политехнический институт. Но это уже не так интересно. Впрочем, кое-что было... Могу похвастаться, Владимир Николаевич, уважаемый, что я был, наверное, единственным красноармейцем, который, начав войну рядовым, закончил ее полковником. Вот так! — И Сергей Аркадьевич совершенно не-

Г. Бородай. 1949—1980. ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА А. Г. ВЕНЕЦИАНОВА. 1979—1980

Н. Мешков. Род. 1954. ОЛЬСТЕР. НИКАКИХ БЕСПОРЯДКОВ. 1982

ожиданно и как-то даже залихватски подмигнул Ермолину: знай, мол, наших!

— Да ну?! — изумился Ермолин.

— Война застала меня в Ленинграде, воинского звания я не имел, поэтому, когда заявился в военкомат записываться в добровольцы, определили меня рядовым необученным. Ну, подучили нас чуток, был такой «Курс молодого бойца», направили в действующую армию. Воевать пришлось мне, правда, всего восемь месяцев, на Калининском фронте. Оттого, должно быть, люблю больше всего из литературы о войне стихотворение Александра Трифоновича «Я убит подо Ржевом». А потом вышел приказ: всех ученых из народного ополчения и вообще из армии отозвать. Что к чему, я тогда не знал, но летом сорок второго года очутился в Москве в распоряжении Московской военной комендатуры.

Осокин заливисто рассмеялся, вспомнив что-то веселое.

— Там такой случай произошел. Мы примерно месяц несли службу в комендантских патрулях. Уголовных элементов вылавливали, мазуриков разных. Так вот, сижу я как-то в комендатуре, отдыхаю и гоняю в шахматы со своим командиром сержантом Войцеховским, до войны он был в Харькове профессором неорганической химии. И вдруг слышим раздраженный голос: «Сержант, ну кто же так ходит?» А надо сказать, что у Войцеховского была крепкая вторая категория, у меня тоже. Ну, Виктор Андреевич и отвечает с некоторым сарказмом, не поднимая головы: «А как, по-вашему, надо ходить?» «А вот как...» Гляжу, чья-то рука хлоп ладьей Войцеховского, да по самому моему больному месту. Поднял очи: батюшки-светы! Сам военный комендант столицы, знаменитый генерал-пограничник Кузьма Синилов! Мы с ним, должно быть, с час играли...

Ну, а через два дня вызывают меня и еще несколько бойцов из нашей команды к одному из наркомов, ведавших военной промышленностью. Я его и сейчас иногда встречаю. Талантливый человек. Тогда ему немногим за тридцать было. В то время руководителям оборонных предприятий присваивались воинские звания. Вот так и случилось, что вошел я в кабинет наркома рядовым бойцом, а вышел главным специалистом одного военного завода с двумя «шпалами». Через полтора года был уже полковником, папаху получил, ее только-только ввели. Впрочем, я что-то уж очень разговорился, а чай давно остыл.

Невзирая на протесты Ермолина, Осокин ушел на кухню и вскоре вернулся оттуда с горячим чайником и новой порцией пирожков.

Так они и пили чай с пирожками, мирно, в тепле и уюте, можно сказать, безмятежно.

После небольшой паузы, во время которой Ермолин размышлял, как ему потактичнее перейти ко второй половине беседы, Осокин вдруг задал встречный вопрос сам:

— А ведь то, что мы с вами земляки, уважаемый Владимир Николаевич, облегчает вашу задачу в нашем разговоре. Не так ли?

Ермолин засмеялся.

— Откровенно говоря, вы правы, Сергей Аркадьевич.

— Так спрашивайте, не стесняйтесь. Что вас интересует? Почему — не спрашиваю.

— А я отвечу. Вы и ваш институт ведете очень важную разработку. Мы обязаны обеспечить сохранность полученных вами результатов от, скажем мягко, нескромных взглядов.

— А что, нами уже интересуются там? — Осокин заметно оживился и даже подтянул свое кресло ближе к собеседнику.

— Есть некоторые основания полагать, что даже очень интересуются. И нам, чекистам, чтобы выполнить свою задачу наилучшим образом, нужно понять суть того дела, которым занимаетесь вы.

— Понимаю вас...

— Тогда позвольте задать вопрос. Если ваша разработка, допустим, сегодня попадет в чужие руки, это много даст им?

— Нет, не много.

— Как так? — удивился Ермолин.

— Вы ели в детстве гурьевскую кашу?

— И с большим удовольствием.

— Но сами, видимо, не варили?

— Нет, не приходилось.

— Это же так просто. Берется вода, пшено, рис, сахар, изюм, соль, масло. И все варится. Только у одной хозяйки получается объедение, а у другой сладкая размазня. Мы, металлурги, те же кашевары. У одних получается, у других нет.

— Значит?..

— Мы должны получить сплав, обладающий определенными свойствами. Он и сейчас нам нужен, но особенно остро понадобится через несколько лет, когда подойдет рассчитанная на него новая техника, которую создают сейчас наши конструкторы. Не скрою от вас, что для обороны страны нашей все это очень важно. Поэтому в известном смысле наш «орех» можно назвать сплавом будущего. Этот «орех» должен обладать рядом уникальных и труднодоступных свойств. О том, какими должны быть эти свойства, общеизвестно, о них недавно писалось в центральной прессе. Говорится о них даже вон в том пятом томе Детской энциклопедии. Извините, я отвлек вас от темы.

— Наоборот, Сергей Аркадьевич. Исходя из этого, следовательно, можно утвердительно сказать, что на Западе тоже работают над созданием подобных сплавов, не так ли?

— Конечно, и для тех же целей. Но те результаты, которых достигла моя лаборатория, им мало что дадут, хотя мы, как полагаю, их здорово опередили. Они не могут знать главного — хода мыслей моих, следовательно, хода дальнейшего, завершающего этапа исследований. Это как с гурьевской кашей: мало знать компоненты, нужно умение, а это и есть секрет хорошей хозяйки. Я не спешил в своей работе, но сроки экспериментов, исследований, словом, ритм, выдерживал.

— Следовательно...

— Следовательно, через полгода задание будет выполнено. Выполнено именно тогда, когда требуется, а не рапорта победного ради, лишь бы «досрочно», а потом год доделывай. Заводы смогут спокойно, без гонки приступить к качественному налаживанию производственного процесса. Так что главные наши секреты еще впереди.

Ермолин получил ответ на вопрос, волновавший его более всего. Значит, еще не поздно! Однако в последней реплике Осокина что-то насторожило его. Это невысказанное «что-то» следовало немедленно прояснить.

— Простите, Сергей Аркадьевич, но вы сделали определенный акцент на слове «наши». Это случайно?

— Нет, не случайно.

— Как вас понимать?

— Мой заместитель, профессор Корицкий, идя собственным путем, уже нашел свое решение.

Ермолин был неприятно удивлен. Вот те раз!

— Он сделал «орех»?

— В некотором смысле да, сделал.

— Что значит «в некотором смысле»?

— Видите ли... Михаил Семенович — мой ученик, талантливый и честолюбивый человек. Последнее качество в его характере содержится, как бы это выразиться поделикатнее, в количестве, превышающем норму. Отсюда нетерпеливость, стремление завершить работу любой ценой.

— Но все-таки он ее завершил!

— А «орех» получился неполновесным! Вы же знаете, что отличить хороший орех от пустого по внешнему виду нельзя, нужно обязательно расколоть. По счастью для Михаила Семеновича, его творение в настоящие щипцы еще никто не закладывал.

— Чем же плох сплав?

— Он вовсе не плох по идее. Но в дело его пускать в нынешнем виде нельзя.

— Почему?

— Прежде всего тем требованиям, которые были поставлены, он отвечает, можно сказать, только формально, и только сегодня. А если завтра требования практики окажутся более жесткими? Сплав полетит, запаса прочности на будущее у него нет. Есть и другие недостатки, но это уже очень специальные вопросы.

— А можно этот сплав довести до кондиции?

— Можно. Только на это уйдет лет пять. Но тогда он будет попросту никому не нужен. Техника уйдет вперед, и ей потребуются иные материалы. Уйдет чисто теоретически, из этого несуществующего сплава она как раз и должна быть изготовлена. Значит, будет ждать, то есть отставать. А это немыслимо. Вы же понимаете, о какой технике в первую голову идет речь.

Ермолин задумался. Какая-то смутная идея начала вырисовываться. Или этого ему только очень хотелось?

— Скажите, Сергей Аркадьевич, недостатки «ореха» Корицкого, о которых вы мне рассказывали, очевидны?

— В том-то и дело, что нет! — Осокин разволновался.— Я-то знаю, потому что сам в проблему влез по уши, а кое для кого в министерстве разработка Корицкого весьма привлекательна. Ну как же, можно рапортовать, в фанфары дуть! А я старый рутинер и тугодум. Хорошо еще, что министр мне верит и поддерживает.

Последние фразы ученого вселили в Ермолина определенную надежду. Кажется, Осокин, именно он, и никто другой, сам подсказывает ему нужное решение.

— Позвольте, Сергей Аркадьевич, мне для себя уточнить вашу мысль. Корицкий разработал технологию производства сплава, очень нужного нашей технике сегодня и еще, возможно, несколько лет. Кроме того, сплав Корицкого, назовем его так, несмотря на некоторые достоинства, не свободен и сейчас от серьезных недостатков. Иначе говоря, он не имеет перспективы.

— Именно так.

— Обнаружить недостатки сплава Корицкого можно будет только со временем, точнее, они сами обнаружат себя. Сегодня правильный диагноз его «заболевания» могут поставить лишь немногие. У нас в Союзе это вы. А за рубежом?

— Сразу — никто. Даже самым уважаемым моим коллегам на это потребуется время. Они, конечно, быстро схватят идею сплава, она, не скрою, привлекательна. Ею можно увлечься. А увлечение, тем более влюбленность, как вы знаете, проходит только со временем. И то не всегда.

— Таким образом...

— Таким образом,— дрогнувшим голосом быстро проговорил Осокин,— пусть американцы (полагаю, речь идет о них) влюбляются в идею Корицкого, тратят на это время и деньги. Главным образом время. Старая формула «время — деньги» канула в прошлое. Сейчас они сами говорят, что «время — это время». Правильно я понял вас, Владимир Николаевич? — неожиданно закончил вопросом Осокин.

Ермолин вздохнул.

— Правильно, Сергей Аркадьевич...

Осокин встал, потом снова сел, передвинул зачем-то пустую чашку на столике.

— Как это произошло? — глухо спросил он.— И какова в этом роль Михаила Семеновича?

— Вы не обидетесь, Сергей Аркадьевич, если на оба вопроса я вам отвечу позже? Когда и сам буду знать больше. О главном вы все равно догадались...

Осокин только вяло махнул рукой.

Ермолин встал.

— Позвольте откланяться... Не долее чем завтра я, с вашего позволения, навещу вас еще раз. Очень серьезная консультация потребуется. Ну и поговорим обо всем.

— Жду,— коротко ответил Осокин.

Уже в дверях Ермолин сказал:

— Иван Никитович Петров просил передать вам самый сердечный привет и добрые пожелания успехов в важных ваших делах.

Глаза Осокина по-прежнему оставались серьезными, даже немного печальными.

— Вот и славно... Иван Никитович был моим первым учителем в том, как беречь государственные секреты. Он на пенсии, наверное? Большой, большой ему привет и за все искреннее спасибо...

Через три дня, в четверг, в семь часов десять минут вечера, Михаил Семенович Корицкий подходил со стороны Метростроевской улицы к Провиантским складам. В руке он держал завернутый в газету сверток. Еще издали Корицкий разглядел на углу фигуру человека в демисезонном пальто, тоже с газетным свертком в левой руке.

Конец.

СЛУЖБА ХЛЕБА

К. БАРЫКИН

Возвращаясь к теме, напомним суть проблемы, которой были посвящены прежние публикации «Огонька»: черствый хлеб не редкость на магазинной полке. А такой хлеб не съедается без остатка. И летят в бачки для отходов увесистые ломти. Выбрасывается хлеб... Прошло два года после опубликования репортажа «Черствое отношение к свежему хлебу» («Огонек» № 16, 1980). Отметим: несвежего хлеба в булочных стало меньше. Но он все же есть! И тонны хлеба по-прежнему попадают в отходы. Может, проблема неразрешима? Повременим, не будем торопиться с такими выводами...

Отлично помню эту булочную: бойко и красиво торговала она кренделями, плетенками, ватрушками, калачами... Многие москвичи захаживали в этот хлебный магазин — на углу улицы Кирова и бульварного кольца, в ста шагах от станции метро. Хлеб был тут не просто свежий, а свежайший. Вкуса отменного, а ароматный настолько...

На любой вкус были хлебы. Недавно я получил тому объяснение: была при этой булочной — сразу за ней, чуть в глубине — своя пекарня. Работал здесь Павел Ефимович Сивачев, один из лучших московских пекарей, мастер высочайшего класса.

Не случайно я начал разговор с «маловесной» выпечки. Небольшая плетенка, «халой» такую прежде называли, алтайский рожок, «выборгская» мелочь, витушка, кунцевская булочка очень вкусны, да и невелики. Взял такую на обед или к завтраку — ни крошки не останется. Перероите хоть все бачки для отходов: горбушки батонов найдете, чуть ли не половинки ржаных буханок — тоже, а вот недоеденную булочку, гарантирую, не увидите.

Когда подсчитали расход муки, идущей, по сути дела, на выброс, так как уходит эта мука на зачерствевшие горбушки и половинки буханок, цифры получились такими, что экономисты за голову схватились: как это раньше-то не усмотрели? Вроде бы граммы, а набегают тонны и десятки тонн понапрасну выращенного и выпеченного хлеба. Прикинули, и по всему выходило, что завышен вес буханок. Не нужны килограммовые. «Кирпичик» ржаного на сто граммов меньше — уже благо. Стали переводить заводы на такую выпечку. Сейчас хлебопекарные предприятия одно за другим осваивают полегчавшие караваи.

И все же это караваи. Самую же выгодную — экономически и потребительски — и популярную выпечку, «маловесную», на заводе-гиганте делать просто нерентабельно. Печи огромные, им подавай хлеб большой, а не калачи. Они для индустриального хлебозавода то же самое, что бричка на конвейере современного автозавода. Конечно, можно сделать, но влетит в копеечку. И в мыслях не подвергаю сомнению эффективность заводов-автоматов: практика доказала, что только они могут накормить страну хлебом. Но кто и когда сказал, что небольшая пекаренка — помеха хлебозаводу, или наоборот? Два-три пекаря (в том числе и пенсионеры) катают небольшие хлебы, ставят их в печь и посылают свою вкусную продукцию в ближайший (за стеной!) магазин. Во многих европейских столицах стали сейчас ставить рядом с супермаркетами пекарни. Утверждают, рентабельны. Вспоминаю пекарню в самом центре Праги — она при булочной и дает хлеб ручной выпечки. Не было еще случая, чтобы остался он нераскупленным и несъеденным.

Говорил со специалистами — пекарня, по их мнению, не повернет хлебную индустрию вспять. Она позволит лишь сохранить мастерство пекарей, которого, скажем прямо, поубавилось, когда дело передоверили только машине-автомату...

Московские пекари не спешили ломать пекарни, когда началось строительство больших хлебозаводов. Но город развивается, вот и той пекарни, с которой начал я свой рассказ, уже нет — прокладывается тут Новокировский проспект. Да и новых районов много — булочные есть всюду, пекарен же очень мало. Сейчас в Москве десять фирменных булочных, еще несколько построят до конца года, и предполагается, что будет в столице около 25 таких хлебных магазинов. Полагаю, что они окажутся на особом счету у покупателя. Если, конечно, будет в них достойный товар. И вот тут-то свои пекарни тем более нужны.

...Беседовал с экономистами: пекарня вовсе не противоречит требованию нашего времени — экономике быть экономной. Более того, позаимствовав кое-что у заводов, она может быть освобождена от тяжелого труда. Здесь применимо и бестарное хранение муки и небольшие тестомесильные агрегаты, жидкие закваски. К тому же при складывающейся демографической ситуации пекарня может пригласить пенсионера-пекаря, здесь не будет того напряженного ритма, что характерен для заводского конвейера.

Конечно, придется многое восстанавливать, собирать по крупицам — делать это надо не откладывая, пока живы старые мастера, пока не забылся напрочь опыт русских пекарей, тех же, к примеру, Ивана Максимовича Филиппова, Павла Ефимовича Сивачева, Анны Николаевны Гороховой-Юхневич из Ленинграда, лучших мастеров Ташкента, Риги, Киева, людей, способных передать умение, лучшие традиции мастеров хлебного дела.

Верность традициям нужна и тем, кто торгует хлебом. Они же, между прочим, невнимательны к своей истории — факт, подтвердить который, увы, очень легко. В Москве, на улице Горького, есть булочная, которую старожилы до сих пор называют «филипповской». Знаменитый был хлебный магазин, непохожий на другие. В отделке булочной и соседнего с ней ресторана участвовали совсем тогда молодые П. Кончаловский и С. Коненков. Торговала булочная широко. Хлебом. И — совсем немного — пирогами: с капустой, с ливером, с грибами. Пекари филипповские славились. Не только мастерством, но и боевым своим духом. Мемориальная доска на булочной подтверждает: участвовали они в революции 1905 года; не задумывались, по какую сторону баррикад встать им и в 1917-м. Надо бы сохранить булочную такой, какой была. Но вот начали реставрацию, и все с ног на голову поставили. В некогда большом хлебном зале теперь идет «сладкая» торговля — торты, пряники, пирожные, кексы и кофе со сдобной выпечкой. Хлеб потеснили, оставили ему небольшой закуток, да и ассортимент поубавился — площадь торговая мала. «Такой магазин, как филипповская булочная, потерял лицо хлебного магазина, превратился на три четверти в кондитерский»,— отмечает в одном из документов заместитель министра пищевой промышленности СССР Т. М. Селиванова.

Говорю обо всем этом с руководителем Мосхлебторга З. В. Белоусовой, а она, едва дослушав, отвечает: «Претензий от покупателей мы не получали». Традиции? В план товарооборота они не входят. И не возразишь: на разных языках говорим. Вообще конфетам в булочных стало вольготно: всюду ими приторговывают, получая немалую выручку. Пока-то наберешь булочками по семь—десять копеек положенную планом сотню-вторую. А тут кулечки с трюфелями, и вся недолга. Всего забот — получить эти трюфели или «мишки» с базы.

Во многие двери стучался, пытаясь доказать неправомерность преобладания в булочных шоколадно-кондитерского товара над хлебным. Перечитал кипу документов, писем. И не нашел там ни социального, ни экономического оправдания сложившейся практики. З. В. Белоусова утверждает: «Что касается раздельной продажи хлеба и кондитерских изделий, обеспечение торговых предприятий свежим хлебом является проблемным, поскольку выработка хлебных изделий будет производиться круглосуточно, и при систематических опозданиях в подаче транспорта хлебозаводы будут опаздывать с доставкой хлеба в магазины». Не очень понятно? Мне тоже... «Кондитерские изделия завозят три-четыре раза в месяц (значит, втолковывают мне, непонятливому, они не обременительны. — **К. Б.**), хлеб же доставляют ежедневно, в крупные магазины до 12—15 машиноездок»,— пишет начальник главка Минторга СССР Е. А. Клинков. Мнение Минторга РСФСР? Заместитель министра А. Н. Сергиенко: «Кондитерские изделия завозятся централизованно по графику — один—три раза в месяц (а не слишком ли это редко? — **К. Б.**) и практически не требуют частого отвлечения работников торговли для работы с ними».

Да не об этом же речь, уважаемые товарищи! В товарообороте перекос — вот в чем суть. Хлебный магазин имеет на «сладком» товаре две трети, а то и три четверти всей выручки. А будь у магазина (а еще лучше — Дома хлеба) своя пекарня, не могла бы она посылать так много тортов и пирожных... И еще один довод: пекарни сулят ощутимую экономию хлебных ресурсов. Как уже говорилось, но повториться тут нелишне. И не только потому экономию, что будут давать хлеб малого развеса, не оставляющий кусков и довесков. Потому еще, что недолог путь от печи до прилавка: десять — двадцать, ну, сто метров. Значит, сразу из печи, после отведенного технологией времени, хлеб попадает к покупателю.

Тут и прямая экономия на перевозках — отпадет нужда в автомобилях. Перестанут торговцы бранить шоферов, которые стали так неточны и необязательны. Повысится ответственность пекарей — ведь рядом они, можно даже без телефона обойтись, когда спросить с них надо. И, может, поутихнет междоусобица водителей и торговцев, которая год от года нарастает и, похоже, уже превратилась в затяжную, нелепую ссору, от которой больше всего страдают хлеб и его покупатели. По-разному проявляется эта междоусобица, на разных «фронтах» идет она. Не раз беседовал с Зинаидой Васильевной Белоусовой. Едва начинал говорить ей о том, что торгуют черствым хлебом, она тут же брала со стола страничку, на которой чья-то аккуратная рука уже заполнила графу «Опоздания транспорта».

— Взгляните!—искренне и справедливо возмущалась Зинаида Васильевна.— Десятки ежедневных опозданий. Нормой стал срыв графика.

Посмотрел табличку, и в глазах зарябило от многозначных цифр.

«Автотранспорт не может быть источником возникновения черствого хлеба»,— утверждают транспортники (это я цитирую письмо, полученное редакцией от заместителя начальника Главмосавтотранса Г. Н. Пасечника). И объясняют почему: «Сроки доставки хлеба автотранспортом в любой район города несопоставимо малы по сравнению со сроками его реализации».

Резонно? Вроде бы. И тем не менее резонны и многочисленные — вполне обоснованные! — претензии торговли к транспорту. Нарушают договоры, срывают графики.

— Не научились магазины при-

нимать хлеб,— пытаются парировать транспортники.

Чтобы как-то разобраться, позвонил руководителям Мосхлебтранса и предложил такой вариант: два-три дня поезжу рядом с водителем-экспедитором, будем вместе **сдавать** хлеб магазинам и **булочным**.

— Нет проблем! — сказал заместитель начальника Владимир Павлович Дубровский.— Завтра можете начать эксперимент?..

Но назавтра что-то им помешало, и мне никто не позвонил. Не позвонили и послезавтра и через неделю. Когда прошел месяц, я зашел к первому заместителю начальника Главмосавтотранса В. Т. Куроптеву. И все ему рассказал. Он тут же распорядился. И через... месяц мне позвонил уже не заместитель, а тогдашний начальник Мосхлебтранса С. С. Степаненков. «Дам указание Дубровскому, и — в дорогу. Правильно вы делаете, очень мы намучились с булочными».

Прошел еще месяц. Так никто обо мне и не вспомнил. Но мне уже и не хотелось звонить, слушать транспортный вариант сказки про белого бычка. Не трудно предположить, как относятся к бессловесному хлебу транспортники, если они так отреагировали на просьбу корреспондента и прямое указание своего руководства.

Спорящие, обвиняющие друг друга транспорт и торговля — два угла треугольника, в который попал ныне хлеб. А танцевать-то надо «от печки», от хлебопекарной промышленности. Воюя друг с другом, торговцы и транспортники не забывают поругивать и промышленность. Утверждают: хлеб бывает некачественный, его не отбраковывают на заводах, везут в магазины. А смятую буханку на прилавок не положишь, приходится ее возвращать. Вот и прогон автомобиля в два конца; туда и оттуда, с завода и снова на завод.

«Может, оставить споры и подумать о том, как помочь хлебу?» — спросил я однажды специалистов. И я начал говорить о фирме, которая объединила бы хлебное производство, транспорт, торговлю.

Объединила в — Службу хлеба. Два-три крупных хлебозавода, у них свой транспорт и свои фирменные булочные. А пекарня по соседству с булочной — пусть и небольшая, но уже готовая ячейка Службы хлеба.

Все усилия такой службы направить не на выяснение отношений, а на то, чтобы хорошо испечь хлеб, тут же его подать на прилавок и красиво, с уважением к хлебу и к покупателю продать. Мои собеседники на минуту задумались. «А кто будет во главе фирмы?» — спросил кто-то. И я понял, что у некоторых товарищей главная забота все же не о хлебе, а о своем положении около хлеба. А хлеб щепетилен. Он такого отношения не допускает. Вот и продолжает действовать разобщенный хлебный конвейер. Сбои следуют один за другим. Прилавки нередко заполнены черствым и черствеющим хлебом. Контейнерные перевозки внедряются медленно, нерешительно. Да и кому ими заниматься? «Даже если будут контейнеры, булочные их не примут»,— сетуют шоферы.

Идет спор — долгий, тягостный. Спорят о хлебе. Несмотря на то, что нет ничего бесспорнее, чем хлеб...

Группа писателей, участников Некрасовского праздника поэзии в Карабихе.

Фото И. Чиркова

БЛАГОРОДНАЯ ТРАДИЦИЯ

Прошел пятый Всесоюзный некрасовский праздник поэзии. Истинно — праздник, и действительно — поэзии, и именно — некрасовской.

Подобно тому, как Пушкин положил начало русской поэзии, Пушкинские праздники уже в наше время положили начало дням поэзии и Тютчева, и Фета, и Блока... И Некрасова. И сейчас Некрасовские праздники поэзии чуть ли не уравнялись с Пушкинскими по размаху проведения, по общему к ним вниманию, по тому, сколь обильны они народом.

Дело, конечно, и в том, что праздник проводился на ярославской земле, где материально и зримо закреплен и храним образ поэта: в его доме, и в парке, и в мебели, и в книгах. Не случайно многие приехавшие литераторы вздыхали, одобряя ярославцев и завидуя: вот так бы и с Фетом (хоть что-нибудь), и с Блоком (давно пора), и с Жуковским (скоро 200-летний юбилей). Любви ярославцев к великому земляку и бережной к нему памяти и усилиям по ее охране пристало бы следовать многим.

Торжества открылись речью первого секретаря областного комитета партии Ф. И. Лощенкова. Многие из московских гостей принимали праздник как свой не только с его поэтической стороны, а как земляки поэта: и Алексей Сурков, и Лев Ошанин, и Владимир Жуков... Но как о земляке говорили о Некрасове и читали стихи украинские поэты Юрий Сердюк и уж тем более Нина Гнатюк с Винничины: ведь Некрасов родился в винницких местах. Чувашский поэт из Чебоксар Лукин удовлетворенно напомнил, что они с Некрасовым оба волжане — волгари. А белорус Н. Аврамчик присоединил к стихам дар Белоруссии музею Некрасова — портрет недавнего юбиляра Янки Купалы, поэта народного некрасовского склада.

И невольно думаешь о том, что великая поэзия велика и потому, что она всегда средство и почва великого человеческого единения.

Сейчас часто принято говорить о творческих отчетах. По сути, такой праздник и есть отчет поэта перед своими читателями-потомками: что из его поэзии сохранилось, почему она дорога, чем живет. А некрасовская поэзия сейчас живет прежде всего началами человеческого сочувствия, сопереживания, солидарности. Ведь именно на такой солидарности в конце концов зиждется и знаменитая некрасовская народность.

Когда-то Некрасов, восхищаясь, как умеет слушать «своих захожих странников крестьянская семья», писал:

Такая почва добрая —
Душа народа русского...

Нельзя было не видеть, как чутко и благодарно, как хорошо слушали на празднике поэзию. И на предприятиях Переславля-Залесского, где 8 июля (конечно, с хлеба-соли) начались торжества, и на заводах самого Ярославля, на которые разъехались писательские группы, и на поле главного праздника.

И еще одно. Некрасовский праздник потребовал и особого сопровождения. Не было одуряющих ритмов и ошеломляющих завываний. А были книжные, как раньше говорили, развалы. Были фольклорные ансамбли, и старые хоры, и народные пляски. И все это смотрелось, слушалось и принималось: хорошая традиция русской песни и русского слова, русского искусства. Благородная традиция Некрасовского праздника поэзии.

Николай СКАТОВ,
член Всесоюзного комитета по проведению Некрасовского праздника поэзии, доктор филологических наук

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

С годами все чаще обращается художник к началу своего творческого пути, к его первоистокам. В книгах «Целебное слово» и «День добра» народный поэт Дагестана Фазу Алиева воспевает родной аул, свое детство, те далекие времена, когда она начала постигать жизнь, первые мгновения творчества. Основой для создания этих произведений стала жизнь маленького аварского аула в годы Великой Отечественной войны. Ф. Алиева раскрывает сложный духовный мир своих земляков, рисует национальный быт горцев, их радости и печали.

Главное место в поэме «Целебное слово» отведено «доброму пахарю, старому горцу», народному мудрецу Атанасу-дада. Он знает, «какого цвета ветер», и объясняет девочке Фазу, что научиться разговаривать с ветром можно, только если «...навеки эти горы полюбить и реки, эту землю...».

Архитектоника поэмы сложна: тут и рассказ в рассказе, и монологи, и народные песни, естественно вплетенные в ткань повествования и придающие поэме яркий национальный колорит.

С героиней автобиографической поэмы мы снова встречаемся на страницах романа, а образ старого горца Атанаса-дада как бы распадается на несколько образов мудрых аульчан (это и бабушка героини, и дед Тажудин, тоже пахарь и собиратель трав, и учитель Алексей Петрович, и многие другие персонажи романа). Добрым советом, теплым словом старики помогают подросткам вынести недетские тяготы военного времени. В суровые годы аварский аул живет одной дружной семьей. Как своему, радуются все чужому счастью, сердце каждого ранит чужое горе. «Мир тем и хорош, что гораздо больше хороших, добрых людей, чем плохих. Каждая звезда — это и есть хороший человек, сумевший зажечь вечным светом черную точку, что при рождении его появилась в небе»,— так бабушка юной героини романа делится с внучкой своими раздумьями о жизни. Как говорится, чем больше человек делает добра, тем дальше от него будет дорога беды.

Главное, что связывает две книги Ф. Алиевой,— желание, чтобы не кончался светлый день добра, чтобы люди жили на земле одной семьей, радовались общими радостями и тревожились общими тревогами. Автор призывает: «как подарок прими эту жизнь, каждый миг ее благословляя», ведь жизнь дарит так много «радостью обильных яблочных годов».

Обращение с людьми для Фазу Алиевой радость, источник вдохновения. Наверное, поэтому определяющей стихией ее поэтического творчества стала стихия народной жизни. И все яркое, талантливое, доброе в стихах поэтессы — из знаний людских забот, их тревог и радостей. Этой тесной связи с родной землей посвящены многие стихи в сборнике.

Колосья, что склонились над
землей,
не оттого ль вы легкость обрели,
что ваши зерна мыслью
и строкой
в моей душе надежно проросли?..

Как долог день, и как нелегок
путь.
В шипах и рвах тропинка
на Парнас.
Но все же обещаю я вернуть,
стократ вернуть, о да, стократ
вернуть
все, что для песни забрала
у вас.

Стихи о любви, включенные в книгу, разные по настроению и сюжетной канве, но в каждом из них звучит поэтичный и женственный голос лирической героини. Тут нет накала страстей, бурной эмоциональности, строчки пронизают гордым спокойствием, уверенностью в силе любви:

Не требуя ни клятв,
ни обещаний,
В тебя поверив сразу,
до конца,
В твои ладони с первых же
свиданий
Я сердце положила, как птенца.

Вплетая свою жизнь, свою судьбу в судьбу своего народа, Ф. Алиева не жалеет дарить людям добрые, искренние слова, ведь «слово лечит и роднит людей». Недаром клятвенно твердо она заявляет: «Я ответственна перед всем миром за каждую строку».

Фазу Алиева. Целебное слово. М., «Советский писатель», 1981. 192 стр.

Фазу Алиева. День добра. М., «Молодая гвардия», 1982, 384 стр.

Людмила МЕДВЕДЕВА

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ПОДВИГУ

Герой Советского Союза П. И. Чепинога.

Заседание военно-патриотического клуба «Сын героя» проходило под девизом «Первый день мира». Организаторам хотелось подробнее рассказать детям, как жила страна в мае 1945 года. В качестве иллюстрации к рассказам ветеранов войны и труда решили использовать первый послевоенный номер журнала «Огонек», датированный 13 мая 1945 года. С обложки ребятам улыбался известный всей стране летчик трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб.

Каждому хотелось подержать в руках этот исторический номер журнала. Чтоб не было никому обидно, решили по очереди читать вслух материалы, опубликованные под рубрикой «Дела и люди Советской страны».

Центральное место в рубрике занимал снимок еще одного летчика. Подпись гласила: «Летчик-истребитель Герой Советского Союза гвардии капитан П. И. Чепинога. На его самолете нарисованы 24 звездочки — по числу сбитых им немецких самолетов».

Услышав эти слова, член совета клуба бывший штурман авиаполка П. В. Соколов заволновался.

— Ну-ка, позвольте взглянуть,— попросил он и, надев очки, потянулся к журналу.— Да это же Паша!— воскликнул Петр Владимирович.— Он после войны работал у нас в областном комитете ДОСААФ. Вот это сюрприз!

Ребята хорошо знали имена Героев Советского Союза — своих земляков, но фамилию Чепиноги слышали впервые. Не встречалась она и в сборнике «Люди легендарного подвига», выпущенном несколько лет назад Приволжским книжным издательством.

Петр Владимирович еще раз взглянул на снимок и сказал:

— Самого героя уже нет в живых, но в городе живут его близкие. Попробуем найти и однополчан Павла Иосифовича...

Ребятам помогла вдова героя — Валерия Владиславовна. Она передала ребятам несколько фотографий, а также сообщила адрес проживающего в Куйбышеве Героя Советского Союза В. П. Михалева, который воевал вместе с Чепиногой с осени 1942 года, а их дружба началась на саратовской земле.

Более года шел поиск. И, наконец, ребятам удалось восстановить историю жизни и подвига Павла Иосифовича Чепиноги.

...Кроме Павла, у Матрены Александровны Чепиноги, крестьянки села Ивановка, что на Херсонщине, было еще двенадцать детей. В конце двадцатых годов не было, наверное, в стране мальчишки, который не мечтал бы стать авиатором. Но попробуй поступи в летную школу, когда на областные и краевые советы Осоавиахима выделялось по две путевки, и на каждую претендовало по триста— четыреста человек!

— Ты, Павел, везучий,— завидовали товарищи, когда секретарь райкома комсомола в числе других хлопцев, направляемых по спецнабору ЦК комсомола в военную школу летчиков, назвал его фамилию.

...Первая встреча с врагом у молодого командира произошла... на земле. Зимой сорок первого Павел оказался в расположении стрелкового полка 3-й гвардейской стрелковой дивизии, на позиции которой наступала 6-я танковая армия гитлеровцев. К этому времени П. Чепинога был начальником штаба полка. Обстановка сложилась трудная. Особенно тяжелые бои разгорелись на правом берегу Мышковы, у деревни Васильевки. По нескольку раз в день ходили в контратаки не только пехотинцы, но и все, кто оказался в расположении дивизии.

В мае сорок второго Павел Иосифович был ранен, но спустя год он снова воюет, теперь уже в кабине самолета. Почти ежедневно делаются записи в его летной книжке: множится счет боевых вылетов, воздушных боев, сбитых самолетов. Только за 1943 год он уничтожил четырнадцать фашистских самолетов.

Однажды корреспондент армейской газеты спросил П. Чепиногу, какой день он считает для себя самым счастливым. Летчик улыбнулся: «Для полного счастья мне надо бы еще с десяточек таких деньков, как 6 июля 1943 года».

Этот день был действительно памятным: четыре сбитых самолета.

Октябрь сорок третьего... Гитлеровцы пытаются во что бы то ни стало сорвать форсирование Днепра частями Красной Армии. Сотни фашистских бомбардировщиков повисли над переправами.

Павел Чепинога вылетает на задание в паре с дважды Героем Советского Союза Николаем Гулаевым. Наземная радиостанция передает, что из района Пятихатки к переправе устремилась группа немецких бомбардировщиков. Внезапное появление советских истребителей застает их врасплох. В результате молниеносной атаки два «стервятника» загораются. Тьму прорезают огненные трассы. На земле взрывы — это рвутся бомбы, в панике сброшенные немцами на свои же позиции. Той ночью на вражеский аэродром не вернулись четыре самолета.

Вот что скажет о П. Чепиноге четверть века спустя маршал авиации С. Красовский: «С особым мужеством громили врага летчики-истребители 5-го авиакорпуса П. Чепинога, Н. Китаев, Н. Шутт и многие другие. Павел Иосифович Чепинога провел десятки боев. Его эскадрилью хорошо знали у нас в воздушной армии и доверяли ей выполнение самых ответственных заданий».

Летом сорок четвертого еще один памятный бой, и снова над переправой. В разгар Ясско-Кишиневской операции гитлеровское командование решило массированными ударами с воздуха прорвать линию фронта. Три десятка бомбардировщиков направляются к переправе. Для их прикрытия выделено двадцать новейших истребителей.

Шестерка советских самолетов, ведомая П. И. Чепиногой, взлетает навстречу. Силы не равны, но, разделив шестерку на две группы, Чепинога вступает в бой и с истребителями и с бомбардировщиками.

Дерзкое нападение ошеломляет гитлеровцев. Почти одновременно вспыхивают два «юнкерса». Боевые порядки врага расстроены. Бой идет на нескольких уровнях. Однако преимущество на стороне противника. Внезапно из облаков выныривают несущиеся на помощь отважной шестерке новые самолеты. В наушниках слышны команды Ивана Кожедуба и Николая Гулаева... И немцы не выдерживают натиска.

За умелое руководство сложным боем и проявленные при этом мужество и героизм гвардии капитан Чепинога был награжден полководческим орденом — орденом Суворова III степени. Командиры эскадрилий награждались им редко.

Осенью того же года в Кремле М. И. Калинин вручает Павлу Чепиноге Золотую Звезду Героя Советского Союза.

В братских могилах на городском кладбище Саратова похоронены около шести тысяч защитников Сталинграда, умерших от ран в госпиталях города. Неподалеку — могила П. И. Чепиноги.

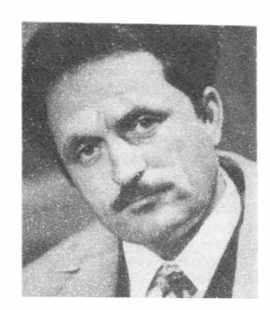
Члены клуба «Сын героя» часто бывают здесь... Так внуки участников войны вписали свою строчку в летопись Великой Отечественной.

В. КАЦ,
председатель совета клуба «Сын героя»

Саратов.

Ярость летних гроз

Музафер ДЗАСОХОВ

МОИМ ОДНОСЕЛЬЧАНАМ

Вдруг вспомнилось — как будто вспыхнул свет —
Пятнадцать лет не брал я в руки вилы,
Плетень не плел уже пятнадцать лет,—
И отчего-то сердце защемило.
Я вспомнил вас, мои односельчане!
Вас, старики с морщинками у глаз,
Вас, девушки... И стало мне печально,
И сладко стало мне, лишь вспомнил вас.
Судьбы клубок — и крепко сердце нитку
Привязывает к колышку плетня,—
И память потому теперь не пытка,
А грустная отрада для меня.
Ристалищ юности во мне осталась сила,
Шубенок детства терпкое тепло,—
Все, что верней молитв меня хранило,
Надежней талисманов берегло.
Но в полдень жизни молодая удаль
Уже не та под грузом всех утрат.
Пылал огонь — спокойно светит уголь.
Кого винить? Никто не виноват.
Спокойным знанием душа окрепла —
В права вступила зрелости пора,
Нет большей тяжести, чем легкость пепла —
Огня усталость, седина костра.
Еще мне грустно, что топор и косы
Давно ржавеют там, на чердаке.
Травою одичания белесой
Зарос мой сад, пока я вдалеке.
Я вас подробней и яснее вижу,
Укрывшихся в полуденной тени,
Соседей наших блещущие крыши,
Ватагу загорелой ребятни.
Я представляю — о, как зримо, живо!—
Что я руками в ледяной воде
Ловлю рыбешек, прыгаю с обрыва,
До ночи забываю о еде.
...Судьбы не обмануть! Но все, что было,
Вдруг вспомнилось — как будто вспыхнул свет.
Пятнадцать лет не брал я в руки вилы,
Плетня не плел уже пятнадцать лет.

ЛОЖНАЯ ИСТИНА

Фатиме

«За годом год уносит время
Все больше сил и красоты».
Я ложным истинам не верю!
Прошу тебя, не верь и ты.
Жар молодости, блеск и силы —
Нет, не исчезли навсегда.
Ты любишь ныне — как любила,
И ты любима — как тогда.
Глазами сыновей подросших
Сияет свет в твоей судьбе.
А прорицатель истин ложных
Пусть позавидует тебе!

Перевел с осетинского А. Медведев.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Тучи — словно дым, гроза — как бой:
Гром грохочет, молнии сверкнули,
И летят стремительно, как пули,
Капли теплой влаги дождевой.
Небо лупит по горам шрапнелью,
Ветер атакует облака.
Выплеснулась, вздувшись, из ущелья
Мутная кипящая река.
Вихрь, потоп... Но вот над летней ширью
Выглянуло солнце. Кончен бой.
Словно заключили перемирье
Небо и земля между собой.
Веет свежестью с полей зеленых,
Каждый стебель ожил и подрос...
Нет в таких сраженьях побежденных,
Благодатна ярость летних гроз.

Перевел с осетинского Л. Шерешевский.

РОДНОЙ ДЛЯ СЕРДЦА...

Как прекрасно звучит название Института русской литературы — Пушкинский Дом! Рядом с непроизносимыми сокращениями, которыми любят обозначать научные центры, стоит это простое поэтическое имя. Институт получил его в 1907 году, когда утверждалось Положение о вновь созданном учреждении. Вот первые пункты этого документа:

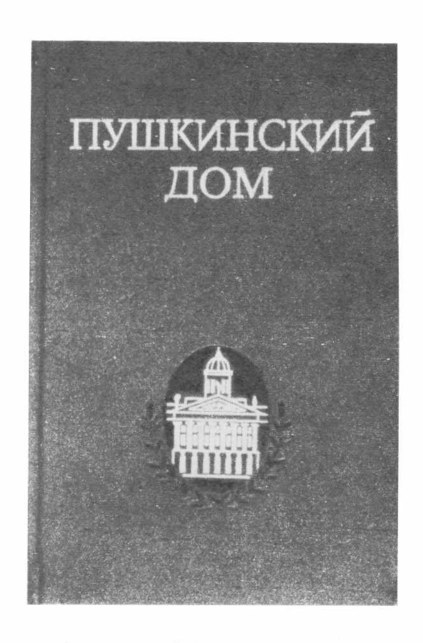
«1. Пушкинский Дом учреждается в благоговейную память о великом Русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине, для собирания всего, что касается Пушкина как писателя и как человека.

2. Пушкинский Дом предназначается также для хранения всего, что касается жизни и деятельности представителей Русской изящной словесности...»

С той поры прошло 75 лет. Неизмеримо выросло значение Пушкинского Дома. Из музейно-архивного учреждения он превратился в крупнейший научный и культурный центр, равного которому нет в мире. Но название не изменилось. И сегодня оно стоит на обложке трех небольших томов, выпущенных в ознаменование юбилея Дома. Первый из них — очерк истории Пушкинского Дома с 1905 по 1980 год, написанный В. Н. Баскаковым, второй — библиография Трудов Дома с момента создания до наших дней, составленная А. К. Михайловой, и, наконец, третий — статьи и документы по истории Пушкинского Дома, которые свидетельствуют о его роли в жизни таких деятелей культуры, как Горький, Луначарский, Блок, Кони, Андрей Белый...

Юбилейные книги Пушкинского Дома рассказывают об истории науки, но эта история творилась недавно, вместе с историей живущего ныне поколения, и в ней были свои драматические и свои героические страницы, которые читаются сегодня как захватывающий роман.

Вот начало начал — покупка библиотеки Пушкина. Известный ученый Б. Л. Модзалевский отправляется из Петербурга в Бронницкий уезд Московской губернии к внуку поэта Александру Александровичу. «Приехав в сельцо Ивановское в сентябре 1900 г., я встретил со стороны А. А. Пушкина самый радушный прием и полное содействие выполнению моей задачи. Библиотека оказалась в довольно плачевном состоянии: многие книги были попорчены сыростью и мышами, многие были помяты или растрепаны; спешно она была разобрана, уложена в 35 ящиков и отправлена до станции Бронницы на подводах, а затем — по железной дороге...» Около 4 тысяч томов (какой энциклопедизм в одной этой цифре!) личной библиотеки Пушкина, с пометами на книгах и записочками на вкладках, легли в фундамент собрания Пушкинского Дома. А к 1980 году

библиотека самого института насчитывала 600 тысяч томов. Вот что выросло из пушкинского корня!

Собирание фондов шло порой необычным, сложным путем. Еще до революции, в 1908 году, у создателя Пушкинского музея в Париже А. Ф. Онегина была приобретена богатейшая Пушкинская коллекция, а также рукописи Жуковского, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и многое другое. По условиям покупки коллекция при жизни А. Ф. Онегина оставалась в Париже, и Академия наук выплачивала ему пенсию на ее пополнение. Но события империалистической, а потом гражданской войны на время прервали связи с Францией. В 1919 году с помощью Л. Б. Красина контакты с А. Ф. Онегиным были восстановлены, молодая Советская республика в 1922 году — в период разрухи и голода — выплатила ему 100 000 франков на содержание музея, а после смерти А. Ф. Онегина замечательный русский ученый-судостроитель А. Н. Крылов, принимавший в Париже советские военные корабли, уведенные белыми в Бизерту, организовал перевозку коллекции Онегина в Ленинград. И вот в Пушкинский Дом доставлены первые восемь чемоданов. Открыли один — автографы Пушкина, альбом А. О. Смирновой, бумаги Жуковского, письма Тургенева... Так благополучно завершилось приобретение Онегинского собрания, которое в первую очередь умножило богатства важнейшего, Рукописного, отдела Дома. Ведь особенность Института русской литературы в том, что здесь не только изучается литература, но и хранятся важнейшие источники этого изучения. В 1911 году Дом получил в дар первый автограф Пушкина — письмо к его невесте Н. Н. Гончаровой. А сегодня все, какие есть, рукописи Пушкина (9033 листа) хранятся здесь. И где бы ни был обнаружен автограф поэта, он обязательно поступит в Пушкинский Дом.

Однако уже с первых дней существования Дома стало ясно, что в сфере его интересов не один Пушкин, но вся русская литература, весь литературный процесс от седой древности до последнего периода современной советской литературы. В очерке-исследовании В. Н. Баскакова прослежена постепенность превращения собирательского музейного центра в исследовательский институт, каким он стал в 1930 году и каким в еще большей степени является в наши дни. Здесь сыграло роль не только накопление материалов, но и личность выдающихся ученых, участвовавших в работе института.

В 1932 году был создан Отдел (ныне Сектор) древнерусской литературы, который возглавил академик А. С. Орлов. «Самой первой задачей, вставшей перед коллективом Отдела при его создании, было восстановление литературного процесса средневековья. Дело в том, что к началу 30-х годов общее представление о литературном развитии той эпохи отсутствовало. Его заменяло представление об отдельных памятниках...» — пишет В. Н. Баскаков. Шутка ли, восстановить для потомков литературный процесс с момента возникновения Русского государства по XVII век! Здесь требовался темперамент не книжного червя, не гетевского Вагнера, а ученого-воителя, первооткрывателя, борца. С конца 40-х экспедиции Пушкинского Дома отправляются на Северную Двину, Пинегу, Печору, в Сибирь. Экспедиционный поиск возглавил замечательный ученый, подвижник древнерусской культуры, доктор филологических наук В. И. Малышев, а впоследствии его ученики. И как итог — богатейшее Древлехранилище, где есть автографы протопопа Аввакума, патриарха Никона, Петра I; Евангелие, переписанное царевной Софьей и украшенное миниатюрами мастеров Оружейной палаты... Но главное — многочисленные произведения древней русской литературы, и среди них — еще недавно неизвестные науке.

Неутомимый труд разыскателей вместе с научным подвигом ученых, возглавляемых А. С. Орловым, а затем Д. С. Лихачевым, принес свои плоды. «От представления о необыкновенной бедности литературной жизни Древней Руси совершается переход к представлениям о богатстве и разнообразии ее литературы, о постоянном и непрерывном литературном развитии в ту эпоху», — пишет автор исторического очерка.

Так восстанавливалась «связь времен». И, листая юбилейный том, уже не удивляешься, что в 1942 году в блокадном Ленинграде вышла брошюра М. А. Тихановой и Д. С. Лихачева «Оборона древнерусских городов». Наука встала в ряды защитников Ленинграда. Пушкинский Дом выпускал книги «Оборонной серии», а ученые, слабея от голода, таскали песок на чердак своего прекрасного здания на Стрелке Васильевского острова и покрывали огнеупорным раствором стропила. Зимой 1941/42 года институт потерял 20 своих сотрудников, оставшихся в Ленинграде. Их светлые имена мы встречаем сегодня в библиографическом своде Трудов Пушкинского Дома.

Издания Пушкинского Дома всегда привлекали к нему общественных и культурных деятелей, творческую интеллигенцию. Внимательным и вдумчивым читателем книг Дома был В. И. Ленин: в его Кремлевской библиотеке — «Неизданный Пушкин», «И. А. Гончаров и И. С. Тургенев», альманах «Радуга» — 15 из 20 книг, выпущенных Пушкинским Домом в 1921—1923 годах.

А. М. Горький под конец жизни был недолго директором Пушкинского Дома. Но это лишь итог многолетней связи писателя с институтом. Из статьи В. Н. Баскакова (кн. 3) мы узнаем о ценнейших книгах и материалах, переданных Дому по просьбе Горького или им самим. Вот что говорится в одном из писем, полученных в 1918 году:

«...по просьбе А. М. Пешкова (М. Горького) препровождаю Вам для Пушкинского Дома при Российской Академии наук:

1) резанный из кости Л. Серяковым барельеф няни А. С. Пушкина и сертификат к нему, писанный Алексеем Максимовичем».

Значит, тот портрет Арины Родионовны, который мы видим сегодня в экспозиции Всесоюзного музея Пушкина, — дар Горького Пушкинскому Дому. Именно сюда передал писатель часть своего архива.

Статья Н. В. Лощинской, помещенная в третьей книге юбилейного издания, рассказывает о близости с Пушкинским Домом Александра Блока: он бывал здесь, работал с изданиями Дома, вышедшие при его жизни, временники были в его библиотеке. По странному и трагическому совпадению последним поэтическим произведением Блока были именно стихи «Пушкинскому Дому». После смерти поэта его архив и библиотека нашли место в хранилищах Дома. Многие годы здесь работала Блоковская комиссия.

Пристальный интерес и любовь к Пушкину Анны Ахматовой общеизвестны, но из помещенной в юбилейном издании статьи Р. Д. Тименчика, построенной на большом материале, широкий читатель узнает, что поэтесса прочитала в Пушкинском Доме доклад о своих разысканиях по поводу «Сказки о золотом петушке», а статья об «Адольфе» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина» напечатала во временнике Пушкинской комиссии. В полном живых подробностей дневнике сотрудницы библиотеки Пушкинского Дома Е. П. Казанович рассказано о посещении Дома композитором С. М. Ляпуновым (он работал с архивом Стасова). Казанович попросила его написать что-нибудь в альбом для Пушкинского Дома. «...Придя к нему через несколько времени за альбомом, я застала его за большим, им тут же разлинованным для нот, листом бумаги, за которым он быстро-быстро вписывал нотные крючки, а перед ним лежал альбом, раскрытый на стихотворении Ахматовой «Смуглый отрок...». «Я вдохновился и пишу вам новый романс», — с улыбкой, немного шепелявя, ответил Ляпунов на мой немой вопрос».

Так в юбилейном издании подчеркивается еще одна роль института — как притягательного центра, сплотившего вокруг себя представителей отечественной культуры.

Не каждому придется побывать в стенах Пушкинского Дома. Но каждый воспользуется плодами труда ученых. За последние годы здесь проделана гигантская научная работа по подготовке полных собраний сочинений русских классиков. Открывая тома академического Пушкина, Лермонтова, Белинского, Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Некрасова, нельзя не вспомнить о тружениках литературоведческой науки, которые бережно донесли до нас слово писателей, и не сказать вслед за поэтом:

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!

М. ГРИНЕВА

В. Н. Баскаков. Пушкинский Дом. 1905—1930—1980* Пушкинский Дом. Библиография Трудов* Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. «Наука». Л. 1980—1982.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

МНОГОЦВЕТЬЕ МОЗАИКИ

К северу от Москвы, среди сосен и мохнатых, разлапистых елей, расположились четырехэтажные здания, в которых отдыхают рабочие 2-го Московского часового завода. Строения обычные, блочные, каких много по всей стране, и поставлены они без особых архитектурных ухищрений. Казалось бы, корпуса как корпуса, и все же, если вам доведется ехать по Волоколамскому шоссе, сверните у станции Снигири на проселочную дорогу. И через пять километров вашим глазам откроется прекрасное видение. Три огромные мозаики, нанесенные на торцы домов, поставленных под углом друг к другу,— издали словно расписной полураскрытый веер с загадочными картинами. Утром в лучах солнца разноцветная смальта, из которой они сложены, вспыхивает сотнями оттенков, горит, переливается. А когда освещение становится мягким, спокойным, хочется долго наслаждаться тонкой живописностью изображений, вникать в их смысл, постигать символику запечатленных художником образов. И чем дольше вглядываешься в эти панно, тем все больше и больше попадаешь в плен их художественного обаяния и тебя охватывает то приподнятое настроение, какое бывает при встрече с истинным искусством. Здесь, в стороне от столицы, среди густых хвойных лесов яркие мозаики, звенящие чистыми, нежными тонами, воспринимаются как чудо, будто занес их сюда волшебный ветер. Созданные три года назад, они кажутся сродни древним памятникам.

Автор этих работ — молодой московский художник Ирина Федоровна Глебова — Ариша, как называют ее друзья.

— Все панно объединяет одна тема,— объясняет она.— Время во множестве его состояний в жизни человека.

Различные аллегорические фигуры воплощают замысел художника. Вот на фоне солнца с распростертыми крыльями летит нам навстречу птица, принявшая волей автора образ женщины с маятниками в ладони,— символ быстротечного времени. Оно неумолимо движется вперед, непреклонно отсчитывает дни, часы, мгновения. Стремительный бег секунд уравновешивает размеренная череда времен года, в нескончаемом круговороте сменяющих друг друга. Вот, как сугроб, возлежит Зима в белом одеянии. Бежит по зеленеющим лугам Весна в цветочном наряде. Жаркое Лето в красном сарафане и кокошнике рядом со снопом пшеницы — пора расцвета, зрелости, материнства. А Осень — как тонкое деревце на ветру, под дождем, захлестнутое кружащимися листьями.

Художник считает очень важным момент неожиданности, красочности, радости. И этого ей, безусловно, удалось добиться.

— Меня увлекает,— говорит она,— многоцветье мира, и хотелось, чтобы работы были органичны с природой, не казались чужеродными, искусственными, чтобы чувствовались в них доброта и живое внутреннее состояние.

На второй стене Глебова вновь изображает полдневное светило, которое воспринимается как олицетворение жизни, только теперь в его лучах — сияющая, счастливая Юность, пора смелых и дерзких надежд. В развевающемся платье, в венке из цветов шиповника и нарциссов, она светится драгоценной жемчужиной в окружающем ее пространстве, насыщенном горячими, огненными тонами. Рядом гирлянда разнообразных циферблатов, веселый перезвон красок сопутствует молодости, отмечая каждый ее шаг то бурной, то нежной мелодией.

Мягкие пастельные тона — зеленоватые, сиреневые, охристые составляют основной колорит третьего панно, которое воплощает томительные минуты Ожидания. Замерла скованная какой-то неотступной мыслью молодая женщина. На плечах шаль с длинными, тянущимися вниз кистями, прямые черные волосы окутывают плечи, руки сложены на груди, в глазах напряженная, неотступная мысль. Она ждет.

Тянется черепахой время одиночества. Этот образ возникает тут же, рядом. В клетках, образованных рисунком панциря, предстают знакомые сцены — в дни болезней, разлуки, в преддверии перемен...

Глебова касается проблем, вечно волнующих человека. Она часто обращается к символике, находя при этом решения, близкие и понятные людям. И не перестаешь восхищаться колористическим вкусом, тонкостью пластических ритмов, артистизмом и мастерством автора, сумевшего гармонично соединить сложность понятий и конкретный смысл бытия.

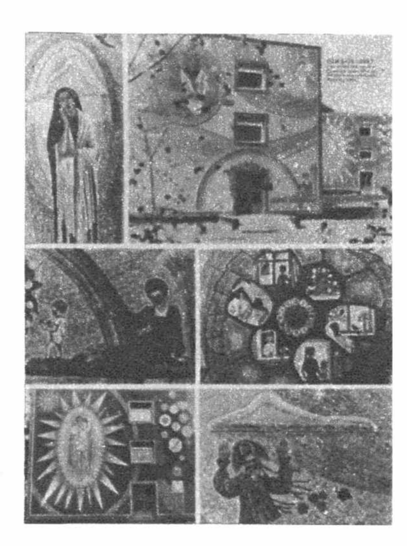
Площадь каждой из этих мозаик — 120 квадратных метров. Труд, казалось бы, непомерный. Прежде чем разноцветные кусочки смальты заняли свое строго определенное место, сначала были созданы эскизы, затем картоны в цвете, в натуральную величину, потом кальки, с которых изображение перенесли на стену. И только тогда можно было приступить к самой кладке, которую осуществляли и в непогоду, и в зной, и под пронизывающими порывами ветра на специально сооружаемых для такой работы строительных лесах.

Несмотря на размер панно, в изображении нет небрежности.

— Мозаика должна глядеться не только издалека,— утверждает Ирина,— но и вблизи не разочаровывать грубостью исполнения.

С любовью работает она над каждой деталью. Оконные и дверные проемы забирает орнаментом, и они перестают казаться чужеродным элементом, органично вписываясь в художественную канву. По краю стены делает кант, обрабатывает его узором, а над дверью, например, из Лета в Осень, перебрасывает радугу. Мозаики смотрятся как цельные, завершенные творения.

К таким крупным и сложным произведениям Глебова пришла не сразу, не простым путем. В 1968 году окончила Ленинградское художественно-промышленное училище имени В. Мухиной. И уже студенткой показывала на выставках свои вполне зрелые керамические работы. Увлеклась народным творчеством, его яркой декоративностью, сказочностью. Сама лепила, расписывала фольклорные персонажи: зеленых русалок, удивленно взирающих на земной мир, наивных морозно-снежных Берендеев с лихими завитками бороды и усов. Делала добродушных львов с голубыми гривами, веселых полканчиков, задумчивых, спокойных Берегинь, девушек в оконцах с узорами. У ее Ундин текучие, струящиеся, как волны, волосы цвета речной воды. А златовласая Суок с бантами, будто натянутая струна: кажется, еще немного, и она выпрыгнет из керамической рамы, в которую ее поместила художница, и скользнет перед нами на проволоке. Образы милого, доброго детства, пришедшие из поэтичных преданий...

Выставки приносили успех и известность, была интересная, радующая работа, но вот случился поворот в судьбе: Ирина Федоровна больше не могла работать у печи, обжигать и ворочать тяжелые изделия. Пришлось отказаться от дорогих сердцу занятий, искать иные пути воплощения переполнявших душу мыслей, образов. И она выбрала совсем не облегченный, едва ли не самый трудный и ответственный вид искусства — мозаику. За несколько лет прошла в своем творчестве путь от небольших, очень красивых, лучащихся добрым юмором, но камерных вещей до грандиозных панно, несущих сложные философские обобщения.

Первой работой в новом направлении стали четыре мозаики для здания механосборочного цеха 2-го Московского часового завода. Это потом ее пригласили украсить корпуса заводской зоны отдыха в Снигирях.

...Когда из фойе поднимаешься в цеховые помещения, то попадаешь в мир Времени. Две золотистые и две синие мозаичные стены чередуются, пока идешь лестничными пролетами. С далеких космических высот, где Время течет по-своему, где на панно господствуют знаки Зодиака, а детали и механизмы часов блистают, как звезды в ночи, попадаешь на землю, и тебя окружают часы, часы... Старинные — солнечные, песочные, водяные конусы, часы-перстень, кулон, каминные, настольные, в виде вазы, яйца, с причудливыми украшениями. И самой разной формы современные — круглые, прямоугольные, овальные, с изящными браслетами. Ты словно оказываешься в своеобразном музее, узнаешь способы измерения времени в разные века, у разных народов, видишь, как менялись внешний вид часов и способы их ношения. Не забыты и ключи, которыми их заводили. Они присутствуют тут же как необходимые фрагменты орнамента.

Прежде чем приступить к работе, Глебова просмотрела много книг, изданий, посвященных часовому делу. Она считает, что в монументальных произведениях, тем более посвященных определенной теме, не должно быть приблизительности, неточности. Ведь мозаики создаются на долгие годы, они постоянно на виду и, помимо декоративной функции, имеют большое познавательное значение.

К каждому заказу она относится с большой ответственностью. Когда ей предложили сделать две мозаики в Евпатории для бассейна детского сада «Рябинка», предназначенного ребятам с Урала, из Златоуста, она прежде всего изучила литературу по биологии Черного моря, консультировалась в МГУ на кафедре ихтиологии. Ей нужно было достоверно передать вид морского дна, облик его обитателей. Панно размещены в помещении бассейна друг против друга; одно из них воспроизводит обстановку морских глубин, другое — мелководье. И в каком бы направлении ребята ни плыли, они всегда будут чувствовать себя в морской стихии. То промелькнет перед ними стайка быстрых султанок или покажется среди красных водорослей под стать им по цвету рыбка уточка. Словно малахит, зазеленеет бычок-травяник. сольется с песком плоский скат — морская лисица,— по очертаниям похожий на воздушного змея, которого так любят запускать мальчишки, притаится между камней камбала. Все это серебрится чешуей, отливает золотом, переливается сотней красочных оттенков. Причудливый, таинственный мир раскрывает талант художника. А если заглянуть в бассейн с улицы, через прямоугольники оконных переплетов, то он покажется огромным аквариумом, который живет своей особой жизнью.

Когда строители детсада-санатория, местные жители привели своих детей посмотреть готовые мозаики, те хором узнавали хорошо известных им морских коньков, крабов, кефалей. Ювелирная кладка, когда автор, чтобы передать, например, прозрачность медузы, применила одиннадцать градаций тонов, близких к белому, точность очертаний не нарушили общего впечатления сказочности, притягательной силы звонких, чистых тонов.

Ирина Глебова хочет продолжить работу в «Рябинке», оформить весь комплекс, сделать на фасаде мозаики по мотивам сказов Бажова, чтобы смотрелись они малахитовым срезом, аметистовой друзой... А пока много трудится в своей московской мастерской, пишет портреты пастелью, делает наброски будущих произведений.

Рис. А. Ашманова

Рис. Т. Юнака (Киев)

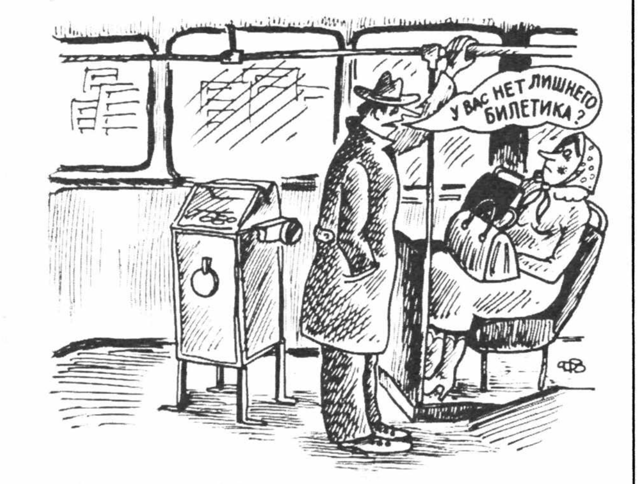
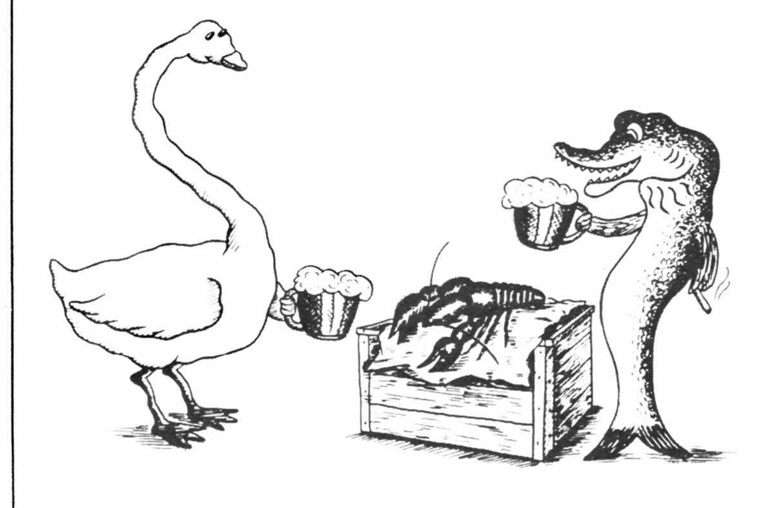

Рис. В. Дубова

Рис. А. Дмитриева

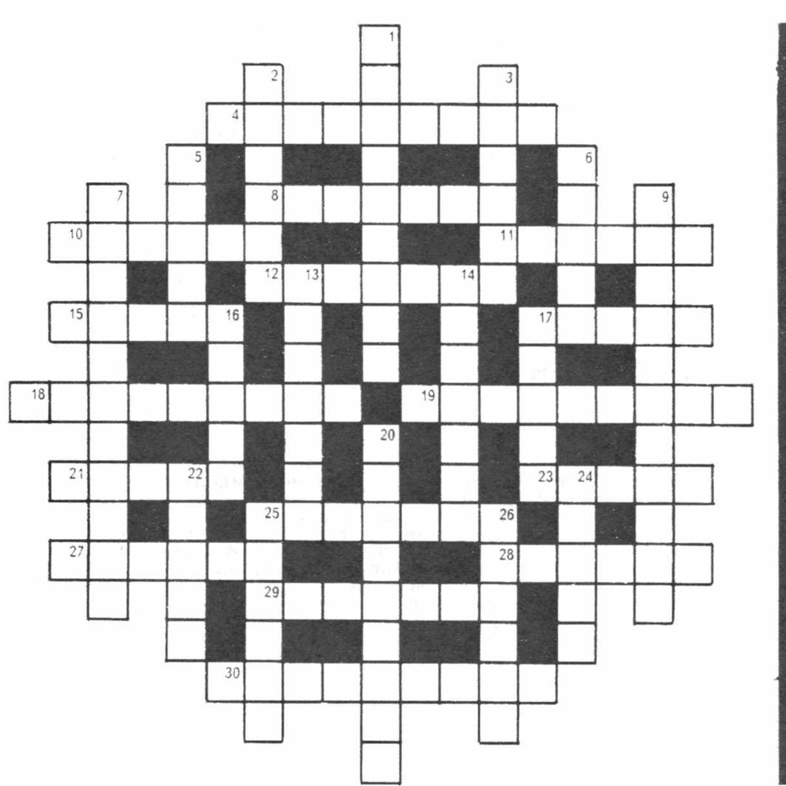

Однажды лебедь, рак да щука...

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Журнал «Огонек» с № 32 начинает печатать новое произведение Анатолия ИВАНОВА «Повесть о несбывшейся любви».

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Картина Б. М. Кустодиева. 8. Тропическое растение, разновидность маниока. 10. Симфоническое произведение М. Равеля. 11. Охотничья собака. 12. Действующее лицо драмы А. Н. Островского «Гроза». 15. Государство в Южной Азии. 17. Легкая хлопчатобумажная ткань. 18. Опера Д. Верди. 19. Клетчатка. 21. Конструктивный элемент, применяемый в строительстве. 23. Промысловая морская рыба. 25. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 27. Рыбообразное животное. 28. Туркменский актер, народный артист СССР. 29. Аппарат для размножения машинописного или рукописного текста. 30. Геодезический инструмент.

По вертикали: 1. Драма Л. М. Леонова. 2. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 3. Дословный отрывок из текста. 5. Рацион питания. 6. Национальный герой Кубы, писатель. 7. Танцевальное искусство. 9. Один из основных строительных материалов. 13. Приток реки Куры. 14. Селекционер, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 16. Артист балета, народный артист СССР. 17. Серия советских научных орбитальных станций. 20. Рассказ А. П. Чехова. 22. Способ спортивного плавания. 24. Город в Черкасской области Украины. 25. Естествоиспытатель, основоположник материалистической теории эволюции органического мира. 26. Аргентинский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

По горизонтали: 3. Мордвинов. 5. Арзни. 6. Гусли. 9. Корма. 10. Среда. 12. Полонез. 15. Портрет. 16. Радищев. 17. Сицилия. 18. Водород. 20. Носорог. 22. Матрица. 25. Текст. 27. Серия. 28. Шмель. 29. «Адели». 30. Рокировка.

По вертикали: 1. Адмирал. 2. Пингвин. 3. Марха. 4. Вилкс. 7. «Фронт». 8. Верди. 9. Коловорот. 11. Аллегория. 12. Потсдам. 13. Ординар. 14. Зарянка. 19. Осока. 21. Отара. 23. Тальник. 24. Инсаров. 26. Тимор. 27. Сылва.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Начальник плавучей полупогружной буровой установки «Шельф-1» О. М. Мушудли и буровой мастер Э. К. Мусаев. * Верхне-Ханбуланчайский водохозяйственный комплекс — красивейший уголок Ленкоранского района Азербайджанской ССР. (См. в номере материал «Широко шагает Азербайджан!».)
Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мозаичные панно работы художницы И. Глебовой. (См. в номере материал «Многоцветье мозаики».)
Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 12.07.82. Подписано к печати 27.07.82. А 00667. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1824. Заказ № 2712.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ТОЧНЫЙ РАСЧЕТ

Виктор ЛОГИНОВ **Фото А. ГОСТЕВА**

Кубань вырастила богатый хлеб. Но не радует погода. Гремят грозы над полями. Прибивают пшеницу обильные ливни. А, впрочем, когда погода баловала земледельца? На Кубани что ни жатва, то страда.

Жатва-82... Взяла она свой разбег в особенное, замечательное время, в праздничный год: исполняется 60 лет со дня образования СССР. А совсем недавно — на майском Пленуме ЦК КПСС — была одобрена Продовольственная программа. Поставлены грандиозные задачи на период до 1990 года. Первый весомый вклад в осуществление программы суждено внести нынешней, юбилейной жатве.

В Краснодарском крае готовились к ней загодя. Но расчет был прежний: убрать хлеб за 7—9 календарных дней. Реальность расчета обосновывалась признанным мастерством кубанских механизаторов и подкреплялась необходимой техникой. 12 тысяч жаток, 17 тысяч комбайнов и 50 тысяч автомобилей подготовлено к жатве в хозяйствах края. Вся эта армада объединена в 1200 уборочно-транспортных отрядов и комплексов.

Один миллион восемьсот тысяч гектаров — таково кубанское хлебное поле. Не так уж и много в масштабах страны. Но кубанский гектар щедрый. Кубанцы обещают засыпать в закрома Родины 4250 тысяч тонн хлеба. Как и в прошлые годы, значительную его часть составят ценные и сильные пшеницы. Многие хозяйства в этом году идут дальше — берут курс на пшеницу сверхсильную, в зерне которой содержится более 32 процентов клейковины. Застрельщиком здесь снова выступил знаменитый первосортным хлебом Ейский район.

Дожди и грозы все время сбивали темп жатвы. В трудных условиях свалили и обмолотили ячмень. Он поспевает раньше, и его уборка, как здесь говорят, генеральная репетиция. Полную и самую яркую картину жатвы увидишь только на п ш е н и ч к е. Пошло на тока пшеничное зерно — считай, началась она, главная кубанская страда. И тут уж не зевай, дорожи в буквальном смысле каждой минутой. А в мокрую погоду цена рабочей минуты особенно высока!

Широко и раздольно кубанское поле. Пшеничный разлив от горизонта до горизонта. Выйдешь на курган у развилки дорог — и покажется вдруг, что вся Кубань у тебя перед глазами. А на самом деле это лишь поля одного колхоза, вернее, даже часть его земель, какие-нибудь две-три бригады. Здесь, вокруг кургана, солнечно и жарко. А на северо-западе темно и мрачно: там хлещет ливень. И оттуда по трем дорогам приближаются быстрые дымы. Что это? Да ничего особенного, теперь это дело привычное: на сухие, жаркие поля стягиваются два соседних уборочно-транспортных отряда. Идут комбайны. Вереницей движутся автомобили. Тянутся громадные короба половосборщиков. Здесь и походные мастерские, и бензозаправщики, и автофургоны — с борщом и кашей. Смотри, вон первый комбайн уже врезался в пшеницу, за ним разворачивается на загонку второй. Там и сям поднимаются над пшеницей седые облачка пыли. И уже пошел на ток хлеб. Уже везут в специальные хранилища полову.

Каневский район расположен в северной части края. Здешние хлеборобы обещают Родине 177 тысяч тонн хлеба. Это очень много! Но первый секретарь райкома партии Петр Прокофьевич Чубов не нажимает на эту красивую цифру. Хлеб, конечно, всему голова. Хлеб выращен. Хлеб будет. Но Петр Прокофьевич особо подчеркивает, что на диво хороши в этом году кукуруза, подсолнечник, сахарная свекла, буйно растут травы. Дождь и во вред и на пользу. Председатель каневского колхоза «Победа» Вадим Федотович Резников заявляет категоричнее: «Дождь земледельцу не помеха».

Двух часов общения с Героем Социалистического Труда Резниковым хватает, чтобы убедиться: это личность яркая и своеобразная. Хозяйство, руководимое Вадимом Федотовичем, выросло в настоящий аграрно-промышленный комплекс. Под стать хозяйству и люди. Упомянуть хотя бы двоих: секретарь парткома Илья Алексеевич Мурзов, проработавший с Резниковым более двадцати лет, и другой чародей своего дела — шеф-повар и заведующий колхозным пищеблоком Иван Данилович Беляев. Мурзов — фигура, известная далеко за пределами района. Говорить с ним истинное удовольствие: в суждениях самостоятелен, оригинален. «Ему бы только книги писать»,— сказал один из его собеседников. А Беляев, тот пишет: он колхозный самодеятельный поэт. На току, ненавязчиво и к месту, «выдает» экспромт, который заканчивался вопросительно: «Но почему бывает так, что по ночам не спится?»

Туманный этот намек на трудности Вадим Федотович отверг спокойным движением руки:

— По ночам я сплю как убитый.

И было это чистейшей правдой: спать-то ему сейчас всего приходится по три-четыре часа в сутки. Но трудности и разные неприятности, конечно, были. И больше, чем ливневые помехи с неба, огорчали земные неувязки. Халатное отношение на элеваторе — не берут пробу на качество пшеницы. Или вот ЧП — комбайнер вывалил на стерню бункер зерна. Каково слышать это Резникову? В хозяйстве и к щепотке зерна научились относиться как к святыне. И случай с механизатором, рассыпавшим зерно,— редчайшее исключение. Комбайнер-ветеран Владимир Петрович Архипов — в колхозе убирают хлеб трое братьев Архиповых, и Владимир — старший,— услышав об этом, недоуменно пожимает плечами. Не может понять такого и молодой комбайнер Володя Михайлов...

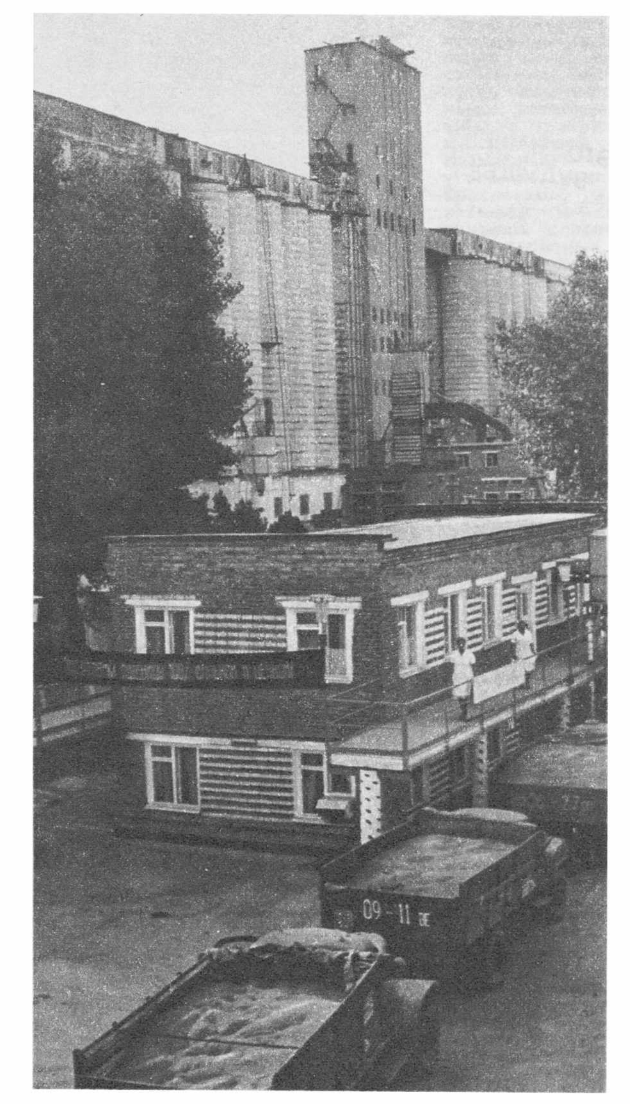
Да, лицо жатвы — хлеб. Курганы янтарного зерна на токах. Здесь пшеничка подрабатывается — доводится до кондиционных норм. Больше дать сильной и ценной пшеницы! И дают, хотя в мокрую жатву подработка зерна связана с серьезными трудностями. Но они преодолеваются. В первой сотне тысяч тонн зерна, поступившего в государственные закрома, сильная и ценная пшеница составляет шестьдесят процентов. Значит, надо уточнить: лицо жатвы — хлеб высшего качества.

Колхозные художники рисуют на бортах комбайнов красные звездочки. Одна звезда — тысяча центнеров намолоченного зерна. В хозяйствах Усть-Лабинского, Брюховецкого, Кореновского, Ленинградского, Динского и других районов края на десятках комбайнов уже красуются по пять, семь и восемь звездочек. Не перечислить фамилий всех передовых комбайнеров. Многие за сезон обязались намолотить по 15 тысяч центнеров хлеба. Хлеб почти повсеместно в крае удался (нет, выращен!) тучный.

...Пшеничная жатва-82 на Кубани приближается к завершению. К концу июля хлеба в основном скошены. Кубань выдала из бункеров комбайнов первые миллионы тонн зерна.

У молодого комбайнера Владимира Михайлова хорошее настроение: уборка идет успешно, урожай высокий.

Приемка зерна на Каневском комбинате хлебопродуктов.

На полях колхоза «Победа».

Рядом с пшеничным полем цветет подсолнечник — своя страда у пчеловодов.

Семейное звено братьев Архиповых.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

